Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 80. 15-го декабря 1904 г. Годъ IV.

ЗЕМСКАЯ „ДЕРЗОСТЬ“ И ПРОЛЕТАРСКАЯ „БЕЗТАКТНОСТЬ“.

То, что такъ страстно призывали изувѣры „Москов. Вѣд.“, наконецъ, свершилось. „Съ высоты престола“ достаточно внятно сказано „довольно!“ расходившемуся либеральному „обществу“. Резолюція Николая II на докладѣ о Черниговской земской челобитной объявляетъ домогательства земцевъ „дерзкими и безтактными“ и ея авторъ, по своему, правъ, если принять во вниманіе, что либеральная оппозиція, приглашая самодержавіе самоупраздниться, ничѣмъ не грозитъ ему въ случаѣ его отказа. Не подкрѣпленныя опредѣленной угрозой, просьбы естественно производятъ впечатлѣніе „неслыханной дерзости“. Такой угрозой могъ бы быть отказъ отъ соучастія съ самодержавіемъ въ расходѣ общественныхъ денегъ на веденіе войны, какъ и вообще, отказъ отъ выдачи денегъ правительству, какъ *общая стачка* земскихъ органовъ управленія. Еслибъ самодержавіе думало, что земская оппозиція стоитъ наканунѣ *такихъ* дѣйствій, оно не пускалось бы на такія шутки, какъ повтореніе эпизода съ „безсмысленными мечтаніями“. Но нѣсколькихъ явныхъ признаковъ безхарактерности буржуазной оппозиціи было достаточно для того, чтобы самодержавіе сообразило, что, по существу дѣла, оно имѣетъ передъ собой, въ лицѣ земцевъ, челобитчиковъ, а не людей, властно требующихъ и готовыхъ постоять за свои требованія. Самодержавіе приказало городскимъ гласнымъ Саратова и Петербурга *не обсуждать* вопроса о реформѣ, и они — повиновались, не рѣшились выйти изъ предѣловъ полицейской „легальности“, не собрались, *вопреки* запрещенію, не пошли на явное его нарушеніе. Это обстоятельство показало, что либеральная оппозиція пошла въ атаку, не рѣшивъ заранѣе не отдавать безъ боя разъ уступленныхъ ей позицій. Ей дали нѣкоторый просторъ для печати — она не протестовала, когда, въ наказаніе за ея „злоупотребленія“, ее вернули въ „первобытное состояніе“. Ей позволили собираться — но она разошлась, когда позволеніе было взято назадъ. Рѣшительности и радикализму рѣчей не соотвѣтствовала революціонность поступковъ. И самодержавіе констатировало, что выступать съ заявленіями, не имѣя твердой воли заставить себя выслушать, значитъ совершать „дерзость и безтактность“.

Царскій отвѣтъ черниговскому земству заканчиваетъ собой „весну“ въ правительственныхъ сферахъ. Закрытіе „Сына Отечества“, запрещеніе обсуждать въ земскихъ собраніяхъ „общегосударственные вопросы“, варварскія избіенія демонстрантовъ на улицахъ Петербурга и Москвы — все это показываетъ, что самодержавіе собралось съ силами и готовится къ новой рѣшительной схваткѣ съ внутренними врагами. Но, рядомъ съ голой репрессіей, оно собирается еще пустить въ ходъ новый пріемъ „зубатовской политики“ — по крайней мѣрѣ, за эту зубатовскую политику борется въ настоящее время Святополкъ съ Побѣдоносцевыми, Сергіями и Муравьевыми. Конституціонному движенію попытаются противопоставить вытащенную изъ либерально-народническаго архива идею сотрудничества „земщины“ и самодержавія. По мѣрѣ того, какъ выяснялось растущее недовольство придворной клики размѣрами, которые приняло конституціонное движеніе, и по мѣрѣ того, какъ голоса революціонныхъ элементовъ все отчетливѣе стали слышаться въ хорѣ общественнаго протеста,—въ самомъ оппозиціонномъ лагерѣ все явственнѣе намѣчались признаки близкаго разложенія. Кличъ: „учредительное собраніе!“ раздавшійся на многихъ митингахъ и поддержанный революціонной „улицей“, не преминулъ вызвать самое жгучее безпокойство на правомъ флангѣ „общества“. И, вмѣстѣ съ поворотомъ Святополка въ сторону усиленныхъ репрессій, въ печати начинается походъ противъ конституціоналистовъ — подъ знаменемъ новой „земской реформы“. Созданіе совѣщательнаго „центральнаго земства“ или приглашеніе земскихъ людей въ (совѣщательный) Государственный Совѣтъ — такова приманка, которую шарлатаны „Нов. Вр.“ выбрасываютъ оппозиціонной буржуазіи, въ противовѣсъ „правовому порядку“. Вокругъ Николая II въ настоящее время ведется борьба между слѣпыми доктринерами реакціи и сторонниками этого плана „прирученія“ буржуазной оппозиціи.

Если реакціи будетъ нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ еще одинъ сильный ударъ, то, несомнѣнно, духъ Зубатова окажется побѣдителемъ надъ духомъ Плеве, и „центральное земство“, въ томъ или другомъ видѣ, будетъ пожаловано Николаемъ II. Если земцы не пожелаютъ отречься отъ программы, выработанной на ноябрскомъ съѣздѣ, они должны будутъ отвѣтить категорическимъ отказомъ принять участіе въ этой политической комедіи. Пойдутъ ли они на такое революціонное дѣйствіе или предпочтутъ оппортюнистическую тактику сдѣлокъ, — это будетъ всего менѣе, конечно, зависѣть отъ ихъ собственной политической проницательности. Важную роль сыграетъ давленіе общественной среды, не послѣднюю, въ томъ числѣ, давленіе демократической интеллигенціи. Но демократическая интеллигенція, сама по себѣ, представляетъ весьма невнушительную силу и она должна будетъ въ этомъ убѣдиться, какъ только ея союзъ съ земской буржуазіей станетъ стѣснителенъ для послѣдней. Чтобы ея вліяніе на земство могло укрѣпляться въ моментъ, когда съ земствомъ заигрываютъ *справа*, для этого надо, чтобы на лицо было сильное революціонное движеніе слѣва, со стороны народныхъ массъ. Только примыкая къ сознательнымъ народнымъ массамъ, демократическая интеллигенція можетъ сама противостоять напору „земскаго благоразумія“. А это значитъ, что удача или неудача новаго зубатовскаго эксперимента будетъ не въ послѣдней степени зависѣть отъ отношенія демократіи къ революціонному выступленію пролетаріата. Для того, чтобы земскій либерализмъ не могъ измѣнить конституціоналистской демократіи, надо, чтобы эта послѣдняя не измѣняла пролетаріату.

Объ этомъ умѣстно напомнить теперь, когда наши демократы дали намъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, насколько отчетливо понимаютъ они свои задачи. Въ рядѣ случаевъ, какъ извѣстно, сознательные русскіе пролетаріи вмѣшались въ манифестаціи либерально-демократическихъ слоевъ „общества“ чтобы предложить взывающимъ о необходимости всеобщаго „единенія“ конституціоналистамъ ту платформу, которая могла бы позволить народнымъ массамъ видѣть въ буржуазной оппозиціи хотя бы временнаго союзника. Какой же пріемъ встрѣтили при этомъ пролетаріи? Въ Харьковѣ (въ юридическомъ обществѣ) ихъ ораторъ былъ встрѣченъ криками „долой“ и т. д., и въ этихъ безчинствахъ принимали активное участіе не только „сторонники порядка“, — партизаны проф. Гродескула, — но и только что ополчавшіеся противъ этого самаго профессора радикалы, которые, однако, охотно пользовались поддержкой пролетаріевъ, когда проваливали телеграмму кн. Святополку. Когда имъ не удалось заставить замолчать соціальдемократическаго оратора, они пытались позорно бѣжать съ открытаго имъ „народнаго митинга“, и харьковскимъ рабочимъ пришлось попросту затворять выходныя двери, чтобы заставить гг. „демократовъ“ выслушать свою резолюцію. Въ Одессѣ, на банкетѣ въ „Благородномъ собраніи“, столь же враждебный пріемъ встрѣтилъ нашего товарища, когда онъ явился для формулировки желанія „тысячъ демонстрирующихъ на улицѣ пролетаріевъ“. Позорные крики: „вонъ“, „не надо“ и т. д. дали понять представителю одесскихъ рабочихъ, что гг. демократы, ничего не имѣя противъ того, чтобы русскіе пролетаріи сражались на улицахъ съ полиціей, готовы прійти въ бѣшенство, когда они вторгаются въ тѣ святилища, гдѣ либералы и демократы формулируютъ для правительства и Европы „нужды населенія“ [1]).

„Пусть всѣ элементы устраиваютъ свои собранія и демонстраціи, — говоритъ „Освобожденіе“ (№ 61) по поводу харьковскихъ событій, — но пусть одна демонстрація не мѣшаетъ другой. Необходимо, чтобы всѣ, кто чувствуетъ потребность въ живомъ общеніи на почвѣ современныхъ жгучихъ вопросовъ, устраивали свои собранія и такимъ образомъ фактически осуществляли право собраній. Такой способъ — болѣе правильный и болѣе революціонный, чѣмъ тотъ, къ которому прибѣгли харьковскіе демонстранты“.

Слѣдовательно, пусть рабочіе устраиваютъ „свои собранія“ подъ градомъ казацкихъ нагаекъ на составляющихъ общую собственность городскихъ улицахъ и предоставятъ имѣющей возможность легально собираться демократіи проводить ея собственныя собранія. Это — очень откровенно сказано, — до цинизма откровенно для человѣка, который только что передъ этимъ объяснилъ, что демонстранты-рабочіе явились въ юридическое общество „просто потому, что это общество могло устроить публичное собраніе, а *они не могли* (курс. нашъ), и, желая говорить передъ публикой, они *вынуждены были* (курс. нашъ) вторгнуться въ чужое собраніе“. Кажется, ясно? Но авторъ до такой степени огорченъ тѣмъ, что „демонстранты помѣшали членамъ юридическаго общества произвести ихъ собственную демонстрацію — голосованіе и отправку телеграммы мин. внут. дѣлъ“, что совершенно сбивается съ своей аргументаціи и задаетъ демонстрантамъ пустопорожній вопросъ: „какъ дѣйствовать, чтобы добиться свободы собраній?“, на каковой вопросъ и отвѣчаетъ вышеуказанными словами, смыслъ которыхъ: дайте намъ собираться съ разрѣшенія властей, а для себя обходитесь безъ разрѣшенія. Но для харьковскихъ рабочихъ дѣло вовсе не шло о вопросѣ, какъ *имъ* добиться *для себя* права собраній? Ихъ занималъ другой вопросъ: какъ добиться для всей страны широкой демократической свободы? И для борьбы за эту свободу они сочли нужнымъ явиться въ чужое для нихъ собраніе, чтобы попытаться увлечь его за собою на болѣе революціонный путь, чтобы предложить его членамъ *присоединиться къ пролетарской революціонной демонстраціи*, чтобы предложить имъ оставить, какъ второстепенный, вопросъ о Святополкѣ и требовать, вмѣстѣ съ рабочими, *созыва Учредительнаго Собранія*. И, въ виду такой цѣли, величайшей наглостью и іезуитизмомъ отдаютъ слова „Освобожденія“: „тѣ, кто негодуетъ на то, что правительство нарушаетъ права ученыхъ обществъ и свободу ихъ сужденій, не должны сами, — хотя бы съ самыми благими намѣреніями, — поступать подобнымъ же образомъ“. Обвинять въ „свободномъ“ органѣ сознательныхъ пролетаріевъ въ посягательствѣ на свободу и права гражданъ и отождествлять ихъ поведеніе съ поведеніемъ полиціи, значитъ вторить „Гражданину“, который тоже, вѣдь, увѣряетъ, что сторонники свободы отнимаютъ свободу слова у всѣхъ несогласно-мыслящихъ[2]).

Русскіе пролетаріи ни на минуту не будутъ сбиты съ толку гнилыми разсужденіями демократическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью придавать „благовидный“ характеръ навѣянному самими заскорузлыми предразсудками и самой обывательской трусостью негодованію радикальной интеллигенціи на попытки пролетаріата принять участіе въ манифестаціяхъ противъ царизма. Они только посмѣются, когда прочтутъ далѣе въ статьѣ „Освобожденія“ слѣдующія слова по поводу предстоящихъ земскихъ собраній:

„Попытки... обращеній къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ будутъ несомнѣнно имѣть крупное политическое значеніе. Въ такомъ смыслѣ будутъ и уже начали дѣйствовать, между прочимъ, и революціонныя организаціи. Ихъ попытки прійти въ соприкосновеніе съ общественными собраніями будутъ имѣть, однако, положительное политическое значеніе лишь при условіи полнаго соблюденія правъ и свободы сужденій этихъ собраній“. Интересно было бы знать, входитъ ли въ число „правъ“ общественныхъ собраній „право“ подчиняться министерскому запрещенію говорить объ „общегосударственныхъ вопросахъ“, „право“ пускать (какъ сдѣлалъ предсѣд. Там. губ. собр.) публику „по билетамъ“, „право“ засѣдать подъ охраной полиціи, „право“ „представителей населенія“ *не желать слушать* являющихся къ нимъ „демонстрантовъ?“ Достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидѣть всю нелѣпость разговоровъ о „свободѣ сужденій“, соблюдать которую должны пролетаріи. Одно изъ двухъ: либо общественныя собранія хотятъ имѣть дѣйствительную свободу сужденій, въ которой имъ отказываетъ правительство, и тогда они заинтересованы въ томъ, чтобы стать *подъ охрану населенія*. Либо они пуще огня боятся этого населенія, и тогда они заранѣе отказываются отъ всякой „свободы сужденій“, дабы сохранить за собою святое „право“ — бормотать въ предѣлахъ, дозволенныхъ начальствомъ.

„Передъ могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, говоритъ „Освобожденіе“, „конечно, должны были бы смолкнуть и стушеваться существующія общественныя собранія и учрежденія, но демонстраціи тѣхъ силъ, которыми располагаютъ въ настоящее время русскіе революціонеры, легко могутъ, принявъ извѣстное направленіе, разстроить земскія собранія, *стать же на мѣсто ихъ и, вмѣсто нихъ, говорить съ правительствомъ, дѣйствуя, какъ народъ, они, конечно, не могутъ*“ (курс. нашъ).

Въ этихъ строкахъ вопросъ поставленъ совершенно правильно и демократамъ слѣдуетъ задуматься надъ заключающейся въ немъ дилеммой. Кто будетъ „говорить съ правительствомъ“, „какъ народъ“ — земская ли буржуазія или самъ народъ? Тотъ, кто *уже* убѣдился въ томъ, что для земской буржуазіи роль представителя грядущей революціи не по силамъ, будетъ только привѣтствовать попытки самого народа формулировать свои нужды. Тотъ, кто въ этомъ убѣдился, легко увидитъ въ этихъ попыткахъ начало „могущественнаго народнаго возстанія“, передъ которымъ должны стушеваться слабыя организаціи имущихъ классовъ. И только тотъ „демократъ“, который еще не рѣшилъ *для себя самою*, съ кѣмъ намѣренъ онъ идти въ ногу: съ „лойяльной“ ли земской оппозиціей или съ революціоннымъ народомъ? только тотъ удовлетворится двусмысленными разсужденіями „Освобожденія“.

Рѣшить *этотъ* вопросъ необходимо всѣмъ демократамъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рельефнѣе становится перспектива той сдѣлки, которую правительство Святополка желало бы предложить земской оппозиціи. Дѣйствительные демократы и рѣшительные конституціоналисты заинтересованы въ томъ, чтобы эта сдѣлка, имѣющая своей цѣлью разстроить ряды ихъ арміи, не удалось. Но она будетъ разбита тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе должны будутъ „смолкнуть и стушеваться“ передъ требованіями народа сомнительные элементы земскаго либерализма. И плохую услугу дѣлу демократіи и конституціоннаго движенія окажутъ тѣ, кто, расшаркиваясь передъ „могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, скрупулезно подсчитываютъ силы, которыми „располагаютъ русскіе революціонеры“ — на близорукій глазъ.

„Всеобщей мобилизаціи“ „могущественнаго народнаго возстанія“ естественно предшествуютъ „частныя мобилизаціи“ передовыхъ пролетарскихъ отрядовъ. Кто не умѣетъ оцѣнить политическаго значенія выступленія *этихъ* отрядовъ, тотъ будетъ застигнутъ врасплохъ и началомъ дѣйствительнаго возстанія. И нѣтъ для демократіи другого способа содѣйствовать скорому наступленію этого начала, какъ поддерживая революціонныя попытки передовыхъ пролетаріевъ.

Съ помощью буржуазной демократіи или противъ нея, сознательный пролетаріатъ долженъ дѣлать свое революціонное дѣло и нести во всѣ „общественныя собранія и учрежденія“ свои политическія требованія, передъ которыми, какъ передъ требованіями *народа*, должны „смолкнуть и стушеваться“ узкіе корпоративные интересы маленькихъ группъ оппозиціонной буржуазіи идущіе въ разрѣзъ съ интересами освободительнаго движенія въ цѣломъ.

Пролетаріатъ долженъ выступать достаточно „безтактно“ — въ смыслѣ Петра Струве — для того, чтобы земскія требованія конституціи перестали казаться „дерзкими“ — въ смыслѣ Николая Романова.

ОСНОВНОЙ ГРѢХЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ.

Ноябрскій съѣздъ земскихъ представителей оставитъ крупный слѣдъ въ исторіи политическаго развитія Россіи. Резолюціи, принятыя земскими дѣятелями на засѣданіяхъ 6, 7 и 8 ноября, являются не только первою внушительною манифестаціею имущаго русскаго общества противъ полицейскаго самодержавія, но и впервые заявленною опредѣленною программою либеральной партіи, медленно и трудно складывавшейся послѣдніе годы усердными стараніями буржуазной демократіи. Давно ожидаемая программа не получила, правда, достаточно точнаго и яснаго выраженія. Буржуазная демократія, кровно заинтересованная въ томъ, чтобы знамя либерально-демократическаго блока привлекало какъ умѣренные умы господствующихъ классовъ, такъ и бурныя силы народныхъ массъ, окутала туманнымъ покровомъ наиболѣе сомнительные пункты своей деклараціи и, вообще, постаралась придать ей такую отвлеченную, алгебраическую форму, которая можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ. Однако, благовидная внѣшность скромной уклончивости оказалась не въ состояніи скрыть анти-народную сущность земскихъ резолюцій. Ее выдаетъ не столько двусмысленность и намѣренная недоговоренность отдѣльныхъ положеній, сколько основная точка зрѣнія, строго и послѣдовательно выдержанная во всѣхъ одиннадцати членахъ либеральнаго символа вѣры.

Коренную причину ненормальности современнаго государственнаго порядка русская оппозиція видитъ въ томъ, что бюрократическій строй разобщаетъ верховную власть съ населеніемъ и порождаетъ между ними взаимное недовѣріе. Между тѣмъ, „правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ“. Поэтому, либеральная программа считаетъ безусловно необходимымъ для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія между властью и обществомъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, „правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“. Эти разсужденія заключаютъ, какъ неизбѣжный логическій выводъ, безповоротное и окончательное уничтоженіе россійскаго абсолютизма; но онѣ съ тою же послѣдовательностью устанавливаютъ на мѣстѣ разрушеннаго самодержавія главныя основы новой политической системы, которая въ корнѣ отрицаетъ необходимую, съ демократической точки зрѣнія, полноту правъ народа.

Демократія принципіально признаетъ законодательную, верховную власть только за народомъ, который является самодержавнымъ властителемъ своихъ судебъ. Всѣ законы исходятъ отъ народа. Правительство представляетъ только исполнительную власть; оно не правитъ, а управляетъ на точномъ основаніи законовъ и за всѣ свои дѣйствія несетъ отвѣтственность предъ народомъ. Политическая программа либерально-демократическаго блока не признаетъ принципа народнаго суверенитета. Въ то время, какъ демократія требуетъ полнаго отнятія верховной власти у главы правительства — монарха и передачи этой власти народу, либералы утверждаютъ, что главная ненормальность существующаго порядка заключается только въ разобщенности правительства съ населеніемъ и настаиваютъ на дарованіи гражданамъ лишь извѣстной доли въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ монархъ-самодержецъ. Послѣдній попрежнему остается источникомъ законовъ, главою законодательной и исполнительной власти и сохраняетъ свои священныя и мистическія полномочія. Его воля ставится не только рядомъ съ волей народа, но и надъ ней. Какъ училъ старый теоретикъ конституціонной монархіи Штейнъ, санкція монарха предназначается выражать не однѣ потребности адми-

---

[1] См. также кор. изъ Ростова на Д. въ этомъ №.

[2]) Въ примѣчаніи авторъ цитируетъ корреспонденцію „Искры“, которая признаетъ, что демонстрація въ Харьковѣ была „организована весьма неудачно“ и пользуется этимъ признаніемъ, чтобы противопоставить его словамъ передовой статьи въ „Искрѣ“, гдѣ сказано, что эта демонстрація „показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать“. Очевидно, почтеннѣйшій авторъ, что направленіе съ которомъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать, есть именно то направленіе, которое вы осуждаете, какъ „посягательство на свободу ученыхъ обществъ“, и что, дѣйствуя въ *этомъ* направленіи, соціальдемократы могутъ въ то же время, при лучшей организованности, совладать съ тѣмъ „несвоевременнымъ безпорядкомъ“, о которомъ говорилъ нашъ корреспондентъ и который привелъ къ тому, что собраніе было „просто сорвано“. Этотъ безпорядокъ и шумъ объясняются прежде всего и больше всего политической невоспитанностью „массовой“ интеллигентской публики (въ томъ числѣ, и членовъ самого общества), съ которою не удалось справиться организованному отряду харьковскихъ пролетаріевъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 80. 15-го декабря 1904 г. Годъ IV.

ЗЕМСКАЯ „ДЕРЗОСТЬ“ И ПРОЛЕТАРСКАЯ „БЕЗТАКТНОСТЬ“.

То, что такъ страстно призывали изувѣры „Москов. Вѣд.“, наконецъ, свершилось. „Съ высоты престола“ достаточно внятно сказано „довольно!“ расходившемуся либеральному „обществу“. Резолюція Николая II на докладѣ о Черниговской земской челобитной объявляетъ домогательства земцевъ „дерзкими и безтактными“ и ея авторъ, по своему, правъ, если принять во вниманіе, что либеральная оппозиція, приглашая самодержавіе самоупраздниться, ничѣмъ не грозитъ ему въ случаѣ его отказа. Не подкрѣпленныя опредѣленной угрозой, просьбы естественно производятъ впечатлѣніе „неслыханной дерзости“. Такой угрозой могъ бы быть отказъ отъ соучастія съ самодержавіемъ въ расходѣ общественныхъ денегъ на веденіе войны, какъ и вообще, отказъ отъ выдачи денегъ правительству, какъ *общая стачка* земскихъ органовъ управленія. Еслибъ самодержавіе думало, что земская оппозиція стоитъ наканунѣ *такихъ* дѣйствій, оно не пускалось бы на такія шутки, какъ повтореніе эпизода съ „безсмысленными мечтаніями“. Но нѣсколькихъ явныхъ признаковъ безхарактерности буржуазной оппозиціи было достаточно для того, чтобы самодержавіе сообразило, что, по существу дѣла, оно имѣетъ передъ собой, въ лицѣ земцевъ, челобитчиковъ, а не людей, властно требующихъ и готовыхъ постоять за свои требованія. Самодержавіе приказало городскимъ гласнымъ Саратова и Петербурга *не обсуждать* вопроса о реформѣ, и они — повиновались, не рѣшились выйти изъ предѣловъ полицейской „легальности“, не собрались, *вопреки* запрещенію, не пошли на явное его нарушеніе. Это обстоятельство показало, что либеральная оппозиція пошла въ атаку, не рѣшивъ заранѣе не отдавать безъ боя разъ уступленныхъ ей позицій. Ей дали нѣкоторый просторъ для печати — она не протестовала, когда, въ наказаніе за ея „злоупотребленія“, ее вернули въ „первобытное состояніе“. Ей позволили собираться — но она разошлась, когда позволеніе было взято назадъ. Рѣшительности и радикализму рѣчей не соотвѣтствовала революціонность поступковъ. И самодержавіе констатировало, что выступать съ заявленіями, не имѣя твердой воли заставить себя выслушать, значитъ совершать „дерзость и безтактность“.

Царскій отвѣтъ черниговскому земству заканчиваетъ собой „весну“ въ правительственныхъ сферахъ. Закрытіе „Сына Отечества“, запрещеніе обсуждать въ земскихъ собраніяхъ „общегосударственные вопросы“, варварскія избіенія демонстрантовъ на улицахъ Петербурга и Москвы — все это показываетъ, что самодержавіе собралось съ силами и готовится къ новой рѣшительной схваткѣ съ внутренними врагами. Но, рядомъ съ голой репрессіей, оно собирается еще пустить въ ходъ новый пріемъ „зубатовской политики“ — по крайней мѣрѣ, за эту зубатовскую политику борется въ настоящее время Святополкъ съ Побѣдоносцевыми, Сергіями и Муравьевыми. Конституціонному движенію попытаются противопоставить вытащенную изъ либерально-народническаго архива идею сотрудничества „земщины“ и самодержавія. По мѣрѣ того, какъ выяснялось растущее недовольство придворной клики размѣрами, которые приняло конституціонное движеніе, и по мѣрѣ того, какъ голоса революціонныхъ элементовъ все отчетливѣе стали слышаться въ хорѣ общественнаго протеста, — въ самомъ оппозиціонномъ лагерѣ все явственнѣе намѣчались признаки близкаго разложенія. Кличъ „учредительное собраніе!“ раздавшійся на многихъ митингахъ и поддержанный революціонной „улицей“, не преминулъ вызвать самое жгучее безпокойство на правомъ флангѣ „общества“. И, вмѣстѣ съ поворотомъ Святополка въ сторону усиленныхъ репрессій, въ печати начинается походъ противъ конституціоналистовъ — подъ знаменемъ новой „земской реформы“. Созданіе совѣщательнаго „центральнаго земства“ или приглашеніе земскихъ людей въ совѣщательный Государственный Совѣтъ — такова приманка, которую шарлатаны „Нов. Вр.“ выбрасываютъ оппозиціонной буржуазіи, въ противовѣсъ „правовому порядку“. Вокругъ Николая II въ настоящее время ведется борьба между слѣпыми доктринерами реакціи и сторонниками этого плана „прирученія“ буржуазной оппозиціи.

Если реакціи будетъ нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ еще одинъ сильный ударъ, то, несомнѣнно, духъ Зубатова окажется побѣдителемъ надъ духомъ Плеве, и „центральное земство“, въ томъ или другомъ видѣ, будетъ пожаловано Николаемъ II. Если земцы не пожелаютъ отречься отъ программы, выработанной на ноябрскомъ съѣздѣ, они должны будутъ отвѣтить категорическимъ отказомъ принять участіе въ этой политической комедіи. Пойдутъ ли они на такое революціонное дѣйствіе или предпочтутъ оппортунистическую тактику [illegible], — это будетъ всего менѣе, конечно, зависѣть отъ ихъ собственной политической проницательности. Важную роль сыграетъ давленіе общественной среды, не послѣднюю, въ томъ числѣ, давленіе демократической интеллигенціи. Но демократическая интеллигенція, сама по себѣ, представляетъ весьма незначительную силу и она должна будетъ въ этомъ убѣдиться, какъ только ея союзъ съ земской буржуазіей станетъ [illegible] послѣдней. Чтобы ея вліяніе на земство могло оказаться рѣшающимъ въ моментъ, когда съ земствомъ заигрываютъ *справа*, [illegible] надо, чтобы на лицо было сильное революціонное движеніе *слѣва*, со стороны народныхъ массъ. Только примыкая къ сознательнымъ народнымъ массамъ, демократическая интеллигенція можетъ сама противостоять напору „земскаго благоразумія“. А это значитъ, что удача или неудача новаго зубатовскаго эксперимента будетъ не въ послѣдней степени зависѣть отъ отношенія демократіи къ революціонному выступленію пролетаріата. Для того, чтобы земскій либерализмъ не могъ измѣнить конституціоналистской демократіи, [illegible] не измѣняла пролетаріату.

Объ этомъ умѣстно напомнить [illegible] демократы дали намъ нѣкоторый матеріалъ [illegible] довольно отчетливо понимаетъ [illegible]. Въ рядѣ случаевъ, какъ извѣстно, сознательные русскіе пролетаріи вмѣшались въ манифестаціи либерально-демократическихъ [illegible] „банкетовъ“, чтобы предложить [illegible] необходимости [illegible] „единенія“ конституціоналистамъ ту платформу, которая могла бы [illegible] лить народнымъ массамъ [illegible] буржуазіи [illegible] временнаго союзника. Какой же пріемъ встрѣтили при этомъ пролетаріи? Въ Харьковѣ [illegible] ораторъ былъ встрѣченъ криками „вонъ“ и [illegible] безчинствахъ принимали активное участіе [illegible] „сторонники порядка“, — партизаны графа Гудовича, — [illegible] ополчавшіеся противъ [illegible] рые, однако, охотно [illegible] когда проваливали телеграмму кн. Святополку. Когда имъ не удалось заставить замолчать соціалдемократическаго оратора, они пытались позорно бѣжать съ открытаго имъ „народнаго митинга“, и харьковскимъ рабочимъ пришлось [illegible] затворять выходныя двери, чтобы заставить гг. „демократовъ“ выслушать свою резолюцію. Въ Одессѣ, на банкетѣ въ „Благородномъ собраніи“, столь же враждебный пріемъ встрѣтилъ нашего товарища, когда онъ явился для формулировки желанія „тысячъ демонстрирующихъ на улицѣ пролетаріевъ“. Позорные крики: „вонъ“, „не надо“ и т. д. дали понять представителю одесскихъ рабочихъ, что гг. демократы, ничего не имѣя противъ того, чтобы русскіе пролетаріи сражались на улицахъ съ полиціей, готовы прійти въ бѣшенство, когда они вторгаются въ тѣ святилища, гдѣ либералы и демократы формулируютъ для правительства и Европы „нужды населенія“[1].

„Пусть всѣ элементы устраиваютъ свои собранія и демонстраціи, — говоритъ „Освобожденіе“ (№ 61) по поводу харьковскихъ событій, — но пусть одна демонстрація не мѣшаетъ другой. Необходимо, чтобы всѣ, кто чувствуетъ потребность въ живомъ общеніи на почвѣ современныхъ жгучихъ вопросовъ, устраивали свои собранія и такимъ образомъ фактически осуществляли право собраній. Такой способъ — болѣе правильный и болѣе революціонный, чѣмъ тотъ, къ которому прибѣгли харьковскіе демонстранты“.

Слѣдовательно, пусть рабочіе устраиваютъ „свои собранія“ подъ градомъ казацкихъ нагаекъ на составляющихъ общую собственность городскихъ улицахъ и предоставятъ имѣющей возможность легально собираться демократіи проводить ея собственныя собранія. Это — очень откровенно сказано, до цинизма откровенно для человѣка, который только что передъ этимъ объяснилъ, что демонстранты-рабочіе явились въ юридическое общество „просто потому, что это общество могло устроить публичное собраніе, а *они не могли* (курс. нашъ), и, желая говорить передъ публикой, они *вынуждены были* (курс. нашъ) вторгнуться въ чужое собраніе“. Кажется, ясно? Но авторъ до такой степени огорченъ тѣмъ, что „демонстранты помѣшали членамъ юридическаго общества произвести ихъ собственную демонстрацію — голосованіе и отправку телеграммы мин. внут. дѣлъ“, что совершенно сбивается съ своей аргументаціи и задаетъ демонстрантамъ пустопорожній вопросъ: „какъ дѣйствовать, чтобы добиться свободы собраній?“, на какой вопросъ и отвѣчаетъ вышеуказанными словами, смыслъ которыхъ: дайте намъ собираться съ разрѣшенія властей, а для себя обходитесь безъ разрѣшенія. Но для харьковскихъ рабочихъ дѣло вовсе не шло о вопросѣ, какъ *имъ* добиться *для себя* права собраній? Ихъ занималъ другой вопросъ: какъ добиться для всей страны широкой демократической свободы? И для борьбы за эту свободу они сочли нужнымъ явиться въ чужое для нихъ собраніе, чтобы попытаться увлечь его за собою на болѣе революціонный путь, чтобы предложить его членамъ *присоединиться къ пролетарской революціонной демонстраціи*, чтобы предложить имъ оставить, какъ второстепенный, вопросъ о Святополкѣ и требовать, вмѣстѣ съ рабочими, *созыва Учредительнаго Собранія*. И, въ виду такой цѣли, величайшей наглостью и іезуитизмомъ отдаютъ слова „Освобожденія“: „тѣ, кто негодуетъ на то, что правительство нарушаетъ права ученыхъ обществъ и свободу ихъ сужденій, не должны сами, — хотя бы съ самыми благими намѣреніями, — поступать подобнымъ же образомъ“. Обвинять въ „свободномъ“ органѣ сознательныхъ пролетаріевъ въ посягательствѣ на свободу и права гражданъ и отождествлять ихъ поведеніе съ поведеніемъ полиціи, значитъ вторить „Гражданину“, который тоже вѣдь увѣряетъ, что сторонники свободы отнимаютъ свободу слова у всѣхъ несогласно-мыслящихъ[2].

Русскіе пролетаріи ни на минуту не будутъ сбиты съ толку гнилыми разсужденіями демократическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью придавать „благовидный“ характеръ навѣянному самими заскорузлыми предразсудками и самой обывательской трусостью негодованію радикальной интеллигенціи на попытки пролетаріата принять участіе въ манифестаціяхъ противъ царизма. Они только посмѣются, когда прочтутъ далѣе въ статьѣ „Освобожденія“ слѣдующія слова по поводу предстоящихъ земскихъ собраній:

„Попытки [illegible] обращеній къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ будутъ несомнѣнно имѣть крупное политическое значеніе. Въ такомъ смыслѣ будутъ и уже начали дѣйствовать, между прочимъ, и революціонныя организаціи. Ихъ попытки прійти въ соприкосновеніе съ общественными собраніями будутъ имѣть, однако, положительное политическое значеніе лишь при условіи полнаго соблюденія правъ и свободы сужденій этихъ собраній“. Интересно было бы знать, входитъ ли въ число „правъ“ общественныхъ собраній „право“ подчиниться министерскому запрещенію говорить объ „общегосударственныхъ вопросахъ“, „право“ пускать, какъ сдѣлалъ предсѣд. Там. губ. собр., публику „по билетамъ“, „право“ засѣдать подъ охраной полиціи, „право“ „представителей населенія“ *не желать слушать* являющихся къ нимъ „демонстрантовъ“? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидѣть всю нелѣпость разговоровъ о „свободѣ сужденій“, соблюдать которую должны пролетаріи. Одно изъ двухъ: либо общественныя собранія хотятъ имѣть дѣйствительную свободу сужденій, въ которой имъ отказываетъ правительство, и тогда они заинтересованы въ томъ, чтобы стать *подъ охрану населенія*. Либо они пуще огня боятся этого населенія, и тогда они заранѣе отказываются отъ всякой „свободы сужденій“, дабы сохранить за собою святое „право“ бормотать въ предѣлахъ дозволенныхъ начальствомъ.

„Передъ могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, говоритъ „Освобожденіе“, „конечно, должны были бы смолкнуть и стушеваться существующія общественныя собранія и учрежденія, но демонстраціи и [illegible], которыми располагаютъ въ настоящее время русскіе революціонеры, легко могутъ принесть извѣстное направленіе [illegible] земскія собранія. *Стать же на мѣсто ихъ и, вмѣсто нихъ, говорить съ правительствомъ, дѣйствуя какъ народъ, они, конечно, не могутъ*“ (курс. нашъ).

Въ этихъ строкахъ вопросъ поставленъ совершенно правильно и демократамъ слѣдуетъ задуматься надъ заключающейся въ немъ дилеммой. Кто будетъ „говорить съ правительствомъ“, „какъ народъ“ — земская ли буржуазія или самъ народъ? Тотъ, кто *уже* убѣдился въ томъ, что для земской буржуазіи роль представителя грядущей революціи не по силамъ, будетъ только привѣтствовать попытки самого народа формулировать свои нужды. Тотъ, кто въ этомъ убѣдился, легко увидитъ въ этихъ попыткахъ начало „могущественнаго народнаго возстанія“, передъ которымъ должны стушеваться слабыя организаціи имущихъ классовъ. И только тотъ „демократъ“, который еще не рѣшилъ *для себя самого*, съ кѣмъ намѣренъ онъ идти въ ногу: съ „лойяльной“ ли земской оппозиціей или съ революціоннымъ народомъ? только тотъ удовлетворится двусмысленными разсужденіями „Освобожденія“.

Рѣшить *этотъ* вопросъ необходимо всѣмъ демократамъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рельефнѣе становится перспектива той сдѣлки, которую правительство Святополка желало бы предложить земской оппозиціи. Дѣйствительные демократы и рѣшительные конституціоналисты заинтересованы въ томъ, чтобы эта сдѣлка, имѣющая своей цѣлью разстроить ряды ихъ арміи, не удалась. Но она будетъ разбита тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе должны будутъ „смолкнуть и стушеваться“ передъ требованіями народа сомнительные элементы земскаго либерализма. И плохую услугу дѣлу демократіи и конституціоннаго движенія окажутъ тѣ, кто, расшаркиваясь передъ „могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, скрупулезно подсчитываютъ силы, которыми „располагаютъ русскіе революціонеры“ — на близорукій глазъ.

„Всеобщей мобилизаціи“ „могущественнаго народнаго возстанія“ естественно предшествуютъ „частныя мобилизаціи“ передовыхъ пролетарскихъ отрядовъ. Кто не умѣетъ оцѣнить политическаго значенія выступленія *этихъ* отрядовъ, тотъ будетъ застигнутъ врасплохъ и началомъ дѣйствительнаго возстанія. И нѣтъ для демократіи другого способа содѣйствовать скорому наступленію этого начала, какъ поддерживая революціонныя попытки передовыхъ пролетаріевъ.

Съ помощью буржуазной демократіи или противъ нея, сознательный пролетаріатъ долженъ дѣлать свое революціонное дѣло и нести во всѣ „общественныя собранія и учрежденія“ свои политическія требованія, передъ которыми, какъ передъ требованіями *народа*, должны „смолкнуть и стушеваться“ узкіе корпоративные интересы маленькихъ группъ оппозиціонной буржуазіи, идущіе въ разрѣзъ съ интересами освободительнаго движенія въ цѣломъ.

Пролетаріатъ долженъ выступать достаточно „безтактно“ — въ смыслѣ Петра Струве — для того, чтобы земскія требованія конституціи перестали казаться „дерзкими“ — въ смыслѣ Николая Романова.

ОСНОВНОЙ ГРѢХЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ.

Ноябрскій съѣздъ земскихъ представителей оставитъ крупный слѣдъ въ исторіи политическаго развитія Россіи. Резолюціи, принятыя земскими дѣятелями на засѣданіяхъ 6, 7 и 8 ноября, являются не только первою внушительною манифестаціею имущаго русскаго общества противъ полицейскаго самодержавія, но и впервые заявленною опредѣленною программою либеральной партіи, медленно и трудно складывавшейся послѣдніе годы усердными стараніями буржуазной демократіи. Давно ожидаемая программа не получила, правда, достаточно точнаго и яснаго выраженія. Буржуазная демократія, кровно заинтересованная въ томъ, чтобы знамя либерально-демократическаго блока привлекало какъ умѣренные умы господствующихъ классовъ, такъ и бурныя силы народныхъ массъ, окутала туманнымъ покровомъ наиболѣе сомнительные пункты своей деклараціи и, вообще, постаралась придать ей такую отвлеченную, алгебраическую форму, которая можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ. Однако, благовидная внѣшность скромной уклончивости оказалась не въ состояніи скрыть анти-народную сущность земскихъ резолюцій. Ее выдаетъ не столько двусмысленность и намѣренная недоговоренность отдѣльныхъ положеній, сколько основная точка зрѣнія, строго и послѣдовательно выдержанная во всѣхъ одиннадцати членахъ либеральнаго символа вѣры.

Коренную причину ненормальности современнаго государственнаго порядка русская оппозиція видитъ въ томъ, что бюрократическій строй разобщаетъ верховную власть съ населеніемъ и порождаетъ между ними взаимное недовѣріе. Между тѣмъ, „правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ“. Поэтому, либеральная программа считаетъ безусловно необходимымъ для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія между властью и обществомъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, „правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“. Эти разсужденія заключаютъ, какъ неизбѣжный логическій выводъ, безповоротное и окончательное уничтоженіе россійскаго абсолютизма, но онѣ [illegible] же послѣдовательностью устанавливаютъ на мѣстѣ разрушеннаго самодержавія главныя основы новой политической системы, которая въ корнѣ отрицаетъ необходимую съ демократической точки зрѣнія полноту правъ народа.

Демократія принципіально признаетъ законодательную, верховную власть только за народомъ, который является самодержавнымъ властителемъ своихъ судебъ. Всѣ законы исходятъ отъ народа. Правительство представляетъ только исполнительную власть; оно не правитъ, а управляетъ на точномъ основаніи законовъ и за всѣ свои дѣйствія несетъ отвѣтственность предъ народомъ. Политическая программа либерально-демократическаго блока не признаетъ принципа народнаго суверенитета. Въ то время, какъ демократія требуетъ полнаго отнятія верховной власти у главы правительства — монарха и передачи этой власти народу, либералы утверждаютъ, что главная ненормальность существующаго порядка заключается лишь въ разобщенности правительства съ населеніемъ и настаиваютъ на дарованіи гражданамъ лишь извѣстной доли въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ монархъ-самодержецъ. Послѣдній попрежнему остается источникомъ законовъ, главою законодательной и исполнительной власти и сохраняетъ свои священныя и мистическія полномочія. Его воля ставится не только рядомъ съ волей народа, но и надъ ней. Какъ училъ старый теоретикъ конституціонной монархіи Штейнъ, санкція монарха предназначается выражать не однѣ потребности администраціи и не одну волю народнаго представительства, но и высшее ихъ соотношеніе.

---

[1] См. также [illegible] на 1 стр. этого №.

[2] Въ примѣчаніи [illegible] цитируетъ корреспонденцію „Искры“, которая признаетъ, что демонстрація въ Харьковѣ была „организована весьма [illegible]“ и пользуется этимъ признаніемъ, чтобы противопоставить ее словамъ передовой статьи [illegible] „Искры“, [illegible] демонстрація „показываетъ, по какимъ направленіямъ [illegible] слѣдуетъ дѣйствовать“. [illegible] направленіе [illegible] именно [illegible] направленіе [illegible] на свободу ученыхъ обществъ [illegible] демонстраціи, [illegible] демократы могутъ въ то же время [illegible] организованности, [illegible] тѣмъ „несвоевременнымъ безпорядкомъ“, о которомъ говоритъ нашъ корреспондентъ и который привелъ къ тому, что собраніе было „просто сорвано“. Этотъ безпорядокъ и шумъ объясняются прежде всего и [illegible] всего политической невоспитанностью „массовой“ интеллигентской публики въ томъ числѣ, и членовъ самого общества, съ которою не удалось справиться организованному отряду харьковскихъ пролетаріевъ.

При такихъ условіяхъ грядущая русская конституція неожиданно даже для самихъ либераловъ легко можетъ принести осуществленіе гнилой славянофильской теоріи, согласно которой царю должна принадлежать вся сила власти, а землѣ — вся сила мнѣнія. Но мнѣніе имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда за нимъ стоитъ могущество власти. Если теорія признаетъ равноправность державныхъ функцій монарха и народа, то практика не считается съ необезпеченными правами. Могущественный монархъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются государственныя средства, войско и бюрократія, который обладаетъ законодательными полномочіями, неизбѣжно превратитъ въ декоративное учрежденіе народное представительство съ его скромнымъ правомъ *участія* въ законодательствѣ. Бумажныя конституціи европейскихъ монархій первой половины прошлаго вѣка служатъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ распредѣляется государственная власть между сильнымъ монархомъ и ничтожнымъ парламентомъ. И не только въ моменты острыхъ столкновеній между властью и народомъ монархическая конституція оказывается карточнымъ домикомъ, она не обезпечиваетъ народныхъ интересовъ даже въ обычное время, при нормальномъ теченіи государственной жизни. Признаніе народнаго суверенитета обусловливаетъ полную зависимость исполнительной власти отъ народа, въ лицѣ его представителей. Глава государства, формируя составъ исполнительныхъ органовъ, обязанъ призывать къ высшему управленію только членовъ парламентскаго большинства, выражающаго въ данный моментъ преобладающую народную волю. Монархъ-суверенъ не ограниченъ никакими обязательствами и назначаетъ министровъ страны по личному произволу и усмотрѣнію. Избраніе министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства составляетъ неотъемлемую черту дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое основывается на солидарности правительства, если не съ народомъ, — въ современномъ классовомъ обществѣ такой солидарности быть не можетъ, — то съ болѣе или менѣе широкими слоями населенія.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ парламентаризма въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ, гдѣ правительство не зависитъ отъ воли народныхъ представителей, борьба между властью и населеніемъ до сихъ поръ не прекращается и — рано или поздно — неизбѣжно должна закончиться провозглашеніемъ народнаго суверенитета. Но отсталые элементы русскаго либерализма извлекли для себя изъ опыта Западной Европы лишь тотъ урокъ, что конституціонная монархія представитъ лучшее средство для сохраненія привилегій, выросшихъ изъ сословно-крѣпостного строя, для сосредоточенія политической власти въ рукахъ привилегированнаго меньшинства и для неограниченной эксплоатаціи верхними десятью тысячами широкихъ массъ населенія. Это стремленіе является реальной основой политики наиболѣе вліятельныхъ элементовъ земскаго либерализма. Дѣтище разнороднаго конгломерата, въ которомъ буржуазная демократія соединилась съ дворянскимъ фрондой, — либеральная программа земскаго съѣзда должна была установить и установила политическія основы не только классоваго, но и олигархическаго угнетенія народа. Поэтому умолчаніе о всеобщемъ, прямомъ и равномъ для всѣхъ гражданъ избирательномъ правѣ вовсе не представляется разсчитаннымъ пріемомъ эзоповскаго языка и не погашается седьмою резолюціею, гласящею, что „личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны“. Лживость этого заявленія лучше всего опредѣляется тѣмъ, что оно находится въ явномъ и не замаскированномъ противорѣчіи съ девятою резолюціею, которая высказываетъ требованіе, чтобы „къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены *по возможности* всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія“. Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи цѣликомъ входитъ въ область *политическихъ правъ* гражданъ и, однако, либеральная программа, только что широковѣщательно провозглашавшая политическое равенство, на первомъ же пробномъ камнѣ даетъ глубокую трещину и ограничиваетъ народныя права какою-то неопредѣленною „возможностью“. То же ограниченіе, хотя и въ менѣе ясномъ видѣ, заключается въ послѣднемъ, столь превосходномъ по внѣшности пунктѣ либеральной деклараціи, гдѣ выражается надежда, что „верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при ихъ содѣйствіи (!) вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія“... Здѣсь не только отсутствуетъ всякій намекъ на *суверенитетъ* учредительнаго собранія, созваннаго для коренного обновленія русской жизни, но и „представители всего народа“ подмѣнены „представителями народа“. Въ политическихъ программахъ такіе „пропуски“ означаютъ лишеніе политическихъ правъ милліоновъ рабочаго люда.

Эти основные промахи либеральной программы вполнѣ опредѣляютъ ея анти-народный характеръ. Между тѣмъ, она — зрѣлый плодъ того либерально-демократическаго блока, который взлелѣяли освобожденцы и къ которому теперь примкнули соціалисты-революціонеры, вкупѣ съ финляндскими, польскими, грузинскими и другими націоналистами. Такимъ образомъ, земская программа пріобрѣтаетъ на дѣлѣ значеніе объединенной платформы всѣхъ буржуазныхъ партій, стремящихся къ сверженію самодержавія. Поддерживаемый „революціонными“ партіями либерально-демократическій блокъ явно пытается навязать свою программу великому освободительному движенію современной Россіи и исказить его возможные результаты. И только сознательное, самостоятельное и энергичное вмѣшательство революціонной соціальдемократіи въ загорѣвшійся по всей линіи бой между старой и новой Россіей можетъ разстроить этотъ заговоръ противъ народа и обезпечитъ рабочему классу его необходимыя права. Когда на политической аренѣ появятся стройные ряды рабочихъ батальоновъ и рѣшительно оттѣснятъ съ авансцены вялые и колеблющіеся элементы имущаго общества, тогда только отдѣльные ручьи народнаго недовольства сольются въ мощный и широкій революціонный потокъ, который бурнымъ порывомъ смететъ „скипетръ, корону, звѣзды и другія игрушки“, такъ дорого стоящія рабочему люду.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПАРТІИ.

У. Р. П. оффиціально и фактически начала существовать съ 1901 года. По составу и духу членовъ, она была даже мало соціалистической — въ ея ряды собралась украинская молодежь, ясно сознавшая только необходимость борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ. Демократизмъ и оппозиція русскому правительству никогда не умирали на Украйнѣ. Съ самаго присоединенія къ Москвѣ, часть украинскаго общества съ большей или меньшей энергіей стремилась вырвать свою родину изъ лапъ азіатскаго деспота и создать демократическую республику. Это были времена феодализма — передъ оппозиціонерами рисовался идеалъ вольнаго рыцаря — казака. Но все течетъ.... феодализмъ уплылъ, разсыпались казацкіе курганы — свидѣтели прошлой славы и... только мертвые остались держать живыхъ въ своихъ объятіяхъ... Украинская оппозиція, въ своемъ *опьяненіи* добрымъ, старымъ временемъ, не замѣтила тѣхъ колесъ и ремней народившагося колосса — капитализма, что побѣжали и завертѣлись по всей земной поверхности, требуя отъ всѣхъ, къ кому они проникали, или примѣняться къ новымъ условіямъ жизни, или убираться вонъ съ арены — уступить мѣсто болѣе жизнеспособнымъ элементамъ. Болѣе жизнеспособною и дѣятельною оказалась та часть украинофиловъ, которая впослѣдствіи составила У. Р. П., другая же медленно формируется въ національ-демократическую партію, руководимую такими идеологами, какъ проф. львовскаго университета М. Грушевскимъ и поэтомъ І. Франкомъ. Итакъ, мы видѣли, что первые кадры У. Р. П. образовались изъ распавшихся украинофиловъ. По большей части, это были студенты кіевскаго и харьковскаго университетовъ, народные учителя, семинаристы и, главнымъ образомъ, представители интеллигентнаго пролетаріата. Но традиція прошлыхъ временъ еще густымъ слоемъ пыли лежали въ ихъ мозгу, почему мы и видимъ то бросаніе изъ стороны въ сторону въ формулировкѣ своихъ взглядовъ и ту безпрограмность, какую такъ и не могла устранить У. Р. П. до сего времени. Первой оффиціальной брошюрой украинскихъ революціонеровъ была дико-шовинистическая „Самостіина Украіна“ (независимая Украйна). На ней не такъ отразился шовинизмъ партіи, какъ шовинизмъ ея автора, который, къ слову, къ партіи никогда не принадлежалъ. За „Самостійною Украіною“ была издана серія брошюръ: „чі йе теперь панщина?“ (Есть ли теперь крѣпостничество), „Власна земля“ (Собственная земля), „Козаччина“ (Казатчина), „Дядько Дмытро“ (Дядя Митя), „Страйкъ чи бойкотъ?“ (Стачка или бойкотъ). Брошюры, по большей части, передѣлки съ польскаго изданія П. П. С.; только „Козаччина“ оригинальна. Изъ всѣхъ этихъ брошюръ удержали, въ дальнѣйшей своей передѣлкѣ, цѣнность только „Дядько-Дмитро“ и „Страйкъ и бойкотъ“, остальныя ждутъ исправленія въ соціаль-демократическомъ духѣ... Отъ „Самостійноі Украіна“ черезъ годъ У. Р. П. оффиціально отказалась. Кромѣ брошюръ, „Закорданний комітетъ“ Р. У. П. (заграничный комитетъ) занялся изданіемъ теоретическаго органа Партіи — „Гасло“ (Пароль) съ 1902 г. Просматривая „Гасло“ съ перваго номера до его прекращенія (май 1903 г. № 5 — всего 17 номеровъ), мы увидимъ, какъ Партія эволюціонировала отъ с. революціонерства, P. P. S—ства, бернштейніанства до с.-дем. идей, хотя и не совсѣмъ ортодоксальныхъ. Съ первыхъ же шаговъ, У. Р. П. выказала большую энергію. Были гектографированы въ громадномъ количествѣ прокламаціи по поводу 19 февраля и распространены по всей Украйнѣ; вмѣстѣ съ прокламаціями, распространялись и вышеупомянутыя брошюры. Но цѣль У. Р. П. была неясна: одни члены стояли за независимую Украйну, другимъ только нужно было уничтоженіе самодержавія, но на одномъ всѣ сходились — это работать среди крестьянъ. О фабр.-зав. рабочихъ сначала никто и не думалъ. Да и какъ могли о нихъ думать члены У. Р. П., вышедшіе изъ села, м. б., даже совсѣмъ или почти незнакомые съ рабочимъ движеніемъ. Усиленно они занялись агитаціей и распространеніемъ литературы по селамъ. Какъ снѣгомъ, была усѣяна ихъ листками Украйна. Съ оконъ вагоновъ, пѣшкомъ, на велосипедахъ, проѣзжая сотни верстъ на крестьянской телѣгѣ, развозили и разбрасывали сѣмена протеста украинскіе революціонеры. Что то новое, необыкновенное посѣтило давно уснувшую и ушедшую отъ политической жизни страну. Крестьянинъ задвигался, заговорилъ, сначала недоумѣвая, „откуда сія милость“... Но политическій гнетъ, безправіе и голодъ быстро объяснили хлѣбопашцамъ, въ чемъ дѣло, и они съ большимъ интересомъ схватились за предлагаемую имъ литературу, да еще на ихъ собственномъ „мужицкомъ“ языкѣ. Страданія народа были ужасны! Каждый искалъ въ нелегальной литературѣ какого-нибудь исхода. О чемъ въ книгахъ и листкахъ не говорилось, то добавляла поэтическая фантазія селянина. Не понявъ хорошо прокламаціи и „Власной земли“, трактующихъ о націонализаціи земли, крестьянинъ нашелъ въ нихъ поддержку своимъ мечтаніямъ о „дѣлежѣ земли по правдѣ“ и... заволновался. Полилась кровь запоротыхъ и замученныхъ Иваномъ Оболенскимъ жертвъ. Но не нужно думать, что Карловка возстала исключительно благодаря литературѣ У. Р. П. Голодъ, который тамъ свирѣпствовалъ, сдѣлалъ бы это и безъ литературы! Другое дѣло — остальныя части Украйны, особенно: Полтавщина, Кіевщина, Черниговщина (здѣсь народъ бурлилъ серьезно, особенно въ окрестностяхъ Лубенъ, Полт. губ.

Въ этотъ важный для Россіи моментъ не нашлось ни одной партіи, которая могла бы воспользоваться такимъ высокимъ настроеніемъ массъ. У. Р. П. была еще очень молода. Крестьяне, успокоившись, перешли въ выжидательное положеніе, но отнюдь не заснули, и дальше У. Р. П. легко было, да и теперь тоже самое, вербовать въ ихъ рядахъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Дифференціація села уже пошла очень далеко и на Украйнѣ есть сейчасъ почти около 10 мил. сельскихъ пролетаріевъ и почти пролетаріевъ. Не смотря на сравнительно невысокую культурность села, проповѣдь соціализма легко прививается и батраку и полупролетарію. Съ изданіемъ „Гасла“ У. Р. П. становится партіей соціалистической, но не вырабатываетъ сейчасъ своей программы, а говоритъ, что „программу намъ укажетъ жизнь“. Эта безпрограмность, можетъ быть, и сослужила членамъ У. Р. П. ту пользу, что, не закупорившись въ „своей собственной программѣ“, они могли спокойно знакомиться съ различными теченіями соціализма и отнестись къ марксизму безъ предразсудковъ с.-р. „критики“, а благодаря этому и довести свою эволюцію за сравнительно короткое время до признанія с.-демократическихъ идей своими. Съ 1903 г. начинаетъ издаваться ежемѣсячный журналъ „Селянинъ“ (крестьянинъ) — политическій органъ для села. Онъ сначала носитъ мелко-буржуазный, радикальный характеръ, но съ 1904 г. становится строго соц. демократическимъ. Для села эта газета незамѣнима, сельскій пролетаріатъ относится къ ней съ большимъ довѣріемъ, очень любитъ читать и считаетъ ее своей „мужицкой“ газетой. „Селянинъ“ — лучшая связь Партіи съ массой. До сего времени У. Р. П. изданы слѣдующія книги и брошюры: вышли переводы съ русскаго языка — „Революція 1848 г. у Франціи“, „Зъ історіі Французскоі революціі 3 книжки“, „Парижска комуна“. Поливанова „Скинавъ“ кончился), съ нѣмецкаго — Ф. Лассаль: „программа рабітниківъ“, „Про суть конституціи“. Либкнехтъ — „Павуки та мухи“. Бебель — „студенты и соціализмъ“ и Kаутскій — „Соціальна революція“; съ французскаго — Лафаргъ „Селянська посілість и скополична эволюція“. „Аграрна программа французскоі Рабітнічоі Партіі“; оригинальное: „Революційний духъ на Вкраіні“ (Революціонное движеніе на Украйнѣ), „Доля працюючаго люду“ (Судьба трудящагося народа — сборникъ), „Дума про пихідъ ситого князя Оболенскаго на голодныхъ селянъ“ (Пѣснь о походѣ откормленнаго князя Оболенскаго на голодныхъ крестьянъ), „Солдатики“ (Солдатики — разсказъ), „Работи!“ (Дѣла! — разсказъ), „Боротьба“ (Борьба — разсказъ изъ жизни солдата раскольника); по аграрному вопросу — І. Гілька — „Про херсонски то инші заработки“ (Объ отхоже

Письма къ товарищамъ-рабочимъ.

Письмо первое.

(Интеллигенты и рабочіе въ нашей партіи.)

Дорогіе товарищи!

На дняхъ мы выпускаемъ въ свѣтъ брошюру одного рабочаго, подъ заглавіемъ: „Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ“. Рукопись этой брошюры получена была нами въ сопровожденіи письма отъ двухъ рабочихъ — конечно, соціальдемократовъ — въ которомъ они заявляютъ себя солидарными съ взглядами автора и заранѣе привѣтствуютъ появленіе ея въ печати. По всей вѣроятности, такой же пріемъ она встрѣтитъ у большинства изъ васъ, такъ какъ авторъ выступаетъ въ ней страстнымъ выразителемъ настроенія, несомнѣнно распространеннаго въ вашей средѣ, и горячимъ защитникомъ вашихъ правъ собственно, обязанности на непосредственное участіе во внутреннихъ дѣлахъ партіи. Авторъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ называетъ „теоретиками меньшинства“, указали „рабочимъ всей Россіи пути и средства“ къ обезпеченію себѣ непосредственнаго вліянія на внутреннюю жизнь своей партіи: „Не ограничивайтесь, говоритъ онъ, воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ (т. е. къ интеллигентамъ П. А.) о реформированіи практики, но... взывайте также къ пролетаріямъ!“ Мы увидимъ, что авторъ впалъ въ крупное недоразумѣніе, предполагая, что мы обращаемся къ одной только интеллигенціи. Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ заявляетъ, что обращеніе партійныхъ литераторовъ, добивающихся дальнѣйшаго развитія нашей практики въ пролетарскомъ смыслѣ *спеціально* и непосредственно къ товарищамъ-рабочимъ, можетъ послужить имъ моральной поддержкой въ ихъ стремленіи къ повышенію своей самодѣятельности внутри нашихъ партійныхъ организацій.

Идя на встрѣчу желанію этихъ товарищей, я намѣренъ въ рядѣ писемъ, бесѣдовать съ вами о положеніи Россійской соціальдемократіи, о насущныхъ вопросахъ и задачахъ, выдвинутыхъ передъ нею ходомъ общественной жизни и ея собственнаго развитія, о путяхъ и средствахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ и задачъ, наконецъ, о событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ интересамъ пролетаріата и къ его освободительному движенію.

Настоящее письмо я посвящаю спеціально тому вопросу, который является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ брошюры, толкнувшей меня на мысль вступить въ спеціальную бесѣду съ вами на страницахъ „Искры“.

Мы вступаемъ въ періодъ ликвидаціи царскаго самодержавія и сословнаго общественнаго строя Россіи. Направленіе, ходъ и результаты этой ликвидаціи для пролетаріата будутъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ политической сознательности, энергіи и организованности, съ которыми онъ выступитъ въ предстоящихъ событіяхъ, т. е. оттого, въ какой мѣрѣ соціальдемократіи удастся сплотить рабочія массы подъ своимъ знаменемъ въ самостоятельную политическую силу, способную энергично бороться съ абсолютизмомъ и отстаивать интересы своего класса противъ всѣхъ эксплуататорскихъ классовъ. Но именно вы, товарищи, больше всего можете сдѣлать для объединенія этихъ массъ въ такую партію. А это, разумѣется, недостижимо безъ вашего непосредственнаго участія во всѣхъ дѣлахъ своей партіи, безъ прямого и непосредственнаго вліянія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ на всю нашу партійную жизнь. Къ такой активной роли въ партіи и призываетъ васъ авторъ брошюры.

На ряду съ другими знаменательными явленіями въ средѣ соціальдемократовъ-рабочихъ, брошюра эта указываетъ на ростъ вашего пролетарскаго самосознанія и на интенсивное стремленіе въ вашихъ рядахъ къ болѣе широкой и энергичной самодѣятельности внутри своей партіи. И само собою разумѣется, что всякій соціальдемократъ, сознательно и горячо преданный дѣлу политическаго возвышенія пролетаріата, не можетъ не привѣтствовать радостно этого стремленія, имѣющаго значеніе первостепенной важности именно въ настоящій моментъ, когда, какъ я уже выше сказалъ, отъ широкой инціативы и активности нашихъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ чрезвычайно высокой степени зависитъ ближайшая судьба нашей партіи и роль пролетарскихъ массъ въ предстоящихъ генеральныхъ битвахъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Но тутъ самъ собой навязывается такой вопросъ: не странно ли въ высшей степени, что сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ Россійской соціальдемократической партіи, должны еще только стремиться къ пріобрѣтенію непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ ней, что широкое и прямое участіе ихъ въ опредѣленіи формъ и содержанія дѣятельности партіи, членами которой они состоятъ, что это участіе является не реальнымъ фактомъ, а только еще вопросомъ, поставленнымъ лишь на очередь и ждущимъ еще своего разрѣшенія?

Соціальдемократія, стремящаяся къ соціалистической революціи и признающая, что эта революція „можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса“, овладѣвшаго государственной властью, соц.-демократія въ силу, однимъ словомъ, принциповъ и требованій своей собственной программы, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ политической организаціей соціалистическаго пролетаріата. И такой организаціей она въ самомъ дѣлѣ и является во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Международная соціальдемократія, однимъ изъ отрядовъ которой признаетъ себя и наша партія, объединяетъ въ себѣ наиболѣе сознательные и революціонные элементы пролетаріата, руководящіе имъ въ борьбѣ за его освобожденіе, и потому самому непосредственно вліяющіе на всю внутреннюю жизнь и дѣятельность организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Или, точнѣе говоря, они то сами, непосредственно, своей мыслью и своей волей, всецѣло и опредѣляютъ характеръ, направленіе, пути и практическія задачи своихъ партійныхъ организацій. Въ силу какихъ же причинъ наша партія оказывается лишенной этой существенной черты интернаціональной соціальдемократіи, той именно черты, обладаніе которой и дѣлаетъ изъ нея международную армію соціально-революціоннаго пролетаріата? Въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ и къ рѣшенію вопроса о *взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ организаціяхъ* и имѣющаго, какъ говоритъ авторъ брошюры, „чуть ли не самое важное значеніе въ нашей партійной жизни“. Къ сожалѣнію, вниманіе автора всецѣло сосредоточено не на первомъ, а на послѣднемъ вопросѣ. Это вполнѣ понятно и простительно. Прежде, чѣмъ вникать въ коренныя причины и происхожденіе угнетающаго ихъ зла, люди начинаютъ протестовать и бороться противъ самаго этого зла или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ его непосредственно-осязательныхъ формъ и проявленій, которыя сами собою бросаются въ глаза и особенно больно даютъ имъ себя чувствовать.

Пролетаріи, сознательно работающіе въ рядахъ россійской соціальдемократіи, чувствуютъ себя какъ бы гражданскя и политически неполноправными въ ней. Это чувство особенно обострилось подъ вліяніемъ нашего внутри-партійнаго кризиса, парализовавшаго ея силы какъ разъ въ такой моментъ, когда она обязана была всецѣло направить ихъ на мобилизацію и организацію рабочихъ массъ для рѣшительнаго натиска на царское самодержавіе. Непосредственно соприкасаясь съ этими массами, видя стихійный ростъ ихъ недовольства, испытывая на каждомъ шагу, изо дня въ день, совершенную невозможность использовать это недовольство въ интересахъ широкой истинно-пролетарской агитаціи — благодаря воцарившемуся въ партіи хаосу и бездѣятельности многихъ комитетовъ, — вы естественно, особенно сильно начали тяготиться своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ ней въ роли периферіи, получающей указанія „сверху“, но лишенной, такъ сказать, законныхъ средствъ съ своей стороны давать властныя указанія руководящимъ партійнымъ организаціямъ. Весною, въ одномъ и томъ же номерѣ „Искры“ появилось письмо въ редакцію отъ Кіевскаго Комитета и корреспонденція изъ Ростова (присланная однимъ изъ членовъ тамошняго комитета), въ которыхъ съ горечью указывалось на то, что наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было, что со времени съѣзда „наша партія сдѣлала колоссальный шагъ... назадъ“, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не получается „ни одного фунта литературы, а „Искра“ получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ“. Но поразительнѣе всего было то, что въ эту эпоху цѣлый рядъ комитетовъ, не смущаясь полнѣйшимъ застоемъ въ выполненіи ими своихъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и неотложныхъ обязанностей (обезпеченіе себя необходимой литературой, регулярное распространеніе ея, устная пропаганда), занимались составленіемъ резолюцій (для выраженія строгаго порицанія редакціи партійнаго органа во имя „дисциплины“ и „принципіальной выдержанности“, (за то, что она старалась безпощадно вскрывать истинное значеніе, источникъ и опасности нашего партійнаго кризиса и поддерживала тѣхъ товарищей, которые пытались удовлетворить запросу на литературу своими усиліями, на перекоръ противодѣйствію партійныхъ учрежденій, на которыхъ эта обязанность лежала и лежитъ. А вамъ, товарищи, приходилось при этомъ играть роль безпомощной, безгласной массы, которой даже не полагалось знать, что происходитъ за кулисами, какъ и откуда нистрацію и не одну волю народнаго представительства, но и высшее ихъ соотношеніе.

При такихъ условіяхъ грядущая русская конституція неожиданно даже для самихъ либераловъ легко можетъ принести осуществленіе гнилой славянофильской теоріи, согласно которой царю должна принадлежать вся сила власти, а землѣ — вся сила мнѣнія. Но мнѣніе имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда за нимъ стоитъ могущество власти. Если теорія признаетъ равноправность державныхъ функцій монарха и народа, то практика не считается съ необезпеченными правами. Могущественный монархъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются государственныя средства, войско и бюрократія, который обладаетъ законодательными полномочіями, неизбѣжно превратитъ въ декоративное учрежденіе народное представительство съ его скромнымъ правомъ *участія* въ законодательствѣ. Бумажныя конституціи европейскихъ монархій первой половины прошлаго вѣка служатъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ распредѣляется государственная власть между сильнымъ монархомъ и ничтожнымъ парламентомъ. И не только въ моменты острыхъ столкновеній между властью и народомъ монархическая конституція оказывается карточнымъ домикомъ, она не обезпечиваетъ народныхъ интересовъ даже въ обычное время, при нормальномъ теченіи государственной жизни. Признаніе народнаго суверенитета обусловливаетъ полную зависимость исполнительной власти отъ народа, въ лицѣ его представителей. Глава государства, формируя составъ исполнительныхъ органовъ, обязанъ призывать къ высшему управленію только членовъ парламентскаго большинства, выражающаго въ данный моментъ преобладающую народную волю. Монархъ-суверенъ не ограниченъ никакими обязательствами и назначаетъ министровъ страны по личному произволу и усмотрѣнію. Избраніе министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства составляетъ неотъемлемую черту дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое основывается на солидарности правительства, если не съ народомъ, — въ современномъ классовомъ обществѣ такой солидарности быть не можетъ, — то съ болѣе или менѣе широкими слоями населенія.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ парламентаризма въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ, гдѣ правительство не зависитъ отъ воли народныхъ представителей, борьба между властью и населеніемъ до сихъ поръ не прекращается и—рано или поздно—неизбѣжно должна закончиться провозглашеніемъ народнаго суверенитета Но отсталые элементы русскаго либерализма извлекли для себя изъ опыта Западной Европы лишь тотъ урокъ, что конституціонная монархія представитъ лучшее средство для сохраненія привилегій, выросшихъ изъ сословно-крѣпостного строя, для сосредоточенія политической власти въ рукахъ привилегированнаго меньшинства и для неограниченной эксплоатаціи верхними десятью тысячами широкихъ массъ населенія. Это стремленіе является реальной основой политики наиболѣе вліятельныхъ элементовъ земскаго либерализма. Дѣтище разнороднаго конгломерата, въ которомъ буржуазная демократія соединилась съ дворянскимъ фрондой, — либеральная программа земскаго съѣзда должна была установить и установила политическія основы не только классоваго, но и олигархическаго угнетенія народа. Поэтому умолчаніе о всеобщемъ, прямомъ и равномъ для всѣхъ гражданъ избирательномъ правѣ вовсе не представляется разсчитаннымъ пріемомъ эзоповскаго языка и не погашается седьмою резолюціею, гласящею, что „личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны". Лживость этого заявленія лучше всего опредѣляется тѣмъ, что оно находится въ явномъ и не замаскированномъ противорѣчіи съ девятою резолюціею, которая высказываетъ требованіе, чтобы „къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены *по возможности* всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія". Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи цѣликомъ входитъ въ область *политическихъ правъ* гражданъ и, однако, либеральная программа, только что широковѣщательно провозглашавшая политическое равенство, на первомъ же пробномъ камнѣ даетъ глубокую трещину и ограничиваетъ народныя права какою-то неопредѣленною „возможностью". То же ограниченіе, хотя и въ менѣе ясномъ видѣ, заключается въ послѣднемъ, столь превосходномъ по внѣшности пунктѣ либеральной деклараціи, гдѣ выражается надежда, что „верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при ихъ содѣйствіи (!) вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія"... Здѣсь не только отсутствуетъ всякій намекъ на *суверенитетъ* учредительнаго собранія, созваннаго для коренного обновленія русской жизни, но и „представители всего народа" подмѣнены „представителями народа". Въ политическихъ программахъ такіе „пропуски" означаютъ лишеніе политическихъ правъ милліоновъ рабочаго люда.

Эти основные промахи либеральной программы вполнѣ опредѣляютъ ея анти-народный характеръ. Между тѣмъ, она — зрѣлый плодъ того либерально-демократическаго блока, который вылелѣяли освобожденцы и къ которому теперь примкнули соціалисты-революціонеры, вкупѣ съ финляндскими, польскими, грузинскими и другими націоналистами. Такимъ образомъ, земская программа пріобрѣтаетъ на дѣлѣ значеніе объединенной платформы всѣхъ буржуазныхъ партій, стремящихся къ сверженію самодержавія. Поддерживаемый „революціонными" партіями либерально-демократическій блокъ явно пытается навязать свою программу великому освободительному движенію современной Россіи и исказить его возможные результаты. И только сознательное, самостоятельное и энергичное вмѣшательство революціонной соціальдемократіи въ загорѣвшійся по всей линіи бой между старой и новой Россіей можетъ разстроить этотъ заговоръ противъ народа и обезпечитъ рабочему классу его необходимыя права. Когда на политической аренѣ появятся стройные ряды рабочихъ батальоновъ и рѣшительно оттѣснятъ съ авансцены вялые и колеблющіеся элементы имущаго общества, тогда только отдѣльные ручьи народнаго недовольства сольются въ мощный и широкій революціонный потокъ, который бурнымъ порывомъ смететъ „скипетръ, корону, звѣзды и другія игрушки", такъ дорого стоящія рабочему люду.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПАРТІИ.

У. Р. П. оффиціально и фактически начала существовать съ 1901 года. По составу и духу членовъ, она была даже мало соціалистической—въ ея ряды собралась украинская молодежь, ясно сознавшая только необходимость борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ. Демократизмъ и оппозиція русскому правительству никогда не умирали на Украйнѣ. Съ самаго присоединенія къ Москвѣ, часть украинскаго общества съ большей или меньшей энергіей стремилась вырвать свою родину изъ лапъ азіатскаго деспота и создать демократическую республику. Это были времена феодализма — передъ оппозиціонерами рисовался идеалъ вольнаго рыцаря — казака. Но все течетъ.... феодализмъ уплылъ, разсыпались казацкіе курганы — свидѣтели прошлой славы и... только мертвые остались держать живыхъ въ своихъ объятіяхъ... Украинская оппозиція, въ своемъ опьяненіи добрымъ, старымъ временемъ, не замѣтила тѣхъ колесъ и ремней народившагося колосса — капитализма, что побѣжали и завертѣлись по всей земной поверхности, требуя ото всѣхъ, къ кому они проникали, или примѣняться къ новымъ условіямъ жизни, или убираться вонъ съ арены — уступить мѣсто болѣе жизнеспособнымъ элементамъ. Блѣе жизнеспособною и дѣятельною оказалась та часть украинофиловъ, которая впослѣдствіи составила У. Р. П., другая же медленно формируется въ національ-демократическую партію, руководимую такими идеологами, какъ проф. львовскаго университета М. Грушевскимъ и поэтомъ I. Франкомъ. Итакъ, мы видѣли, что первые кадры У. Р. П. образовались изъ распавшихся украинофиловъ. По большей части, это были студенты кіевскаго и харьковскаго университетовъ, народные учителя, семинаристы и, главнымъ образомъ, представители интеллигентнаго пролетаріата. Но традиція прошлыхъ временъ еще густымъ слоемъ пыли лежали въ ихъ мозгу, почему мы и видимъ то бросаніе изъ стороны въ сторону въ формулировкѣ своихъ взглядовъ и ту безпрограмность, какую такъ и не могла устранить У. Р. П. до сего времени. Первой оффиціальной брошюрой украинскихъ революціонеровъ была дико-шовинистическая „Самостiйна Украiна" (независимая Украйна). На ней не такъ отразился шовинизмъ партіи, какъ шовинизмъ ея автора, который, къ слову, къ партіи никогда не принадлежалъ. За „Самостійною Украіною" была издана серія брошюръ: „чі йе теперь панщина?" (Есть ли теперь крѣпостничество), „Власна земля" (Собственная земля), „Козаччина" (Казатчина), „Дядько Дмытро" (Дядя Митя), „Страйкъ чи бойкотъ?" (Стачка или бойкотъ). Брошюры, по большей части, передѣлки съ польскаго изданія П. П. С.; только „Козаччина" оригинальна. Изъ всѣхъ этихъ брошюръ удержали, въ дальнѣйшей своей передѣлкѣ, цѣнность только „Дядько-Дмитро" и „Страйкъ и бойкотъ", остальныя ждутъ исправленія въ социаль-демократическомъ духѣ... Отъ „Самостійноі Украіна" черезъ годъ У. Р. П. оффиціально отказалась. Кромѣ брошюръ, „Закорданний комітетъ" Р. У. П. (заграничный комитетъ) занялся изданіемъ теоретическаго органа Партіи — „Гасло" (Пароль) съ 1902 г. Просматривая „Гасло" съ перваго номера до его прекращенія (май 1903 г. № 5 — всего 17 номеровъ), мы увидимъ, какъ Партія эволюціонировала отъ с. революціонерства, P. P. S—ства, бернштейніанства до с.-дем. идей, хотя и не совсѣмъ ортодоксальныхъ. Съ первыхъ же шаговъ, У. Р. П. выказала большую энергію. Были гектографированы въ громадномъ количествѣ прокламаціи по поводу 19 февраля и распространены по всей Украйнѣ; вмѣстѣ съ прокламаціями, распространялись и вышеупомянутыя брошюры. Но цѣль У. Р. П. была неясна: одни члены стояли за независимую Украйну, другимъ только нужно было уничтоженіе самодержавія, но на одномъ всѣ сходились—это работа среди крестьянъ. О фабр.-зав. рабочихъ сначала никто и не думалъ. Да и какъ могли о нихъ думать члены У. Р. П., вышедшіе изъ села, м. б., даже совсѣмъ или почти незнакомые съ рабочимъ движеніемъ. Усиленно они занялись агитаціей и распространеніемъ литературы по селамъ. Какъ снѣгомъ, была усѣяна ихъ листками Украйна. Съ оконъ вагоновъ, пѣшкомъ, на велосипедахъ, проѣзжая сотни верстъ на крестьянской телѣгѣ, развозили и разбрасывали сѣмена протеста украинскіе революціонеры. Что то новое, необыкновенное посѣтило давно уснувшую и ушедшую отъ политической жизни страну. Крестьянинъ задвигался, заговорилъ, сначала недоумѣвая, „откуда сія милость"... Но политическій гнетъ, безправіе и голодъ быстро объяснили хлѣбопашцамъ, въ чемъ дѣло, и они съ большимъ интересомъ схватились за предлагаемую имъ литературу, да еще на ихъ собственномъ „мужицкомъ" языкѣ. Страданія народа были ужасны! Каждый искалъ въ нелегальной литературѣ какого-нибудь исхода. О чемъ въ книгахъ и листкахъ не говорилось, то добавляла поэтическая фантазія селянина. Не понявъ хорошо прокламаціи и „Власной земли", трактующихъ о націонализаціи земли, крестьянинъ нашелъ въ нихъ поддержку своимъ мечтаніямъ о „дѣлежѣ земли по правдѣ" и... заволновался. Полилась кровь запоротыхъ и замученныхъ Иваномъ Оболенскимъ жертвъ. Но не нужно думать, что Карловка возстала исключительно, благодаря литературѣ У. Р. П. Голодъ, который тамъ свирѣпствовалъ, сдѣлалъ бы это и безъ литературы! Другое дѣло—остальныя части Украйны, особенно: Полтавщина, Кіевщина, Черниговщина: здѣсь народъ бурлилъ серьезно, особенно въ окрестностяхъ Лубенъ, Полт. губ.

Въ этотъ важный для Россіи моментъ не нашлось ни одной партіи, которая могла бы воспользоваться такимъ высокимъ настроеніемъ массъ. У. Р. П. была еще очень молода. Крестьяне, успокоившись, перешли въ выжидательное положеніе, но отнюдь не заснули, и дальше У. Р. П. легко было, да и теперь тоже самое, вербовать въ ихъ рядахъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Дифференціація села уже пошла очень далеко и на Украйнѣ есть сейчасъ почти около 10 мил. сельскихъ пролетаріевъ и почти-пролетаріевъ. Не смотря на сравнительно невысокую культурность села, проповѣдь соціализма легко прививается и батраку и полупролетарію. Съ изданіемъ „Гасла" У. Р. П. становится партіей соціалистической, но не вырабатываетъ сейчасъ своей программы, а говоритъ, что „программу намъ укажетъ жизнь". Эта безпрограмность, можетъ быть, и сослужила членамъ У. Р. П. ту пользу, что, не закупорившись въ „своей собственной программѣ", они могли спокойно знакомиться съ различными теченіями соціализма и отнестись къ марксизму безъ предразсудковъ с.-р. „критики", а благодаря этому, и довести свою эволюцію за сравнительно короткое время до признанія с.-демократическихъ идей своими. Съ 1903 г. начинаетъ издаваться ежемѣсячный журналъ „Селянинъ" (крестьянинъ)—политическій органъ для села. Онъ сначала носитъ мелко-буржуазный, радикальный характеръ, но съ 1904 г. становится строго соц.-демократическимъ. Для села эта газета незамѣнима: сельскій пролетаріатъ относится къ ней съ большимъ довѣріемъ, очень любитъ читать и считаетъ ее своей „мужицкой" газетой. „Селянинъ" — лучшая связь Партіи съ массой. До сего времени У. Р. П. изданы слѣдующія книги и брошюры: вышли переводы съ русскаго языка — „Революція 1848 г. у Франціи", „Зъ історіі Французскоі революціі 3 книжки", „Парижска комуна". Поливанова „Скинавъ" (кончился), съ нѣмецкаго — Ф. Лассаль: „программа рабітниківъ", „Про суть конституціи", Либкнехтъ—„Павуки та мухи", Бебель—„студенты и соціализмъ" и Кауцкій—„Соціальна революція"; съ французскаго — Лафаргъ „Селянська посілість и скополична эволюція", „Аграрна программа французскоі Рабітнічоі Партіі"; оригинальное: „Революційний духъ на Вкраіні" (Революціонное движеніе на Украйнѣ), „Доля працюючаго люду" (Судьба трудящагося народа — сборникъ), „Дума про пихідъ ситого князя Оболенскаго на голодныхъ селянъ" (Пѣснь о походѣ откормленнаго князя Оболенскаго на голодныхъ крестьянъ), „Солдатики" (Солдатики — разсказъ), „Работи!" (Дѣла!—разсказъ), „Боротьба" (Борьба — разсказъ изъ жизни солдата-раскольника); по аграрному вопросу—І. Гілька — „Про херсонски то инші зарабітки" (Объ отхоже

Письма къ товарищамъ-рабочимъ.

Письмо первое.

(Интеллигенты и рабочіе въ нашей партіи).

Дорогіе товарищи!

На дняхъ мы выпускаемъ въ свѣтъ брошюру одного рабочаго, подъ заглавіемъ: „Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ". Рукопись этой брошюры получена была нами въ сопровожденіи письма отъ двухъ рабочихъ — конечно, соціальдемократовъ — въ которомъ они заявляютъ себя солидарными съ взглядами автора и заранѣе привѣтствуютъ появленіе ея въ печати. По всей вѣроятности, такой же пріемъ она встрѣтитъ у большинства изъ васъ, такъ какъ авторъ выступаетъ въ ней страстнымъ выразителемъ настроенія, несомнѣнно распространеннаго въ вашей средѣ, и горячимъ защитникомъ вашихъ правъ (собственно, обязанности) на непосредственное участіе во внутреннихъ дѣлахъ партіи. Авторъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ называетъ „теоретиками меньшинства", указали „рабочимъ всей Россіи пути и средства" къ обезпеченію себѣ непосредственнаго вліянія на внутреннюю жизнь своей партіи: „Не ограничивайтесь, говоритъ онъ, воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ (т. е. къ интеллигентамъ П. А.) о реформированіи практики, но... взывайте также къ пролетаріямъ!" Мы увидимъ, что авторъ впалъ въ крупное недоразумѣніе, предполагая, что мы обращаемся къ одной только интеллигенціи. Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ заявляетъ, что обращеніе партійныхъ литераторовъ, добивающихся дальнѣйшаго развитія нашей практики въ пролетарскомъ смыслѣ *специально* и непосредственно къ товарищамъ рабочимъ, можетъ послужить имъ моральной поддержкой въ ихъ стремленіи къ повышенію своей самодѣятельности внутри нашихъ партійныхъ организацій.

Идя на встрѣчу желанію этихъ товарищей, я намѣренъ въ рядѣ писемъ, бесѣдовать съ вами о положеніи Россійской соціаль демократіи, о насущныхъ вопросахъ и задачахъ, выдвинутыхъ передъ нею ходомъ общественной жизни и ея собственнаго развитія, о путяхъ и средствахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ и задачъ, наконецъ, о событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ интересамъ пролетаріата и къ его освободительному движенію.

Настоящее письмо я посвящаю спеціально тому вопросу, который является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ брошюры, толкнувшей меня на мысль вступить въ спеціальную бесѣду съ вами на страницахъ „Искры".

Мы вступаемъ въ періодъ ликвидаціи царскаго самодержавія и сословнаго общественнаго строя Россіи. Направленіе, ходъ и результаты этой ликвидаціи для пролетаріата будутъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ политической сознательности, энергіи и организованности, съ которыми онъ выступитъ въ предстоящихъ событіяхъ, т. е. оттого, въ какой мѣрѣ соціальдемократіи удастся сплотить рабочія массы подъ своимъ знаменемъ въ самостоятельную политическую силу, способную энергично бороться съ абсолютизмомъ и отстаивать интересы своего класса противъ всѣхъ эксплуататорскихъ классовъ. Но именно вы, товарищи, больше всего можете сдѣлать для объединенія этихъ массъ въ такую партію. А это, разумѣется, недостижимо безъ вашего непосредственнаго участія во всѣхъ дѣлахъ своей партіи, безъ прямого и непосредственнаго вліянія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ на всю нашу партійную жизнь. Къ такой активной роли въ партіи и призываетъ васъ авторъ брошюры.

На ряду съ другими знаменательными явленіями въ средѣ соціальдемократовъ-рабочихъ, брошюра эта указываетъ на ростъ вашего пролетарскаго самосознанія и на интенсивное стремленіе въ вашихъ рядахъ къ болѣе широкой и энергичной самодѣятельности внутри своей партіи. И само собою разумѣется, что всякій соціальдемократъ, сознательно и горячо преданный дѣлу политическаго возвышенія пролетаріата, не можетъ не привѣтствовать радостно этого стремленія, имѣющаго значеніе первостепенной важности именно въ настоящій моментъ, когда, какъ я уже выше сказалъ, отъ широкой инціативы и активности нашихъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ черезвычайно высокой степени зависитъ ближайшая судьба нашей партіи и роль пролетарскихъ массъ въ предстоящихъ генеральныхъ битвахъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Но тутъ самъ собой навязывается такой вопросъ: не странно ли въ высшей степени, что сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ Россійской соціальдемократической партіи, должны еще только стремиться къ пріобрѣтенію непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ ней, что широкое и прямое участіе ихъ въ опредѣленіи формъ и содержанія дѣятельности партіи, членами которой они состоятъ, что это участіе является не реальнымъ фактомъ, а только еще вопросомъ, поставленнымъ лишь на очередь и ждущимъ еще своего разрѣшенія?

Соціальдемократія, стремящаяся къ соціалистической революціи и признающая, что эта революція „можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса", овладѣвшаго государственной властью, соц.-демократія въ силу, однимъ словомъ, принциповъ и требованій своей собственной программы, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ политической организаціей соціалистическаго пролетаріата. И такой организаціей она въ самомъ дѣлѣ и является во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Международная соціальдомократія, однимъ изъ отрядовъ которой признаетъ себя и наша партія, объединяетъ въ себѣ наиболѣе сознательные и революціонные элементы пролетаріата, руководящіе имъ въ борьбѣ за его освобожденіе, и потому самому непосредственно вліяющіе на всю внутреннюю жизнь и дѣятельность организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Или, точнѣе говоря, они то сами, непосредственно, своей мыслью и своей волей, всецѣло и опредѣляютъ характеръ, направленіе, пути и практическія задачи своихъ партійныхъ организацій. Въ силу какихъ же причинъ наша партія оказывается лишенной этой существенной черты интернаціональной соціальдемократіи, той именно черты, обладаніе которой и дѣлаетъ изъ нея международную армію соціально-революціоннаго пролетаріата? Въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ и къ рѣшенію вопроса о *взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ организаціяхъ* и имѣющаго, какъ говоритъ авторъ брошюры, „чуть ли не самое важное значеніе въ нашей партійной жизни". Къ сожалѣнію, вниманіе автора всецѣло сосредоточено не на первомъ, а на послѣднемъ вопросѣ. Это вполнѣ понятно и простительно. Прежде, чѣмъ вникать въ коренныя причины и происхожденіе угнетающаго ихъ зла, люди начинаютъ протестовать и бороться противъ самаго этого зла или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ его непосредственно-осязательныхъ формъ и проявленій, которыя сами собою бросаются въ глаза и особенно больно даютъ имъ себя чувствовать.,

Пролетаріи, сознательно работающіе въ рядахъ россійской соціальдемократіи, чувствуютъ себя какъ бы граждански и политически неполноправными въ ней. Это чувство особенно обострилось подъ вліяніемъ нашего внутри-партійнаго кризиса, парализовавшаго ея силы какъ разъ въ такой моментъ, когда она обязана была всецѣло направить ихъ на мобилизацію и организацію рабочихъ массъ для рѣшительнаго натиска на царское самодержавіе. Непосредственно соприкасаясь съ этими массами, видя стихійный ростъ ихъ недовольства, испытывая на каждомъ шагу, изо дня въ день, совершенную невозможность использовать это недовольство въ интересахъ широкой истинно-пролетарской агитаціи — благодаря воцарившемуся въ партіи хаосу и бездѣятельности многихъ комитетовъ, — вы естественно, особенно сильно начали тяготиться своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ ней въ роли периферіи, получающей указанія „сверху", но лишенной, такъ сказать, законныхъ средствъ съ своей стороны давать властныя указанія руководящимъ партійнымъ организаціямъ. Весною, въ одномъ и томъ же номерѣ „Искры" появилось письмо въ редакцію отъ Кіевскаго Комитета и корреспонденція изъ Ростова (присланная однимъ изъ членовъ тамошняго комитета), въ которыхъ съ горечью указывалось на то, что наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было, что со времени съѣзда „наша партія сдѣлала колоссальный шагъ... *назадъ*", что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не получается „ни одного фунта литературы, а „Искра" получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ". Но поразительнѣе всего было то, что въ эту же эпоху цѣлый рядъ комитетовъ, не смущаясь полнѣйшимъ застоемъ въ выполненіи ими своихъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и неотложныхъ обязанностей (обезпеченіе себя необходимой литературой, регулярное распространеніе ея, устная пропаганда) занимались составленіемъ резолюцій для выраженія строгаго порицанія редакціи партійнаго органа во имя „дисциплины" и „принципіальной выдержанности", (!) за то, что она старалась безпощадно вскрывать истинное значеніе, источникъ и опасности нашего партійнаго кризиса и поддерживала тѣхъ товарищей, которые пытались удовлетворить запросу на литературу своими усиліями, на перекоръ противодѣйствію партійныхъ учрежденій, на которыхъ эта обязанность лежала и лежитъ. А вамъ, товарищи, приходилось при этомъ играть роль безпомощной, безгласной массы, которой даже и не полагалось знать, что происходитъ за кулисами, какъ и откуда промыслѣ въ Херсонскую и др. губерніи), „Великий хліборобский страйкъ въ Галичині" (Большая крестьянская стачка въ Галиціи). Кромѣ того, послѣ соединенія У. Р. П. съ У. П. С. — соціалистическими членами партіи были распространены изданія У. С. П.: „Нарисъ програми У. С. П." (Наброски программы У. С. П.), „До програми У. С. П." (Къ программѣ У. С. П.) Марксъ и Энгельсъ — „Манифестъ коммуністической партіи", „Робітницька справа" (Рабочее дѣло), „Бунтъ въ селі Вишнівці" (Бунтъ въ селѣ Вишневкѣ), №№ 1—3 журнала „Добра Новина" (Пріятная новость). Партія также пріобрѣла изданіе украинскихъ социальдемократовъ: „Німецка революція 1848 року переводъ съ русск.). Дикштейна: „Хто съ чего живъ" (Кто чѣмъ живетъ). Кромѣ того, перевозились сочиненія укр. радикала Драгоманова и другія, запрещенныя въ Россіи на украинскомъ языкѣ, сочиненія. Соединившись съ У. С. П. (1903 г.), У. Р. П. стала продолжать изданіе „Доброй новини", которую изъ еле начавшаго свое существованіе журнальчика превратила въ практическій органъ для фабр. и зав. пролетаріата. Но скоро въ У. Р. П. и У. С. П. произошелъ расколъ, о причинахъ котораго будетъ дальше сказано, и „Добра новина" прекратила свое существованіе. Вмѣсто нея, съ 1904 г. З. К. сталъ издавать „Працю" (Работу) съ такою же цѣлью и назначеніемъ, какъ и „Добру новину", журналъ, какъ и „Селянинъ", съ соц.-дем. направленіемъ. Съ начала своего существованія партія состояла изъ 6 „Вільныхъ громадъ" (Вольныхъ комитетовъ)—Кіевской, на Полтавщинѣ, Полтавской (городъ), Харьковской, Черниговской и Черноморской; потомъ присоединился „Закордонний комітетъ" и былъ партійнымъ съѣздомъ выбранъ „Центральный комітетъ", наконецъ, въ 1904 г. присоединился „Донской комітетъ". Такимъ образомъ, У. Р. П. оффиціально состоитъ изъ 6 „Вільныхъ громадъ" и 3 комитетовъ, хотя можно въ скоромъ времени ожидать еще появленія „Вільныхъ громадъ", какъ Одесской, Екатеринославской, Волынской и Подольской.... Въ то время, какъ другія „Вільні громады" продолжали издавать прокламаціи, распространять литературу и укореняться въ селѣ—„Кіевска Вільна громада" взяла на себя иниціативу проведенія въ партіи соц.-дем. идей. Въ № 4 „Гасла" за 1904 г. К. В. Г. помѣщаетъ проектъ программы, близкій къ программѣ „Искры", и „Зари", но проектъ этотъ былъ встрѣченъ бурнымъ негодованіемъ всѣхъ украинскихъ комитетовъ. Въ публикѣ чувствовался духъ націонализма и, отчасти, соц.-революціонизма. Проэктъ былъ близокъ къ программѣ россійской соц.-дем. партіи и затрагивалъ честь „украинскаго революціонера." Но Рубиконъ былъ перейденъ и спокойствіе въ партіи нарушено. Кіевъ сталъ разлагающимъ элементомъ партіи... И не удивительно. Въ то время, какъ всѣ остальныя В. Г., въ сторонѣ отъ культурныхъ центровъ и предубѣжденныя противъ русской книжки, занимались кустарничествомъ, „Кіевска Вільна Громада" имѣла возможность столкнуться со всѣми революціонными теченіями Россіи, а, кромѣ того, познакомиться на дѣлѣ съ рабочимъ движеніемъ. Члены К. В. Г. начинаютъ вести пропаганду среди кіевскаго пролетаріата и организовывать кружки; впослѣдствіи за Кіевомъ пошелъ Харьковъ, а потомъ и остальныя В. Г. Сначала изъ рабочихъ подготовляли агитаторовъ и пропагандистовъ для селъ. Имѣя въ рядахъ своихъ элементы, способные къ воспріятію идей научнаго соціализма, Р. У. П. должна была въ своемъ ростѣ натолкнуться на альтернативу — или, не сбрасывая съ себя надѣтой мантіи, сойти на дорогу соціалистовъ-революціонеровъ, или же рости дальше до соціальдемократизма. На пути молодой партіи были если не пропасти, такъ засады. Соціалисты-революціонеры, въ своихъ поискахъ за союзниками противъ россійской соціальдемократіи, обратили съ вожделѣніемъ свои очи и на У. Р. П.; даже для приманки націоналистовъ, издали на украинскомъ языкѣ книжечку (конецъ 1903г. „Сказка про злого царя, та якъ винъ людямъ порядку давъ", но очень поздно спохватились кокетничать — У. Р. П. уже не могла отречься отъ соціальдемократизма. Вступала въ союзъ съ У. Р. П. Укр. соціалистическая партія — фотографическій снимокъ съ П. П. С., ея миніатюра, но не надолго. Въ послѣднее время за У. Р. П. сталъ ухаживать Бундъ. Будучи боленъ маніей преслѣдованія и ограждаясь отъ самого себя плетнями федераціи, онъ сталъ заражать и У. Р. П. своей „подозрительно самооправдывающейся литературой". Благодаря русскимъ условіямъ, отъ Кіева руководство партіи перешло къ З. К. Въ это время, т. е. 1903—4 г., партія вездѣ уже столкнулась съ фабрично-заводскими рабочими, разобралась, что быть партіей, значитъ быть представителемъ *только одного класса*, разобраться въ этомъ ей много помогъ Загр. Ком., заявивъ въ своихъ изданіяхъ, что У. Р. П. есть партія трудящихся массъ, какъ за плугомъ, такъ и за станкомъ. Съ 1903 г. почувствовалась потребность въ измѣненіи названія партіи. Названіе „революціонная" очень растяжимо и подъ такое знамя часто собираются всевозможные элементы, діаметрально противоположные другъ другу. Стали поговаривать о съѣздѣ, о необходимыхъ реформахъ, объ очисткѣ Партіи. Такъ въ добрыхъ пожеланіяхъ съѣзда протянулось больше года. За это время партія, можно сказать, стала неузнаваема; слово соц.-дем., раньше презираемое, теперь стало предметомъ гордости для каждаго члена У. Р. П. Въ своихъ изданіяхъ 1904 г., въ особенности въ отчетѣ о дѣятельности Партіи для Амстердамскаго конгресса (на нѣмецк. яз.), У. Р. П. оффиціально заявляетъ свое соціальдемократическое направленіе. Но назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! сталъ соц.-дем., такъ будь ортодоксаленъ. Мы живемъ не въ „Самостійні Україні", а въ Россіи и составляемъ часть этого колоссальнаго государства. А большое въ территоріальномъ отношеніи государство для пролетарской борьбы и объединенія куда удобнѣе разбитой на клѣточки дореформенной Германіи и стремиться къ разложенію такого государства, значитъ—стремиться къ ослабленію классовой борьбы пролетаріата данной мѣстности. Поэтому, если У. Р. П. не націоналистическая партія, если слова „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь" для нея не пустой звукъ, то она должна всѣми силами стремиться къ соединенію съ Р. С. Д. Р. П. Необходимость соединенія съ Р. С. Д. Р. П. чувствуется и сознается всѣми (не говорю о незначительной частицѣ ярыхъ шовинистовъ) членами У. Р. П., но въ то время какъ одна часть У. Р. П., назову ее „Искровцы", стремится прежде всего объединить движеніе всей Россіи, другая, благодаря, конечно, своей отсталости, свой кругозоръ ограничиваетъ рамками своей національности. Эта-то часть, какъ я раньше упомянулъ, и восприняла бациллы бундизма, т. е. хотя и признаетъ союзъ съ русской соц.-дем. желательнымъ, но заключать этотъ союзъ она хочетъ на бундовскій ладъ: „безъ федераціи не соединимся", заявляетъ она. Здѣсь, въ этихъ словахъ, кроется, товарищи украинцы, глубочайшій оппортунизмъ, если не больше. Если вы не вѣрите въ силу тѣхъ экономическихъ условій, которыя связываютъ братствомъ пролетаріатъ всего міра, если вы боитесть соединиться съ такой же соц.-демократіей, какъ и вы, на началахъ автономіи, то значитъ, вы не думаете о пролетаріатѣ, потому что рабочему классу она не нужна, наоборотъ — для него она пагубна!

Украинецъ-искровецъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Противъ „весны" Въ Екатеринославѣ распространена такая прокламація: „Русскіе люди! Смертное время настало на Руси: подкупленные жидами министръ внутреннихъ дѣлъ съ его гнусными помощниками думаютъ обратить могущественную монархическую Русь въ республику. О Боже! Неужели это совершится? Неужели мы русскіе люди, преданные Государю, не уничтожимъ проклятыхъ соціалистовъ, жидовъ? Да, уничтожимъ смертью жидовъ! Бейте жидовъ!"

Не поищетъ-ли кн. Святополкъ авторовъ этого воззванія въ своемъ вѣдомствѣ?

С.-Петербургъ. 27 ноября. Всѣ почти факты проявленія освободительнаго движенія извѣстны вамъ, въ главныхъ чертахъ, изъ легальныхъ газетъ, которыя теперь пишутъ незнакомымъ нашему поколѣнію стилемъ. Поэтому, я ограничусь краткимъ сообщеніемъ о „настроеніи" радикальныхъ элементовъ петербургской демократіи, настроеніи, представляющемъ много поучительнаго и наводящемъ на серьезныя размышленія. Вообще говоря, настроеніе очень бодрое, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ крылѣ либерально-демократическаго блока. Земцы покинули столицу съ самыми благими и энергичными намѣреніями. Справедливость требуетъ замѣтить, что той выдержки, мужества, какія они проявили, никто отъ нихъ не ожидалъ. „Свое" дѣло они сдѣлали. Большаго, по своей природѣ и происхожденію, они сдѣлать не могутъ. Ближайшимъ ихъ шагомъ теперь будетъ привлеченіе губернскихъ земскихъ собраній къ оффиціальному вотированію резолюцій земскаго съѣзда. Послѣ земцевъ выступила наша разночинная интеллигенція и сказала свое слово на различныхъ банкетахъ. Энергія крѣпнетъ, жажда освобожденія усиливается. Но... вылиться имъ не въ чемъ. Говорить — уже пропадаетъ охота, такъ какъ все сказано. Дальше нужно дѣло, а дѣло-то пока на налаживается. Между тѣмъ, ясно, что періодъ словесности окончился. Разбужены самые косные, до сихъ поръ всегда остававшіеся въ сторонѣ, элементы общества, обнаруживаютъ интересъ и входятъ въ общіе ряды такіе люди, которыхъ считали живыми мертвецами. Къ дѣлу, къ дѣлу! — вотъ мучительная мысль, терзающая всѣ умы и сердца. Всѣ сознаютъ, всѣ чувствуютъ необходимость перейти къ дѣлу, но — какъ подстрѣленная птица подняться хочетъ и не можетъ, такъ и радикальная демократія безсильно застрѣваетъ въ словесной оппозиціи. Вѣроятно, это настроеніе выльется въ рядѣ демонстрацій. А затѣмъ? Встрѣтитъ-ли оно живой откликъ въ могучихъ пластахъ народной массы и превратится въ революціонное дѣйствіе или растворится въ морѣ народной темноты и равнодушія и утихнетъ... вплоть до новаго, быть можетъ, рѣшительнаго взрыва? Неизвѣстное будущее крѣпко хранитъ свою тайну, и буржуазная демократія съ тревогою и безпокойствомъ начинаетъ осматриваться кругомъ, подыскивая надежныхъ и сильныхъ союзниковъ.

Демонстрація въ Петербургѣ 28 *ноября*. Я только что вернулся домой съ демонстраціи. Передать вамъ все то, что я испытываю сейчасъ, то жгучее чувство боли и безсилія, бѣшенства и злобы — чувства, которыя въ данную минуту, навѣрное, общія всему мыслящему Петербургу — я не въ силахъ. Худшаго времени мы еще не переживали. Съ одной стороны, заигрываніе съ либералами, якобы свобода печати, возможность для интеллигенціи высказываться на собраніяхъ и требовать конституціи, — съ другой стороны, верхъ произвола, гнусная насмѣшка жандармеріи и охраны, какъ бы желающихъ показать интеллигенціи, что она зазналась, что пора ей на старое мѣсто. А къ этому еще наша, соціальдемократовъ, неподготовленность и растерянность, наши внутерніе... раздоры. Но не буду забѣгать впередъ. Перейду къ фактамъ. А они таковы.

Демонстрація была назначена на Невскомъ, между Казанской площадью и Полицейскимъ мостомъ. На самомъ же дѣлѣ, было намѣчено три пункта: дума, Казанскій соборъ и Полицейскій мостъ. А оттуда думали пройти на дворцовую площадь. Къ часу дня на Невскомъ собралось много гуляющей публики, большинство студенты. Рабочихъ было ничтожное число, чел. 50, не болѣе. Всѣ они гуляли разбросанными по большому пространству. Полиціи было, конечно, очень много; разгуливала рота пѣхоты, но, кромѣ того, въ думскомъ дворѣ и въ другихъ дворахъ были спрятаны конные жандармы и городовые, а также пѣшіе и цѣлые полки сыщиковъ и дворниковъ въ статскомъ, безъ бляхъ. Ровно въ 1 часъ дня изъ скопившейся передъ думой небольшой кучки (чел. 200-250) студентовъ было выкинуто красное знамя и раздались громовые крики „долой самодержавіе" и „долой войну", подхваченные окружающими. Это продолжалось не болѣе одной-двухъ минутъ, а затѣмъ началось нѣчто ужасное, еще невиданное мной, а я, слава богу, присутствовалъ не на одной и не на двухъ демонстраціяхъ! Изъ думскаго двора выскочилъ отрядъ конныхъ жандармовъ съ саблями на голо, съ офицеромъ во главѣ и, окруживъ демонстрантовъ, началъ безпощадно ихъ рубить. Били острыми клинками по головѣ, били всѣхъ, кто попался, женщинъ и мужчинъ одинаково. Я въ это время подбѣжалъ съ противоположной стороны. Избитые, окровавленные демонстранты разбѣжались. Осталось 2-3 студента у магазина мельхіора Каца. И съ ними сражались жандармы. Одному изъ студентовъ была нанесена рана по головѣ въ 12-15 вершковъ; онъ тутъ свалился, на него накинулись сыщики толпой и поволокли его въ одинъ дворъ на Михайловской, откуда только что вывели не менѣе двухъ сотъ пѣшихъ городовыхъ. Башибузуки разбѣжались въ погонѣ за „бунтовщиками", все время нанося сабельные удары. Нагаекъ не было ни одной (я не видалъ). Вотъ на улицѣ жандармъ настигаетъ курсистку, сабля блеститъ, ударъ по головѣ — и она лежитъ на землѣ, залитая кровью. Публика бѣжитъ въ паническомъ ужасѣ. А бойня продолжается. Тамъ, въ углу, студенты дерутся съ пѣшими городовыми и шпіонами, какъ саранча, выскочившими откуда то и нападавшими съ палками въ рукахъ. И вдругъ я слышу крикъ: „держи, лови!" — и десятки шпіоновъ и городовыхъ бѣгутъ за какой то чуйкой, удиравшимъ къ католической церкви. Его настигли, повалили, били чѣмъ попало и поволокли. Въ это время за мной поскакали. Я побѣжалъ прямо на паперть католической церкви. А тамъ скопилась толпа. Сзади же выглядывала свора шпиковъ. Я поспѣшилъ убраться. Черезъ минуту туда наскочили жандармы, и началось избіеніе. Когда я, еле переводя духъ, очутился у часовни гостиннаго двора, снова крикъ: „держи"! — 20 человѣкъ гнались за кѣмъ то; подскакало четверо конныхъ, въ одно мгновеніе онъ былъ затоптанъ и избитъ. Въ видѣ безформенной массы его буквально поволокли во дворъ на Михайловскую. А жандармскій офицеръ сидѣлъ на конѣ и смотрѣлъ. Черезъ минуту, вижу, нѣсколько городовыхъ бьютъ студента и окровавленнаго волокутъ. А конные жандармы то тамъ, то тутъ, продолжаютъ наносить сабельные удары. Демонстраціи собственно и не было, была одна бойня.

лась эта безурядица, влекущая партію ко дну. Брошюра является полнымъ негодованія протестомъ противъ этого положенія рабочихъ въ партіи, водрузившей знамя классовыхъ интересовъ пролетаріата и дѣйствующей отъ его имени. Товарищи-рабочіе чувствуютъ и сознаютъ себя неполноправными гражданами своей собственной партіи, а авторъ брошюры требуетъ уравненія ихъ въ правахъ съ „интеллигентами". „Правильнымъ рѣшеніемъ" вопроса объ устраненіи „антагонизма между рабочими и интеллигентами, заявляетъ онъ, мы сразу освободимъ нашу партію отъ тѣхъ язвъ, кризисовъ и шатаній, которыми такъ изобилуетъ ея краткая жизнь" и „тѣмъ самымъ будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы".

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ — вотъ что можно сказать по поводу сведенія всѣхъ стоящихъ передъ партіей задачъ къ вопросу объ „антагонизмѣ между рабочими и интеллигентами", стоящими въ ея рядахъ. Какъ, однако, ни важенъ этотъ вопросъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не только не охватываетъ главныхъ, или, точнѣе, главной очередной нашей задачи, но, наоборотъ, самъ входитъ въ нее, какъ составная часть, и внѣ ея, самостоятельно, въ соціальдемократическомъ смыслѣ, радикально не можетъ быть и разрѣшенъ. Въ высшей степени прогрессивное и отрадное стремленіе нашихъ передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ обезпечить себѣ полную возможность активнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ своей партіи принимаетъ въ брошюрѣ форму односторонняго протеста противъ какъ бы сознательнаго намѣренія „интеллигентовъ" соціальдемократовъ во что бы то ни стало закрѣпить за собою свое привелегированное положеніе въ партіи и всякими средствами удерживать пролетаріевъ въ роли подчиненныхъ и послушныхъ имъ „помощниковъ".

Сосредоточивая все свое вниманіе на конкретномъ, особенно больно бьющемъ въ глаза проявленіи зла, а не на корнѣ или источникѣ его, нашъ авторъ, да и не онъ одинъ, а, навѣрное, многіе товарищи, склоненъ перенести вопросъ объ его устраненіи цѣликомъ въ область формально-организаціонныхъ отношеній. Стоитъ только измѣнить составъ нашихъ „руководящихъ организацій такимъ образомъ, чтобы численно преобладали въ нихъ рабочіе — и все пойдетъ отлично въ партіи, „тѣмъ мы сразу освободимъ" ее отъ всѣхъ „язвъ, кризисовъ и шатаній", и даже „будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы" — таковъ практическій выводъ, диктуемый одностороннимъ отношеніемъ автора къ вопросу объ относительной роли рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Онъ какъ будто не замѣчаетъ, что общую принципіальную задачу „реформированія нашей практики" онъ замѣнилъ частной задачей „уравненія въ правахъ" соціальдемократовъ-рабочихъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, задачей, которая можетъ быть радикально рѣшена именно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія этой практики въ соціальдемократическомъ направленіи, а отнюдь не самостоятельно, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое отъ этого процесса.

Къ чему должна была бы привести на практикѣ, въ чемъ должна была бы выразиться тенденція сводить всѣ наши очередныя задачи къ измѣненію состава нашихъ „партійныхъ организацій" и самый вопросъ о поднятіи иниціативы и самодѣятельности рабочихъ внутри партіи формулировать и рѣшать, какъ вопросъ о доставленіи послѣднимъ численнаго преобладанія въ этихъ организаціяхъ надъ „интеллигентами"?.. Во первыхъ, воскресъ бы къ новой жизни блаженной памяти „демократизмъ", несовмѣстимый съ условіями существованія революціонныхъ организацій при абсолютизмѣ[1], и потому на практикѣ всегда вырождающійся въ противоположность, служа при этомъ ширмой для честолюбивыхъ интригановъ и открывая даже доступъ въ организацію ловкимъ провокаторамъ. Во-вторыхъ, разгорѣлась бы борьба сторонниковъ мнимаго „демократизма" въ партійной организаціи съ его противниками. И въ еще гораздо большей степени, чѣмъ лозунгъ „чисто рабочее движеніе" эпохи „экономизма", кличъ: „да здравствуютъ истинные пролетаріи, долой интеллигентовъ!" сталъ бы для всевозможныхъ демагоговъ средствомъ развращенія рабочихъ и дезорганизаціи партіи. Читатели, помнящіе еще подвиги полицейскихъ демагоговъ зубатовской школы, легко представятъ себѣ, въ какомъ смыслѣ могли бы использовать партійныя междуусобія на указанной почвѣ представители реакціи. Но еще болѣе опаснымъ для партіи орудіемъ междуусобія эти являлись бы въ рукахъ разныхъ честолюбцевъ, преслѣдующихъ личныя цѣли и тѣхъ ея демократическихъ противниковъ, которые, въ силу спутанности своихъ понятій объ историческихъ условіяхъ и процессѣ подготовленія соціальной революціи, возлагаютъ всѣ свои надежды на стихійныя возстанія самыхъ отсталыхъ, наиболѣе безсознательныхъ и прямо одичалыхъ элементовъ народныхъ массъ. Словомъ, къ старымъ „язвамъ, кризисамъ и шатаніямъ" нашей партіи присоединились бы новые, еще гораздо болѣе глубокія, зловредныя и прямо разрушительныя для нея[2].

На самомъ авторѣ брошюры одностороннее увлеченіе мыслью объ измѣненіи, такъ сказать, „правового" положенія рабочихъ „въ нашихъ организаціяхъ" вредно отразилось, между прочимъ, тѣмъ, что онъ проглядѣлъ въ Искрѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ редакціей П. О., все то, что тамъ говорится о путяхъ и средствахъ для „самопреобразованія" Россійской соціальдемократіи въ чисто пролетарскую партію. И подъ вліяніемъ того же настроенія, которое породило это увлеченіе, онъ дѣлаетъ по адресу редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ центральнаго органа упрекъ въ томъ, что она будто бы обращаются „*исключительно* (курсивъ мой, П. А.) къ интеллигенціи". „Не ограничивайтесь - обращается онъ къ намъ - воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ[1]) о реформированіи нашей практики; но, — наряду съ ними, взывайте также и къ пролетаріямъ". Но развѣ „Искра" — органъ специально для интеллигенціи, хотя бы и соціальдемократической? И развѣ брошюры, выходящія изъ партійной типографіи, предназначаются для однихъ только „интеллигентовъ"? Вѣдь „Искра" — органъ всей партіи, т. е. всей той совокупности лицъ, которая признаетъ нашу программу и работаетъ на пользу пролетаріата подъ руководствомъ партійныхъ организацій. Въ вопросахъ нашей внутрипартійной жизни верховными судьями являются одни лишь члены партіи, и никто другой, а потому трактуя объ ея внутреннихъ отношеніяхъ, дѣлахъ, потребностяхъ и задачахъ („реформированія практики", „Искра" прежде всего и главнымъ образомъ обращается къ товарищамъ, не дѣлая различія, между „интеллигентами" и рабочими. Лица, стоящія внѣ лагеря соціальдемократіи, не признающія ея принциповъ и практическихъ задачъ, не могутъ претендовать на рѣшающій голосъ въ ея внутреннихъ дѣлахъ, хотя бы они были и рабочіе. И наоборотъ, товарищи, отдавшіе всѣ свои силы дѣлу классового воспитанія и политическаго объединенія пролетаріата, хотя бы они были „интеллигентами", являются такими же полноправными судьями въ этихъ дѣлахъ, какъ и товарищи — рабочіе. Поэтому, вскрывая и критикуя ошибки и недостатки Россійской соціальдемократіи, обсуждая и намѣчая пути и средства къ ихъ устраненію, указывая новыя задачи, выдвигающіяся передъ ней — ея собственнымъ развитіемъ и ходомъ общественной жизни — Искра, какъ центральный органъ партіи, никоимъ образомъ не можетъ „ограничиваться воззваніями" къ одной только интеллигенціи, или къ однимъ лишь рабочимъ, а, наоборотъ, должна взывать ко *всѣмъ* нашимъ „практикамъ", къ какому бы классу *они*, по своей профессіи или общественному положенію, ни принадлежали. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ группа „Освобожденіе Труда", положившая начало соціальдемократическому движенію въ Россіи, неоднократно обращалась специально къ „*рабочей* интеллигенціи". Но въ то время у насъ еще не было соціальдемократической партіи. Мало того, радикальная интеллигенція, въ цѣломъ, враждебно относилась тогда къ самой мысли о дѣятельности въ пользу самостоятельнаго рабочаго движенія въ современной Россіи и революціонная партія была цѣликомъ партіей интеллигентской, совершенно оторванной отъ пролетаріата, даже въ принципѣ отрицавшей законность стремленія къ превращенію ея въ политическую организацію рабочаго класса. Наконецъ, большинство даже наиболѣе передовыхъ рабочихъ, по своему политическому развитію, сильно отставало отъ соціалистической интеллигенціи, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ въ настоящее время массы пролетаріевъ, читающихъ одни только нелегальные листки и популярныя брошюры, отстаютъ отъ вполнѣ сознательныхъ соціальдемократовъ-рабочихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось съ того времени, когда группа „Освобожденіе Труда" вывъ Херсонскую и др. губерніи), „Великий хліборобскій страйкъ въ Галичині“ (Большая крестьянская стачка въ Галиціи). Кромѣ того, послѣ соединенія У. Р. П. съ У. П. С. — соціалистическими членами партіи были распространены изданія У. С. П.: „Нарисъ программи У. С. П.“ (Наброски программы У. С. П.), „До программи У. С. П.“ (Къ программѣ У. С. П.) Марксъ и Энгельсъ — „Манифестъ коммуністической партіи“, „Робітницька справа“ (Рабочее дѣло), „Бунтъ въ селі Вишнівці“ (Бунтъ въ селѣ Вишневкѣ), №№ 1—3 журнала „Добра Новина“ (Пріятная новость). Партія также пріобрѣла изданіе украинскихъ соціальдемократовъ: „Німецка революція 1848 року (переводъ съ русск.). Дикштейна: „Хто съ чего живъ“ (Кто чѣмъ живетъ). Кромѣ того, переводились сочиненія укр. радикала Драгоманова и другія, запрещенныя въ Россіи на украинскомъ языкѣ, сочиненія. Соединившись съ У. С. П. (1903 г.), У. Р. П. стала продолжать изданіе „Доброй новини“, которую изъ еле начавшаго свое существованіе журнальчика превратила въ практическій органъ для фабр. и зав. пролетаріата. Но скоро въ У. Р. П. и У. С. П. произошелъ расколъ, о причинахъ котораго будетъ дальше сказано, и „Добра новина“ прекратила свое существованіе. Вмѣсто нея, съ 1904 г. З. К. сталъ издавать „Працю“ (Работу) съ такою же цѣлью и назначеніемъ, какъ и „Добру новину“, журналъ, какъ и „Селянинъ“, съ соц.-дем. направленіемъ. Съ начала своего существованія партія состояла изъ 6 „Вільныхъ громадъ“ (Вольныхъ комитетовъ)—Кіевской, на Полтавщинѣ, Полтавской (городъ), Харьковской, Черниговской и Черноморской; потомъ присоединился „Закордонний комітетъ“ и былъ партійнымъ съѣздомъ выбранъ „Центральный комітетъ“, наконецъ, въ 1904 г. присоединился „Донской комітетъ“. Такимъ образомъ, У. Р. П. оффиціально состоитъ изъ 6 „Вільныхъ громадъ“ и 3 комитетовъ, хотя можно въ скоромъ времени ожидать еще появленія „Вільныхъ громадъ“, какъ Одесской, Екатеринославской, Волынской и Подольской.... Въ то время, какъ другія „Вільні громады“ продолжали издавать прокламаціи, распространять литературу и укореняться въ селѣ—„Київска Вільна громада“ взяла на себя иниціативу проведенія въ партіи соц.-дем. идей. Въ № 4 „Гасла“ за 1904 г. К. В. Г. помѣщаетъ проектъ программы, близкій къ программѣ „Искры“, и „Зари“, но проектъ этотъ былъ встрѣченъ бурнымъ негодованіемъ всѣхъ украинскихъ комитетовъ. Въ публикѣ чувствовался духъ націонализма и, отчасти, соц.-революціонизма. Проэктъ былъ близокъ къ программѣ россійской соц.-дем. партіи и затрагивалъ честь „украинскаго революціонера.“ Но Рубиконъ былъ перейденъ и спокойствіе въ партіи нарушено. Кіевъ сталъ разлагающимъ элементомъ партіи... И не удивительно. Въ то время, какъ всѣ остальныя В. Г., въ сторонѣ отъ культурныхъ центровъ и предубѣжденныя противъ русской книжки, занимались кустарничествомъ, „Кіевска Вільна Громада“ имѣла возможность столкнуться со всѣми революціонными теченіями Россіи, а, кромѣ того, познакомиться на дѣлѣ съ рабочимъ движеніемъ. Члены К. В. Г. начинаютъ вести пропаганду среди кіевскаго пролетаріата и организовывать кружки; впослѣдствіи за Кіевомъ пошелъ Харьковъ, а потомъ и остальныя В. Г. Сначала изъ рабочихъ подготовляли агитаторовъ и пропагандистовъ для селъ. Имѣя въ рядахъ своихъ элементы, способные къ воспріятію идей научнаго соціализма, Р. У. П. должна была въ своемъ ростѣ натолкнуться на альтернативу — или, не сбрасывая съ себя надѣтой мантіи, сойти на дорогу соціалистовъ-революціонеровъ, или же рости дальше до соціальдемократизма. На пути молодой партіи были если не пропасти, такъ засады. Соціалисты-революціонеры, въ своихъ поискахъ за союзниками противъ россійской соціальдемократіи, обратили съ вожделѣніемъ свои очи и на У. Р. П.; даже для приманки націоналистовъ, издали на украинскомъ языкѣ книжечку (конецъ 1903г.) „Сказка про злого царя, та якъ винъ людямъ порядку давъ“, но очень поздно спохватились кокетничать — У. Р. П. уже не могла отречься отъ соціальдемократизма. Вступала въ союзъ съ У. Р. П. Укр. соціалистическая партія — фотографическій снимокъ съ П. П. С., ея миніатюра, но не надолго. Въ послѣднее время за У. Р. П. сталъ ухаживать Бундъ. Будучи боленъ маніей преслѣдованія и ограждаясь отъ самого себя плетнями федераціи, онъ сталъ заражать и У. Р. П. своей „подозрительно самооправдывающейся литературой“. Благодаря русскимъ условіямъ, отъ Кіева руководство партіи перешло къ З. К. Въ это время, т. е. 1903—4 г., партія вездѣ уже столкнулась съ фабрично-заводскими рабочими, разобралась, что быть партіей, значитъ быть представителемъ *только одного класса*; разобраться въ этомъ ей много помогъ Загр. Ком., заявивъ въ своихъ изданіяхъ, что У. Р. П. есть партія трудящихся массъ, какъ за плугомъ, такъ и за станкомъ. Съ 1903 г. почувствовалась потребность въ измѣненіи названія партіи. Названіе „революціонная“ очень растяжимо и подъ такое знамя часто собираются всевозможные элементы, діаметрально противоположные другъ другу. Стали поговаривать о съѣздѣ, о необходимыхъ реформахъ, объ очисткѣ Партіи. Такъ въ добрыхъ пожеланіяхъ съѣзда протянулось больше года. За это время партія, можно сказать, стала неузнаваема; слово соц.-дем., раньше презираемое, теперь стало предметомъ гордости для каждаго члена У. Р. П. Въ своихъ изданіяхъ 1904 г., въ особенности въ отчетѣ о дѣятельности Партіи для Амстердамскаго конгресса (на нѣмецк. яз.), У. Р. П. оффиціально заявляетъ свое соціальдемократическое направленіе. Но назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! сталъ соц.-дем., такъ будь ортодоксаленъ. Мы живемъ не въ „Самостійні Україні“, а въ Россіи и составляемъ часть этого колоссальнаго государства. А большое въ территоріальномъ отношеніи государство для пролетарской борьбы и объединенія куда удобнѣе разбитой на клѣточки дореформенной Германіи и стремиться къ разложенію такого государства, значитъ—стремиться къ ослабленію классовой борьбы пролетаріата данной мѣстности. Поэтому, если У. Р. П. не націоналистическая партія, если слова „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ для нея не пустой звукъ, то она должна всѣми силами стремиться къ соединенію съ Р. С. Д. Р. П. Необходимость соединенія съ Р. С. Д. Р. П. чувствуется и сознается всѣми (не говорю о незначительной частицѣ ярыхъ шовинистовъ) членами У. Р. П., но въ то время какъ одна часть У. Р. П., назову ее „Искровцы“, стремится прежде всего объединить движеніе всей Россіи, другая, благодаря, конечно, своей отсталости, свой кругозоръ ограничиваетъ рамками своей національности. Эта-то часть, какъ я раньше упомянулъ, и восприняла бациллы бундизма, т. е. хотя и признаетъ союзъ съ русской соц.-дем. желательнымъ, но заключать этотъ союзъ она хочетъ на бундовскій ладъ: „безъ федераціи не соединимся“, заявляетъ она. Здѣсь, въ этихъ словахъ, кроется, товарищи-украинцы, глубочайшій оппортунизмъ, если не больше. Если вы не вѣрите въ силу тѣхъ экономическихъ условій, которыя связываютъ братствомъ пролетаріатъ всего міра, если вы боитесть соединиться съ такой же соц.-демократіей, какъ и вы, на началахъ автономіи, то значитъ, вы не думаете о пролетаріатѣ, потому что рабочему классу она не нужна, наоборотъ — для него она пагубна!

---

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь въ томъ предположеніи, что самодержавіе продолжаетъ еще существовать, и соціальдемократическая партія продолжаетъ дѣйствовать, какъ нелегальная организація. При измѣненіи этихъ условій, и самый вопросъ, выдвинутый авторомъ, потеряетъ свое значеніе.

[2] Напомнимъ, кстати, что англійскіе профессіональные рабочіе союзы — организаціи „чисто" пролетарскія, по составу не только массы своихъ членовъ, но и стоящихъ во главѣ ихъ учрежденій. И онѣ до сихъ поръ еще очень чужды ученіямъ соціальдемократіи и, наоборотъ, находятся часто подъ самымъ сильнымъ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ „интеллигенціи", но только не идейно-соціальдемократической, а самой что ни на есть буржуазной. Формально-организаціонная самостоятельность рабочихъ, на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, прекрасно уживается съ подчиненіемъ ихъ политической и умственной опекѣ буржуазныхъ „интеллигентовъ".

[1]) Т. е. къ „интеллигентамъ".

Украинецъ-искровецъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Противъ „весны“ Въ Екатеринославѣ распространена такая прокламація; „Русскіе люди! Смертное время настало на Руси: подкупленные жидами министръ внутреннихъ дѣлъ съ его гнусными помощниками думаютъ обратить могущественную монархическую Русь въ республику. О Боже! Неужели это совершится? Неужели мы русскіе люди, преданные Государю, не уничтожимъ проклятыхъ соціалистовъ, жидовъ? Да, уничтожимъ смертью жидовъ! Бейте жидовъ!“

Не поищетъ-ли кн. Святополкъ авторовъ этого воззванія въ своемъ вѣдомствѣ?

С.-Петербургъ. 27 ноября. Всѣ почти факты проявленія освободительнаго движенія извѣстны вамъ, въ главныхъ чертахъ, изъ легальныхъ газетъ, которыя теперь пишутъ незнакомымъ нашему поколѣнію стилемъ. Поэтому, я ограничусь краткимъ сообщеніемъ о „настроеніи“ радикальныхъ элементовъ петербургской демократіи, настроеніи, представляющемъ много поучительнаго и наводящемъ на серьезныя размышленія. Вообще говоря, настроеніе очень бодрое, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ крылѣ либерально-демократическаго блока. Земцы покинули столицу съ самыми благими и энергичными намѣреніями. Справедливость требуетъ замѣтить, что той выдержки, мужества, какія они проявили, никто отъ нихъ не ожидалъ. „Свое“ дѣло они сдѣлали. Большаго, по *своей природѣ и происхожденію*, они сдѣлать не могутъ. Ближайшимъ ихъ шагомъ теперь будетъ привлеченіе губернскихъ земскихъ собраній къ оффиціальному вотированію резолюцій земскаго съѣзда. Послѣ земцевъ выступила наша разночинная интеллигенція и сказала свое слово на различныхъ банкетахъ. Энергія крѣпнетъ, жажда освобожденія усиливается. Но... вылиться имъ не въ чемъ. Говорить — уже пропадаетъ охота, такъ какъ все сказано. Дальше нужно дѣло, а дѣло-то пока не налаживается. Между тѣмъ, ясно, что періодъ словесности окончился. Разбужены самые косные, до сихъ поръ всегда остававшіеся въ сторонѣ, элементы общества; обнаруживаютъ интересъ и входятъ въ общіе ряды такіе люди, которыхъ считали живыми мертвецами. Къ дѣлу, къ дѣлу! — вотъ мучительная мысль, терзающая всѣ умы и сердца. Всѣ сознаютъ, всѣ чувствуютъ необходимость перейти къ дѣлу, но — какъ подстрѣленная птица подняться хочетъ и не можетъ, такъ и радикальная демократія безсильно застрѣваетъ въ словесной оппозиціи. Вѣроятно, это настроеніе выльется въ рядѣ демонстрацій. А затѣмъ? Встрѣтитъ-ли оно живой откликъ въ могучихъ пластахъ народной массы и превратится въ революціонное дѣйствіе или растворится въ морѣ народной темноты и равнодушія и утихнетъ. . вплоть до новаго, быть можетъ, рѣшительнаго взрыва? Неизвѣстное будущее крѣпко хранитъ свою тайну, и буржуазная демократія съ тревогою и безпокойствомъ начинаетъ осматриваться кругомъ, подыскивая надежныхъ и сильныхъ союзниковъ.

Демонстрація въ Петербургѣ 28 ноября. Я только что вернулся домой съ демонстраціи. Передать вамъ все то, что я испытываю сейчасъ, то жгучее чувство боли и безсилія, бѣшенства и злобы — чувства, которыя въ данную минуту, навѣрное, общи всему мыслящему Петербургу — я не въ силахъ. Худшаго времени мы еще не переживали. Съ одной стороны, заигрываніе съ либералами, якобы свобода печати, возможность для интеллигенціи высказываться на собраніяхъ и требовать конституціи, — съ другой стороны, верхъ произвола, гнусная насмѣшка жандармеріи и охраны, какъ бы желающихъ показать интеллигенціи, что она зазналась, что пора ей на старое мѣсто. А къ этому еще наша, соціальдемократовъ, неподготовленность и растерянность, наши внутренніе... раздоры. Но не буду забѣгать впередъ. Перейду къ фактамъ. А они таковы.

Демонстрація была назначена на Невскомъ, между Казанской площадью и Полицейскимъ мостомъ. На самомъ же дѣлѣ, было намѣчено три пункта: дума, Казанскій соборъ и Полицейскій мостъ. А оттуда думали пройти на дворцовую площадь. Къ часу дня на Невскомъ собралось много гуляющей публики, большинство студенты. Рабочихъ было ничтожное число, чел. 50, не болѣе. Всѣ они гуляли разбросанными по большому пространству. Полиціи было, конечно, очень много; разгуливала рота пѣхоты, но, кромѣ того, въ думскомъ дворѣ и въ другихъ дворахъ были спрятаны конные жандармы и городовые, а также пѣшіе и цѣлые полки сыщиковъ и дворниковъ въ статскомъ, безъ бляхъ. Ровно въ 1 часъ дня изъ скопившейся передъ думой небольшой кучки (чел. 200-250) студентовъ было выкинуто красное знамя и раздались громовые крики „долой самодержавіе“ и „долой войну“, подхваченные окружающими. Это продолжалось не болѣе одной-двухъ минутъ, а затѣмъ началось нѣчто ужасное, еще невиданное мной, а я, слава богу, присутствовалъ не на одной и не на двухъ демонстраціяхъ! Изъ думскаго двора выскочилъ отрядъ конныхъ жандармовъ съ саблями на голо, съ офицеромъ во главѣ и, окруживъ демонстрантовъ, началъ безпощадно ихъ рубить. Били острыми клинками по головѣ, били всѣхъ, кто попался, женщинъ и мужчинъ одинаково. Я въ это время подбѣжалъ съ противоположной стороны. Избитые, окровавленные демонстранты разбѣжались. Осталось 2-3 студента у магазина мельхіора Каца. И съ ними сражались жандармы. Одному изъ студентовъ была нанесена рана по головѣ въ 12-15 вершковъ; онъ тутъ свалился, на него накинулись сыщики толпой и поволокли его въ одинъ дворъ на Михайловской, откуда только что вывели не менѣе двухъ сотъ пѣшихъ городовыхъ. Башибузуки разбѣжались въ погонѣ за „бунтовщиками“, все время нанося сабельные удары. Нагаекъ не было ни одной (я не видалъ). Вотъ на улицѣ жандармъ настигаетъ курсистку, сабля блеститъ, ударъ по головѣ — и она лежитъ на землѣ, залитая кровью. Публика бѣжитъ въ паническомъ ужасѣ. А бойня продолжается. Тамъ, въ углу, студенты дерутся съ пѣшими городовыми и шпіонами, какъ саранча, выскочившими откуда то и нападавшими съ палками въ рукахъ. И вдругъ я слышу крикъ: „держи, лови!“ — и десятки шпіоновъ и городовыхъ бѣгутъ за какой то чуйкой, удиравшимъ къ католической церкви. Его настигли, повалили, били чѣмъ попало и поволокли. Въ это время за мной поскакали. Я побѣжалъ прямо на паперть католической церкви. А тамъ скопилась толпа. Сзади же выглядывала свора шпиковъ. Я поспѣшилъ убраться. Черезъ минуту туда наскочили жандармы, и началось избіеніе. Когда я, еле переводя духъ, очутился у часовни гостиннаго двора, снова крикъ: „держи“! — 20 человѣкъ гнались за кѣмъ то; подскакало четверо конныхъ, въ одно мгновеніе онъ былъ затоптанъ и избитъ. Въ видѣ безформенной массы его буквально поволокли во дворъ на Михайловскую. А жандармскій офицеръ сидѣлъ на конѣ и смотрѣлъ. Черезъ минуту, вижу, нѣсколько городовыхъ бьютъ студента и окровавленнаго волокутъ. А конные жандармы то тамъ, то тутъ, продолжаютъ наносить сабельные удары. Демонстраціи собственно и не было, была одна бойня.

лась эта безурядица, влекущая партію ко дну. Брошюра является полнымъ негодованія протестомъ противъ этого положенія рабочихъ въ партіи, водрузившей *знамя* классовыхъ интересовъ пролетаріата и дѣйствующей отъ его имени. Товарищи-рабочіе чувствуютъ и сознаютъ себя неполноправными гражданами своей собственной партіи, а авторъ брошюры требуетъ уравненія ихъ въ правахъ съ „интеллигентами“. „Правильнымъ рѣшеніемъ“ вопроса объ устраненіи „антагонизма между рабочими и интеллигентами, заявляетъ онъ, мы сразу освободимъ нашу партію отъ тѣхъ язвъ, кризисовъ и шатаній, которыми такъ изобилуетъ ея краткая жизнь“ и „тѣмъ самымъ будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы“.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ — вотъ что можно сказать по поводу сведенія всѣхъ стоящихъ передъ партіей задачъ къ вопросу объ „антагонизмѣ между рабочими и интеллигентами“, стоящими въ ея рядахъ. Какъ, однако, ни важенъ этотъ вопросъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не только не охватываетъ главныхъ, или точнѣе, главной очередной нашей задачи, но, наоборотъ, самъ входитъ въ нее, какъ составная часть, и внѣ ея, самостоятельно, въ соціальдемократическомъ смыслѣ, радикально не можетъ быть и разрѣшенъ. Въ высшей степени прогрессивное и отрадное стремленіе нашихъ передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ обезпечить себѣ полную возможность активнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ своей партіи принимаетъ въ брошюрѣ форму односторонняго протеста противъ какъ бы сознательнаго намѣренія „интеллигентовъ“ соціальдемократовъ во что бы то ни стало закрѣпить за собою свое привелегированное положеніе въ партіи и всякими средствами удерживать пролетаріевъ въ роли подчиненныхъ и послушныхъ имъ „помощниковъ“.

Сосредоточивая все свое вниманіе на конкретномъ, *особенно* больно бьющемъ въ глаза проявленіи зла, а не на корнѣ или источникѣ его, нашъ авторъ, да и не онъ одинъ, а, навѣрное, многіе товарищи, склоненъ перенести вопросъ объ его устраненіи цѣликомъ въ область формально-организаціонныхъ отношеній. Стоитъ только измѣнить составъ нашихъ руководящихъ организацій такимъ образомъ, чтобы численно преобладали въ нихъ рабочіе — и все пойдетъ отлично въ партіи: „тѣмъ мы сразу освободимъ“ ее отъ всѣхъ „язвъ, кризисовъ и шатаній“, и даже „будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы“ — таковъ практическій выводъ, диктуемый одностороннимъ отношеніемъ автора къ вопросу объ относительной роли рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Онъ какъ будто не замѣчаетъ, что общую принципіальную задачу „реформированія нашей практики“ онъ подмѣнилъ частной задачей „уравненія въ правахъ“ соціальдемократовъ-рабочихъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, задачей, которая можетъ быть радикально рѣшена именно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія этой практики въ соціальдемократическомъ направленіи, а отнюдь не самостоятельно, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое отъ этого процесса.

Къ чему должна была бы привести на практикѣ, въ чемъ должна была бы выразиться тенденція сводить всѣ наши очередныя задачи къ измѣненію состава нашихъ „партійныхъ организацій“ и самый вопросъ о поднятіи иниціативы и самодѣятельности рабочихъ внутри партіи формулировать и рѣшать, какъ вопросъ о доставленіи послѣднимъ численнаго преобладанія въ этихъ организаціяхъ надъ „интеллигентами“?.. Во первыхъ, воскресъ бы къ новой жизни блаженной памяти „демократизмъ“, несовмѣстимый съ условіями существованія революціонныхъ организацій при абсолютизмѣ[1] и потому на практикѣ всегда вырождающійся въ противоположность, служа при этомъ ширмой для честолюбивыхъ интригановъ и открывая даже доступъ въ организацію ловкимъ провокаторамъ. Во-вторыхъ, разгорѣлась бы борьба сторонниковъ мнимаго „демократизма“ въ партійной организаціи съ его противниками. И въ еще гораздо большей степени, чѣмъ лозунгъ „чисто рабочее движеніе“ эпохи „экономизма“, кличъ: „да здравствуютъ истинные пролетаріи, долой интеллигентовъ!“ сталъ бы для всевозможныхъ демагоговъ средствомъ развращенія рабочихъ и дезорганизаціи партіи. Читатели, помнящіе еще подвиги *полицейскихъ* демагоговъ зубатовской школы, легко представятъ себѣ, въ какомъ смыслѣ могли бы использовать партійныя междуусобія на указанной почвѣ представители реакціи. Но еще болѣе опаснымъ для партіи орудіемъ междуусобія эти являлись бы въ рукахъ разныхъ честолюбцевъ, преслѣдующихъ личныя цѣли и тѣхъ ея демократическихъ противниковъ, которые, въ силу спутанности своихъ понятій объ историческихъ условіяхъ и процессѣ подготовленія соціальной революціи, возлагаютъ всѣ свои надежды на стихійныя возстанія самыхъ отсталыхъ, наиболѣе безсознательныхъ и прямо одичалыхъ элементовъ народныхъ массъ. Словомъ, къ старымъ „язвамъ, кризисамъ и шатаніямъ“ нашей партіи присоединились бы новые, еще гораздо болѣе глубокія, зловредныя и прямо разрушительныя для нея[2].

На самомъ авторѣ брошюры одностороннее увлеченіе мыслью объ измѣненіи, такъ сказать, „правового“ положенія рабочихъ „въ нашихъ организаціяхъ“ вредно отразилось, между прочимъ, тѣмъ, что онъ проглядѣлъ въ Искрѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ редакціей Ц. О., все то, что тамъ говорится о путяхъ и средствахъ для „самопреобразованія“ Россійской соціальдемократіи въ чисто пролетарскую партію. И подъ вліяніемъ того же настроенія, которое породило это увлеченіе, онъ дѣлаетъ по адресу редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ центральнаго органа упрекъ въ томъ, что они будто бы обращаются „*исключительно* (курсивъ мой, П. А.) къ интеллигенціи“. „Не ограничивайтесь - обращается онъ къ намъ - воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ[1] о реформированіи нашей практики; но, — наряду съ ними, взывайте также и къ пролетаріямъ“. Но развѣ „Искра“ — органъ спеціально для интеллигенціи, хотя бы и соціальдемократической? И развѣ брошюры, выходящія изъ партійной типографіи, предназначаются для однихъ только „интеллигентовъ“? Вѣдь „Искра“ — органъ всей партіи, т. е. всей той совокупности лицъ, которая признаетъ нашу программу и работаетъ на пользу пролетаріата подъ руководствомъ партійныхъ организацій. Въ вопросахъ нашей внутрипартійной жизни верховными судьями являются одни лишь члены партіи, и никто другой, а потому трактуя объ ея внутреннихъ отношеніяхъ, дѣлахъ, потребностяхъ и задачахъ („реформированіи практики“), „Искра“ прежде всего и главнымъ образомъ обращается къ товарищамъ, *не дѣлая различія, между* „интеллигентами“ и рабочими. Лица, стоящія внѣ лагеря соціальдемократіи, не признающія ея принциповъ и практическихъ задачъ, не могутъ претендовать на рѣшающій голосъ въ ея внутреннихъ дѣлахъ, хотя бы они были и рабочіе. И наоборотъ, товарищи, отдавшіе всѣ свои силы дѣлу классового воспитанія и политическаго объединенія пролетаріата, хотя бы они были „интеллигентами“, являются такими же полноправными судьями въ этихъ дѣлахъ, какъ и товарищи — рабочіе. Поэтому, вскрывая и критикуя ошибки и недостатки Россійской соціальдемократіи, обсуждая и намѣчая пути и средства къ ихъ устраненію, указывая новыя задачи, выдвигающіяся передъ ней — ея собственнымъ развитіемъ и ходомъ общественной жизни — Искра, какъ центральный органъ партіи, никоимъ образомъ не можетъ „ограничиваться воззваніями“ къ одной только интеллигенціи, или — къ однимъ лишь рабочимъ, а, наоборотъ, должна взывать ко *всѣмъ* нашимъ „практикамъ“, къ какому бы классу они, по своей профессіи или общественному положенію, ни принадлежали. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ группа „Освобожденіе Труда“, положившая начало соціальдемократическому движенію въ Россіи, неоднократно обращалась спеціально къ „*рабочей* интеллигенціи“. Но въ то время у насъ еще не было соціальдемократической партіи. Мало того, радикальная интеллигенція, въ цѣломъ, враждебно относилась тогда къ самой мысли о дѣятельности въ пользу самостоятельнаго рабочаго движенія въ современной Россіи и революціонная партія была цѣликомъ партіей интеллигентской, совершенно оторванной отъ пролетаріата, даже въ принципѣ отрицавшей законность стремленія къ превращенію ея въ политическую организацію рабочаго класса. Наконецъ, большинство даже наиболѣе передовыхъ рабочихъ, по своему политическому развитію, сильно отставало отъ соціалистической интеллигенціи, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ въ настоящее время масса пролетаріевъ, читающихъ одни только нелегальные листки и популярныя брошюрки, отстаютъ отъ вполнѣ сознательныхъ соціальдемократовъ-рабочихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось съ того времени, когда группа „Освобожденіе Труда“ вы-

---

[1] Рѣчь идетъ здѣсь въ томъ предположеніи, что самодержавіе продолжаетъ еще существовать, и соціальдемократическая партія продолжаетъ дѣйствовать, какъ нелегальная организація. При измѣненіи этихъ условій, и самый вопросъ, выдвинутый авторомъ, потеряетъ свое значеніе.

[2] Напомню, кстати, что англійскіе профессіональные рабочіе союзы — организаціи „чисто“ пролетарскія, по составу не только массы своихъ членовъ, но и стоящихъ во главѣ ихъ учрежденій. Но они до сихъ поръ еще очень чужды ученіямъ соціальдемократіи и, наоборотъ, находятся подъ самымъ сильнымъ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ „интеллигенціи“, но только не идейно соціальдемократической, а самой что ни на есть буржуазной. Формально-организаціонная самостоятельность рабочихъ, на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, прекрасно уживается съ подчиненіемъ ихъ политической и умственной опекѣ буржуазныхъ „интеллигентовъ“.

[1] Т. е. къ „интеллигентамъ“.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ сильно пострадавшихъ во время демонстраціи: „Когда небольшая группа демонстрантовъ запѣла марсельезу и направилась съ тротуара на улицу, изъ гостинаго двора выѣхали конные полицейскіе и, недоѣзжая до демонстрантовъ, обнажили шашки. Подъ напоромъ лошадей и взмахами сабель публика сбилась на тротуаръ. Двое или трое пытались палками отогнать лошадей, но присутствовавшіе въ толпѣ дворники, а также прибывшіе изъ засадъ дворники и пѣшіе городовые (изъ которыхъ нѣкоторые тоже обнажили шашки) быстро отняли эти палки и ими же начали избивать публику. На ту часть толпы, гдѣ я былъ, наступали съ улицы конные полицейскіе, съ тротуара дворники съ палками и городовой съ обнаженной шашкой. Женщинѣ, стоявшей передо мной, дворникъ со всего размаха разбилъ лицо. Крики и вопли неслись отовсюду. Меня схватилъ сзади дворникъ и сталъ наносить удары палкой по головѣ. Удары сыпались, какъ изъ рога изобилія. Я схватился руками за фуражку, чтобы послѣдняя не соскочила и служила хотя нѣкоторой защитой отъ ударовъ. Вскорѣ я увидѣлъ, что городовой обнаженной шашкой дѣлалъ движенія, какъ бы собираясь проколоть сосѣда студента. Послѣдній, бѣлый, какъ полотно, съ трясущимися губами, истерически кричалъ ему: „Ты не смѣешь колоть, ты не смѣешь колоть!“ — „Смѣю!“ кричалъ городовой и снова то замахивался шашкой, то наставлялъ ее, какъ бы для того, чтобы заколоть. Въ это время подвернулся ему я, и онъ ударилъ меня по головѣ шашкой плашмя. Отъ страшныхъ и многочисленныхъ (я думаю 20-30) ударовъ дворницкой палки я почти не почувствовалъ удара шашки (такъ какъ одеревенѣла голова); но вскорѣ я почувствовалъ, что пальцы рукъ, которыми я продолжалъ придерживать фуражку, липнутъ, и, отнявши руку отъ фуражки, увидѣлъ, что рука въ крови. Шею и ухо залила кровь. Гонимый ударами палокъ, кулаковъ и шашки съ одной стороны, я наткнулся на сверкающую обнаженную шашку околоточнаго съ другой стороны. Послѣдній размахивалъ ею и тѣмъ отнялъ у насъ возможность убѣгать отъ преслѣдователей. Пришлось пробиваться назадъ и „на бисъ“ попасть подъ кулаки тѣхъ же дворниковъ. Они били по лицу и, насколько я помню, при обратномъ моемъ движеніи палкой не били. (Это можно объяснить исключительно только тѣмъ, что дворники съ палками понадобились въ другомъ мѣстѣ). Я помню, что очень кричалъ и говорилъ бившимъ, что у меня разбита голова, но дѣлалъ это напрасно: они продолжали бить и крикъ, повидимому, только раздражалъ ихъ. Избитый, съ разорваннымъ пальто, я старался остановить носовымъ платкомъ кровь. Кто-то изъ студентовъ взялъ меня подъ руку и повелъ на портикъ церкви св. Екатерины, говоря, что тамъ дѣлаютъ перевязки. Тамъ, дѣйствительно, я увидѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ. Одна изъ курсистокъ стала присыпать іодоформомъ рану на затылкѣ и перевязывать. Я просилъ сдѣлать это возможно скорѣе, чтобы скрыться и не быть арестованнымъ. Меня успокаивали, что здѣсь вполнѣ безопасно. Но мои опасенія оказались болѣе основательными. Не успѣли мнѣ сдѣлать перевязку, какъ съ гикомъ налетѣли конные жандармы и пѣшіе городовые и дворники. И началась опять расправа: на этотъ разъ надъ ранеными, мирно стоящими людьми, среди коихъ были и дѣти. Въ узкій проходъ между колоннами ринулась въ паническомъ ужасѣ толпа. Но и здѣсь былъ примѣненъ тотъ же пріемъ: публика была окружена со всѣхъ сторонъ. На пути стоялъ конный жандармъ съ обнаженной шашкой, и здѣсь разыгралась сцена, которую я не могу забыть. Тѣхъ, кто хотѣлъ пробѣжать, онъ останавливалъ взмахомъ обнаженной шашки. Такъ, студента, остановивъ такимъ взмахомъ, онъ лѣвой рукой схватилъ за волосы и сталъ приподнимать, изрыгая ругательства и рычанье. Это происходило уже подъ рѣшетчатыми воротами, которыя были заперты, и ни на мольбы, ни на угрозы публики не открывались стоявшими во дворѣ церкви дворниками. Нѣсколько разъ приподнималъ жандармъ свою жертву, и когда меня дворники придвинули впередъ, жандармъ еще продолжалъ терзать несчастнаго за волосы. Наконецъ, я миновалъ конныхъ и думалъ, что могу перевести духъ. Но тутъ я снова попалъ въ руки дворниковъ, которые кулаками по лицу переталкивали меня другъ отъ друга. Но вотъ я на срединѣ Невскаго. И налѣво, и направо стоятъ конные городовые. Скрыться некуда. Въ это время меня усмотрѣлъ одинъ изъ чиновъ жандармеріи. „Взять его!“, и два городовые повели меня. Когда меня проводили мимо взвода городовыхъ, ихъ предводитель околоточный сталъ издѣваться надо мной, изрыгая самыя отборныя ругательства. Городовые посадили меня на извозчика. Я былъ крайне изумленъ, что они не били меня на извозчикѣ и не били въ участкѣ. Другіе были не такъ счастливы: ихъ били и въ участкѣ. Въ пріемномъ покоѣ мнѣ сдѣлали перевязку. Въ результатѣ у меня: на затылкѣ рана немного менѣе сантиметра, заплылъ и опухъ глазъ, ушибленъ суставъ на рукѣ. Теперь все подживаетъ, но, къ сожалѣнію, начались головныя боли, что является симптомомъ не изъ безопасныхъ. Въ тотъ же день избили мою жену. Въ участкѣ сняли допросъ, который былъ сплошнымъ издѣвательствомъ. Наприм., если потерпѣвшій заявлялъ, что его избили, то его вѣжливо спрашивали, не помнитъ ли онъ номера бляхи избившаго. Въ тотъ же участокъ принесли въ обморокѣ избитаго студента. Были еще два раненыхъ. Конечно, все мной описанное не исчерпываетъ и десятой доли мной пережитаго за какіе-нибудь 5—6 часовъ.

Другихъ загоняли во дворы и тамъ избивали. Одинъ или отъ удара или отъ нервнаго потрясенія сошелъ съ ума: дико гоготалъ и истерически всхлипывалъ. Были разсѣченныя раны. У одного студента вытекъ глазъ. Такого избіенія еще не видѣлъ Петербургъ.

Изъ письма курсистки: Какъ я уже вамъ писала, демонстрація была назначена на 28-ое. Потомъ вдругъ разнесся слухъ, что она отложена изъ-за принципіально организаціонныхъ разногласій, изъ-за настояній „меньшинства“. Но уже въ субботу утромъ я знала, что она все-таки состоится. И мы начали готовиться. Я шла съ чистымъ, легкимъ сердцемъ, вся — радостная. И не одна. Мы всѣ, всѣ мои знакомые шли на смерть, не думая вернуться къ своимъ пенатамъ, прощались, и всѣ сіяли. Ни одного омраченнаго лица, ни одного скорбнаго слова. Въ 12 мы уже были на Невскомъ. Меня предупреждали, что знамя будетъ выкинуто на углу Невскаго и Михайловской и, понятно, мы старались держаться этого мѣста. Съ послѣднимъ боемъ часовъ (въ 1 ч. дня) раздались крики: „сюда, товарищи“. Мы сплотились возлѣ знаменосцевъ (ихъ здѣсь было 2) и съ марсельезой двинулись по Невскому, откуда на насъ уже мчалась конница съ обнаженными шашками. Черезъ двѣ секунды одна часть демонстрантовъ была разсѣяна по Невскому, другую загнали въ какой-то магазинъ, гдѣ продержали часа полтора и выпустили, не переписавъ. — Теперь я уже могу хладнокровно говорить (но не думать) объ этомъ. Я могу забыть все, всѣ радости и печали моей жизни, но никогда не забуду этого, главное, этого ужаснаго момента, когда, вся изогнувшись, я лежала и видѣла занесенное надъ собой лошадиное копыто, видѣла раненныхъ и избитыхъ товарищей, слышала ихъ крики и стоны... Изъ нашихъ пострадала моя подруга, которую жестоко избили два городовыхъ, и она еще излечивается. А остальныя отдѣлались пустяками — кого за волосы потянули, кого по ногамъ, кого по зубамъ etc. Въ общей суммѣ, говорятъ, убито 4 человѣка, изъ нихъ 2 курсистки. Еще одна умерла отъ потрясенія. Не знаю, насколько это вѣрно, знаю, что я видѣла много серьезно раненыхъ, которыхъ кой-какъ перевязали. А вечеромъ мы устроили праздникъ Р. С.-Д. Р. П. Было это на балу у технологовъ, въ физической аудиторіи, гдѣ выступало много ораторовъ, была вынесена резолюція и съ криками „да здравствуетъ международная, да здравствуетъ Россійская соціальдемократія“ съ пѣньемъ марсельезы, съ поднятыми знаменами, мы двинулись въ концертный залъ, гдѣ другая часть публики, насладившись пѣніемъ и музыкой, собралась танцовать. Но мы не дали ей. Намъ на помощь подоспѣли студенты со сходки, которая происходила въ чертежной, и соединенными усиліями мы вытѣснили буржуазію изъ ея законныхъ владѣній. Митингъ продолжался. Снова говорили, пѣли, кричали. Бѣднымъ с.-рамъ, которые пытались сказать что-то свое, ничего не удалось сдѣлать. Предложенная ими демонстрація на 30 была отклонена“.

Изъ другого письма: „Демонстрація началась въ началѣ второго часа. Кучка демонстрантовъ, состоявшая отчасти изъ рабочихъ и въ большинствѣ изъ студентовъ, выкинула красный флагъ и запѣла Марсельезу. Послѣ перваго куплета крикнули: „долой самодержавіе“. Крики и пѣніе были поддержаны толпой, и масса бросилась навстрѣчу къ демонстрантамъ. Но въ это время отовсюду появились конные стражники, которые рубили шашками, преимущественно по головамъ. Когда налетѣли конные на толпу, я былъ оттѣсненъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами къ костелу Екатерины, куда привели нѣсколькихъ раненыхъ и устроили тамъ перевязочный пунктъ. Черезъ двѣ-три минуты стражники и жандармы напали на паперть костела, вскакивали съ лошадьми, давили, рубили. Во дворахъ домовъ, которые всѣ были заперты, такъ что спастись было некуда, стояли дворники. Они били и толкали подъ лошадей и на шашки. Подобное творилось на протяженіи отъ Полицейскаго моста до Литейнаго проспекта. Женщины истерички рыдали. У меня предъ глазами стоитъ курсистка съ покраснѣвшимъ въ слезахъ лицомъ, повторявшая одно — „всѣ боятся, всѣ боятся“. Другая, совсѣмъ еще юная, истерически плакала и бросалась навстрѣчу всадникамъ. Ее насильно удалось унести. За все время демонстраціи съ четверти второго и до четырехъ часовъ дня было выкинуто 10 флаговъ. Марсельезы больше не было слышно; когда выкидывали флаги, кричали одно: долой самодержавіе. И тамъ и сямъ слышалась команда: „рубибей“ и снова люди бѣжали въ паническомъ ужасѣ, падали подъ лошадей. Дворники, окруживъ толпой человѣкъ въ семь, били *одною* студента. Сегодня на огромной сходкѣ въ университетѣ (2000 человѣкъ) по этому поводу были разсказаны потрясающіе факты изъ того, что дѣлалось въ участкахъ. Доставлялись раненые съ порублеными руками, сломанными ногами, вытекшими глазами, отбитыми легкими, задыхавшіеся. По доставленіи въ участокъ, снова били тѣхъ, кто казался недостаточно избитымъ. Бываютъ дни, когда переживаешь за цѣлые годы, — это былъ такой день. Сегодня по городу носятся упорные *слухи*, что убито 35 человѣкъ. Я не хочу и не могу писать по поводу всего этого — слишкомъ это больно. Это не случайность — Святополкъ окончательно доказалъ, что преемникъ Плеве не можетъ дѣйствовать иначе. Сегодня, когда огромная толпа, всѣ эти 2000 человѣкъ вышли изъ университета и запѣли вѣчную память убитымъ товарищамъ, а затѣмъ Марсельезу и двинулись на Невскій, его снова наводняла полиція и пѣшая и конная и снова были пущены въ ходъ кулаки. Не знаю, были-ли случаи употребленія и сегодня оружія, кулаки же извѣдалъ и на себѣ. Это — система, культъ полицейскаго. На сходкѣ говорили о Святополкѣ и рядомъ съ его именемъ стояло—мерзавецъ. Но одинъ изъ товарищей справедливо указалъ, что за мерзавцемъ Святополкомъ стоитъ мерзавецъ-царь. Это первый случай, когда, наконецъ, въ университетѣ отожествили царя и самодержавіе и распространили на перваго всѣ послѣдствія второго. Резолюція сходки такова: 1) присоединяемся къ демонстрантамъ, 2) высказываемъ глубокое презрѣніе фарисейской политикѣ Святополка, 3) долой самодержавіе. Резолюція была выработана экспромтомъ, потому что и сама сходка не была организована по недостатку времени. Вѣроятно университетъ будетъ закрытъ, возрождается движеніе въ пользу забастовокъ, ибо о демонстраціи сейчасъ нельзя думать. Масса арестовъ надломила силы...

Отъ редакціи: Неудача петербургской демонстраціи, какъ это часто бываетъ, вызвала внутри мѣстной организаціи сильное недовольство комитетомъ. Въ настоящее время мы еще не имѣемъ всѣхъ данныхъ, чтобы возстановить дѣйствительную картину подготовки демонстраціи и получить вѣрное представленіе о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность за неудачу. Поэтому, мы не имѣемъ возможности помѣстить присланныя намъ сообщенія, исходящія отчасти отъ товарищей, къ словамъ которыхъ мы относимся съ полнымъ довѣріемъ. Надѣясь, что при посредствѣ Ц. К., мѣстнымъ товарищамъ удастся съ полной ясностью установить, какіе основные дефекты въ постановкѣ мѣстнаго дѣла способствовали крушенію задуманнаго плана, мы ограничимся только изложеніемъ фактической стороны дѣла, какъ оно извѣстно намъ.

Въ началѣ ноября Петербургскій Комитетъ объявилъ особой прокламаціей къ студенчеству, что онъ откладываетъ предположенную имъ ко времени земскаго съѣзда рабочую демонстрацію до начала сессіи губернскихъ земскихъ собраній и приглашалъ студентовъ ожидать этого момента для присоединенія къ рабочимъ. Демонстрація была назначена на 28 ноября, но за нѣсколько дней (5-6) до назначеннаго срока, Комитетъ отмѣнилъ ее, въ виду указаній со стороны нѣкоторыхъ членовъ организаціи, что рабочая масса недостаточно подготовлена агитаціей. Между тѣмъ, студенческія организаціи, недовольныя новой отсрочкой, заявили, что онѣ, въ такомъ случаѣ, приступятъ къ демонстраціи самостоятельно. Повидимому, эта угроза (а, можетъ быть, и другія, неизвѣстныя намъ обстоятельства) побудила Комитетъ, за два дня до воскресенья 28 ноября, вновь назначить демонстрацію на этотъ день. Извѣстіе же объ отмѣнѣ демонстраціи уже успѣло распространиться въ нѣкоторыхъ рабочихъ районахъ. Въ результатѣ — на демонстрацію рабочіе почти вовсе не явились. Это, главнымъ образомъ, обусловило ея неудачу.

Въ вечеръ послѣ неудавшейся демонстраціи состоялось собраніе нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, на которомъ, какъ намъ сообщаютъ, въ самой рѣзкой формѣ порицалось поведеніе Комитета. Въ какой степени это отношеніе раздѣляется большинствомъ входящихъ въ организацію и примыкающихъ къ ней товарищей, — намъ трудно судить. Мы надѣемся только, что петербургскіе товарищи, помня о важности переживаемаго момента, не будутъ слишкомъ увлекаться поисками „виноватаго“ и совмѣстными усиліями постараются, пользуясь полученнымъ уро-

---

ступила съ пропагандой соціальдемократическихъ ученій. Сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ нашей партіи, не могутъ, поэтому, и не имѣютъ права выключать себя изъ того круга читателей, къ которымъ ея центральный органъ спеціально обращается, когда дѣло касается жизненныхъ интересовъ пролетаріата и соціальдемократіи. Не имѣютъ права именно потому, что, какъ совершенно справедливо говоритъ нашъ авторъ, отъ сознательнаго и активнаго участія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ зависитъ дальнѣйшая судьба Россійской соціальдемократіи. Кромѣ того, выключая себя изъ круга тѣхъ членовъ партіи, къ которымъ обращается ихъ Центральный органъ, они тѣмъ самымъ зачислили бы себя въ разрядъ „незрѣлыхъ“ элементовъ ея, даже и не претендующихъ на то, чтобы съ ними говорили, какъ съ политически взрослыми, полноправными членами партіи.

Я уже выше замѣтилъ, что вопросъ, спеціально занимающій автора брошюры, радикально можетъ быть разрѣшенъ только въ процессѣ сознательной коллективной работы нашей партіи, систематически направленной на организацію и на вовлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ массъ пролетаріата въ *сознательную* и организованную борьбу за свои классовые интересы, имѣющую своей конечной цѣлью революціонное ниспроверженіе буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Только на почвѣ и въ атмосферѣ этой борьбы происходитъ процессъ развитія классоваго самосознанія и объединенія пролетарскихъ массъ въ самостоятельную политическую партію. Или точнѣе этотъ процессъ и эта борьба покрываютъ другъ друга; можно даже сказать, это — различныя названія для одного и того же историческаго явленія или факта. И именно въ процессѣ развитія классовой самодѣятельности рабочихъ массъ, выступая иниціаторами, руководителями и организаторами ихъ въ борьбѣ за экономическіе, политическіе и умственные интересы пролетаріата, наша „рабочая интеллигенція“ можетъ, — поглощая въ себѣ „интеллигентовъ“ и тѣмъ самымъ сливаясь съ ними — пріобрѣсть то положеніе въ Россійской соціальдемократіи, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея программѣ и ея принципіальному назначенію, какъ партіи пролетаріата. Неутомимо работая надъ вовлеченіемъ все болѣе широкихъ слоевъ его въ организованную борьбу съ ихъ экономическими эксплуататорами и политическими угнетателями, напрягая всѣ свои силы на поднятіе умственнаго уровня и политической самодѣятельности этихъ слоевъ, на увеличеніе боевыхъ средствъ и на объединеніе своего класса въ сознательно-революціонную силу, противостоящую всѣмъ другимъ классамъ и партіямъ, вы, товарищи, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будете расширять и свой собственный политическій кругозоръ, развивать въ себѣ иниціативу, энергію и организаторскія способности, пріобрѣтете вѣру въ свои собственныя силы и, вмѣстѣ съ товарищами „интеллигентами“, станете на дѣлѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, интеллигенціей рабочаго класса.

Я уже упоминалъ о томъ, что группа „Освобожденіе Труда“ неоднократно обращалась спеціально къ передовымъ рабочимъ. Въ этихъ обращеніяхъ указывалось имъ и на тотъ путь революціонной самодѣятельности, который только что намѣченъ и который представляетъ собою исторически-нормальный путь образованія соціальдемократическихъ партій на западѣ и одинъ только и можетъ привести и приведетъ къ радикальному устраненію того „антагонизма между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, который такъ больно даетъ себя чувствовать нашей партіи. Такъ, напримѣръ, уже черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“, открывающей собою начало эпохи соціальдемократическаго движенія въ Россіи, группа „Освобожденіе труда“ въ объявленіи объ изданіи „Рабочей библіотеки“[1], обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи“ съ призывомъ взять на себя дѣло объединенія нашего пролетаріата въ самостоятельную революціонную силу. Для того, чтобы рабочій классъ своевременно могъ пріобрѣсть значеніе крупной политической силы въ періодъ крушенія абсолютизма, сказано въ объявленіи, „революціонерамъ необходимо съ гораздо большей серьезностью и упорствомъ приняться за дѣло пропаганды соціализма въ его средѣ и объединенія его въ тайные союзы, съ ясно продуманными цѣлями и средствами борьбы“. Подъ „революціонерами“ подразумѣваются здѣсь соціалистическіе элементы, какъ въ „интеллигенціи“, такъ и среди интеллигентныхъ рабочихъ. Но, сказано дальше, „обязанность эта прежде всего и главнымъ образомъ падаетъ на *рабочую* интеллигенцію и особенно на ея наиболѣе развитыхъ и смѣлыхъ представителей... Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьезное и неустанное подготовленіе рабочаго класса къ его великой исторической роли представляетъ собою одно изъ необходимѣйшихъ условій для обезпеченія трудящихся массъ Россіи отъ гибельныхъ ошибокъ, отъ обмановъ и насилій со стороны эксплуататорскихъ классовъ. И вотъ, во имя и ради задачи „подготовленія рабочихъ промышленныхъ центровъ“ къ ихъ исторической миссіи руководителей народныхъ массъ въ борьбѣ „съ врагами народнаго благосостоянія“, мы предлагали передовымъ рабочимъ:

„Вмѣсто того, чтобы тащиться въ хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кружковъ“, они должны „направить всѣ свои усилія на образованіе одного *самостоятельнаго рабочаго* союза или *рабочей* партіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выражали увѣренность въ томъ, что „искренніе друзья народной самодѣятельности изъ высшихъ и среднихъ классовъ не замедлятъ... поддержать усилія рабочей интеллигенціи на этомъ пути“.

Въ дѣйствительности, однако, объединяющимъ и организующимъ элементомъ въ процессѣ образованія нашей Партіи явились именно интеллигенты, на долю же „разрозненныхъ единицъ и кружковъ соціальдемократовъ-рабочихъ“ выпала роль только „помощниковъ“.

Что же мѣшало сознательно-революціоннымъ представителямъ пролетаріата, самимъ, или вмѣстѣ съ лучшими представителями интеллигенціи, взять на себя роль иниціаторовъ и организаторовъ нашего соціальдемократическаго движенія? Очевидно, было бы слишкомъ ужъ просто и нелѣпо объяснить этотъ фактъ какими-нибудь прирожденными свойствами нашихъ сознательныхъ революціонныхъ пролетаріевъ и вообще ихъ личными недостатками. Но точно также вульгарно и нелѣпо было бы дѣлать въ данномъ случаѣ „интеллигентовъ“ лично отвѣтственными, взваливать всю вину на нихъ, какъ на представителей непролетарскихъ классовъ, и видѣть корень явленія въ ихъ злой волѣ, въ ихъ преднамѣренномъ стремленіи держать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ и всячески устранять ихъ отъ руководящихъ функцій. Люди, душой и тѣломъ отдавшіеся дѣлу подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи путемъ организаціи его въ самостоятельную политическую силу, такіе люди должны были стремиться къ развитію самостоятельности и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ и ужъ никоимъ образомъ не могли себѣ ставить цѣлью систематическое подавленіе той и другой[1].

Но, если ни сознательные рабочіе, ни соціальдемократы-интеллигенты не могутъ считаться главными виновниками того факта, что первые играли подчиненную роль въ процессѣ образованія нашей партіи, то корень этого факта, очевидно, приходится искать въ историческихъ условіяхъ, опредѣлившихъ ходъ ея развитія. Въ этихъ же условіяхъ коренится и источникъ тѣхъ отношеній „между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, которыми теперь такъ тяготятся соціальдемократическіе пролетаріи, а вмѣстѣ съ ними, и наиболѣе передовые товарищи „интеллигенты“. Но въ такомъ случаѣ самъ собой рождается другой вопросъ: измѣнились ли условія существованія и развитія нашего движенія настолько, что стремленіе, воодушевляющее наиболѣе сознательныхъ представителей его и проникающее собою брошюру, по поводу которой я пишу эти строки, имѣетъ реальную почву для своего осуществленія? Другими словами: назрѣли ли уже условія для выполненія нашими товарищами-рабочими (разумѣется, совмѣстно съ остальными членами партіи) той миссіи по отношенію къ своему классу, которую группа „Освобожденіе Труда“ предлагала ихъ предшественникамъ взять на себя? Наконецъ, если условія для осуществленія этой миссіи имѣются уже на лицо, то спрашивается: какіе же пути и средства, какія формы и методы революціонной борьбы наиболѣе цѣлесообразны для преслѣдованія ея?

Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у меня будетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ.

П. Аксельродъ.

---

[1] „Объявленіе“ напечатано при моей брошюрѣ: „Рабочее движеніе и соціальдемократія“, первомъ выпускѣ названнаго изданія. Брошюра эта появилась въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.

[1] Я говорю объ общемъ, такъ сказать, принципіальномъ отношеніи соціальдемократической интеллигенціи къ сознательно-революціоннымъ пролетаріямъ. Что на практикѣ, тѣ или другіе представители ея, въ силу своихъ личныхъ свойствъ или создавшихся партійнымъ развитіемъ привычекъ и отношеній, могли фактически тормозить развитіе иниціативы и самодѣятельности этихъ пролетаріевъ внутри партіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Но явленія такого рода были не причиной, а *слѣдствіемъ* того факта, что передовые рабочіе играли подчиненную, такъ сказать, служебную роль въ процессѣ образованія своей партіи.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ сильно пострадавшихъ во время демонстраціи: „Когда небольшая группа демонстрантовъ запѣла марсельезу и направилась съ тротуара на улицу, изъ гостиннаго двора выѣхали конные полицейскіе и, недоѣзжая до демонстрантовъ, обнажили шашки. Подъ напоромъ лошадей и взмахами сабель публика сбилась на тротуаръ. Двое или трое пытались палками отогнать лошадей, но присутствовавшіе въ толпѣ дворники, а также прибывшіе изъ засадъ дворники и пѣшіе городовые (изъ которыхъ нѣкоторые тоже обнажили шашки) быстро отняли эти палки и ими же начали избивать публику. На ту часть толпы, гдѣ я былъ, наступали съ улицы конные полицейскіе, съ тротуара дворники съ палками и городовой съ обнаженной шашкой. Женщинѣ, стоявшей передо мной, дворникъ со всего размаха разбилъ лицо. Крики и вопли неслись отовсюду. Меня схватилъ сзади дворникъ и сталъ наносить удары палкой по головѣ. Удары сыпались, какъ изъ рога изобилія. Я схватился руками за фуражку, чтобы послѣдняя не соскочила и служила хотя нѣкоторой защитой отъ ударовъ. Вскорѣ я увидѣлъ, что городовой обнаженной шашкой дѣлалъ движенія, какъ бы собираясь проколоть сосѣда студента. Послѣдній, бѣлый, какъ полотно, съ трясущимися губами, истерически кричалъ ему: „Ты не смѣешь колоть, ты не смѣешь колоть!“ — „Смѣю!“ кричалъ городовой и снова то замахивался шашкой, то наставлялъ ее, какъ бы для того, чтобы заколоть. Въ это время подвернулся ему я, и онъ ударилъ меня по головѣ шашкой плашмя. Отъ страшныхъ и многочисленныхъ (я думаю 20-30) ударовъ дворницкой палки я почти не почувствовалъ удара шашки (такъ какъ одеревенѣла голова); но вскорѣ я почувствовалъ, что пальцы рукъ, которыми я продолжалъ придерживать фуражку, липнутъ, и, отнявши руку отъ фуражки, увидѣлъ, что рука въ крови. Шею и ухо залила кровь. Гонимый ударами палокъ, кулаковъ и шашки съ одной стороны, я наткнулся на сверкающую обнаженную шашку околоточнаго съ другой стороны. Послѣдній размахивалъ ею и тѣмъ отнялъ у насъ возможность убѣгать отъ преслѣдователей. Пришлось пробиваться назадъ и „на бисъ“ попасть подъ кулаки тѣхъ же дворниковъ. Они били по лицу и, насколько я помню, при обратномъ моемъ движеніи палкой не били. Это можно объяснить исключительно только тѣмъ, что дворники съ палками понадобились въ другомъ мѣстѣ. Я помню, что очень кричалъ и говорилъ бившимъ, что у меня разбита голова, но дѣлалъ это напрасно: они продолжали бить и крикъ, повидимому, только раздражалъ ихъ. Избитый, съ разорваннымъ пальто, я старался остановить носовымъ платкомъ кровь. Кто-то изъ студентовъ взялъ меня подъ руку и повелъ на портикъ церкви св. Екатерины, говоря, что тамъ дѣлаютъ перевязки. Тамъ, дѣйствительно, я увидѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ. Одна изъ курсистокъ стала присыпать іодоформомъ рану на затылкѣ и перевязывать. Я просилъ сдѣлать это возможно скорѣе, чтобы скрыться и не быть арестованнымъ. Меня успокаивали, что здѣсь вполнѣ безопасно. Но мои опасенія оказались болѣе основательными. Не успѣли мнѣ сдѣлать перевязку, какъ съ гикомъ налетѣли конные жандармы и пѣшіе городовые и дворники. И началась опять расправа: на этотъ разъ надъ ранеными, мирно стоявшими людьми, среди коихъ были и дѣти. Въ узкій проходъ между колоннами ринулась въ паническомъ ужасѣ толпа. Но и здѣсь былъ примѣненъ тотъ же пріемъ: публика была окружена со всѣхъ сторонъ. На пути стоялъ конный жандармъ съ обнаженной шашкой, и здѣсь разыгралась сцена, которую я не могу забыть. Тѣхъ, кто хотѣлъ пробѣжать, онъ останавливалъ взмахомъ обнаженной шашки. Такъ, студента, остановивъ такимъ взмахомъ, онъ лѣвой рукой схватилъ за волосы и сталъ приподнимать, изрыгая ругательства и рычанье. Это происходило уже подъ рѣшетчатыми воротами, которыя были заперты, и ни на мольбы, ни на угрозы публики не открывались стоявшими во дворѣ церкви дворниками. Нѣсколько разъ приподнималъ жандармъ свою жертву, и когда меня дворники придвинули впередъ, жандармъ еще продолжалъ терзать несчастнаго за волосы. Наконецъ, я миновалъ конныхъ и думалъ, что могу перевести духъ. Но тутъ я снова попалъ въ руки дворниковъ, которые кулаками по лицу перетолкивали меня другъ отъ друга. Но вотъ я на срединѣ Невскаго. И налѣво, и направо стоятъ конные городовые. Скрыться некуда. Въ это время меня усмотрѣлъ одинъ изъ чиновъ жандармеріи: „Взять его!“, и два городовые повели меня. Когда меня проводили мимо взвода городовыхъ, ихъ предводитель околоточный сталъ издѣваться надо мной, изрыгая самыя отборныя ругательства. Городовые посадили меня на извозчика. Я былъ крайне изумленъ, что они не били меня на извозчикѣ и не били въ участкѣ. Другіе были не такъ счастливы: ихъ били и въ участкѣ. Въ пріемномъ покоѣ мнѣ сдѣлали перевязку. Въ результатѣ у меня, на затылкѣ рана не много менѣе сантиметра, заплылъ и опухъ глазъ, ушибленъ суставъ на рукѣ. Теперь все подживаетъ, но, къ сожалѣнію, начались головныя боли, что является симптомомъ не изъ безопасныхъ. Въ тотъ же день избили мою жену. Въ участкѣ сняли допросъ, который былъ сплошнымъ издѣвательствомъ. Наприм., если потерпѣвшій заявлялъ, что его избили, то его вѣжливо спрашивали, не помнитъ ли онъ номера бляхи избившаго. Въ тотъ же участокъ принесли въ обморокѣ избитаго студента. Были еще два раненыхъ. Конечно, все мной описанное не исчерпываетъ и десятой доли мной пережитаго за какіе-нибудь 5—6 часовъ.

Другихъ загоняли во дворы и тамъ избивали. Одинъ или отъ удара или отъ нервнаго потрясенія сошелъ съ ума: дико гоготалъ и истерически всхлипывалъ. Были разсѣченныя раны. У одного студента вытекъ глазъ. Такого избіенія еще не видѣлъ Петербургъ.

Изъ письма курсистки: Какъ я уже вамъ писала, демонстрація была назначена на 28-ое. Потомъ вдругъ разнесся слухъ, что она отложена изъ-за принципіально организаціонныхъ разногласій, изъ-за настояній „меньшинства“. Но уже въ субботу утромъ я знала, что она все-таки состоится. И мы начали готовиться. Я шла съ чистымъ, легкимъ сердцемъ, вся — радостная. И не одна. Мы всѣ, всѣ мои знакомые шли на смерть, не думая вернуться къ своимъ пенатамъ, прощались, и всѣ сіяли. Ни одного омраченнаго лица, ни одного скорбнаго слова. Въ 12 мы уже были на Невскомъ. Меня предупреждали, что знамя будетъ выкинуто на углу Невскаго и Михайловской и, понятно, мы старались держаться этого мѣста. Съ послѣднимъ боемъ часовъ (въ 1 ч. дня) раздались крики: „сюда, товарищи“. Мы сплотились возлѣ знаменосцевъ (ихъ здѣсь было 2) и съ марсельезой двинулись по Невскому, откуда на насъ уже мчалась конница съ обнаженными шашками. Черезъ двѣ секунды одна часть демонстрантовъ была разсѣяна по Невскому, другую загнали въ какой-то магазинъ, гдѣ продержали часа полтора и выпустили, не переписавъ. — Теперь я уже могу хладнокровно говорить (но не думать) объ этомъ. Я могу забыть все, всѣ радости и печали моей жизни, но никогда не забуду этого, главное, этого ужаснаго момента, когда, вся изогнувшись, я лежала и видѣла занесенное надъ собой лошадиное копыто, видѣла раненныхъ и избитыхъ товарищей, слышала ихъ крики и стоны... Изъ нашихъ пострадала моя подруга, которую жестоко избили два городовыхъ, и она еще излечивается. А остальныя отдѣлались пустяками — кого за волосы потянули, кого по ногамъ, кого по зубамъ etc. Въ общей суммѣ, говорятъ, убито 4 человѣка, изъ нихъ 2 курсистки. Еще одна умерла отъ потрясенія. Не знаю, насколько это вѣрно, знаю, что я видѣла много серьезно раненыхъ, которыхъ кой-какъ перевязали. А вечеромъ мы устроили праздникъ Р. С.-Д. Р. П. Было это на балу у технологовъ, въ физической аудиторіи, гдѣ выступало много ораторовъ, была вынесена резолюція и съ криками „да здравствуетъ международная, да здравствуетъ Россійская соціальдемократія“ съ пѣньемъ марсельезы, съ поднятыми знаменами, мы двинулись въ концертный залъ, гдѣ другая часть публики, насладившись пѣніемъ и музыкой, собралась танцовать. Но мы не дали ей. Намъ на помощь подоспѣли студенты со сходки, которая происходила въ чертежной, и соединенными усиліями мы вытѣснили буржуазію изъ ея законныхъ владѣній. Митингъ продолжался. Снова говорили, пѣли, кричали. Бѣднымъ с.-рамъ, которые пытались сказать что-то свое, ничего не удалось сдѣлать. Предложенная ими демонстрація на 30 была отклонена“.

Изъ другого письма: „Демонстрація началась въ началѣ второго часа. Кучка демонстрантовъ, состоявшая отчасти изъ рабочихъ и въ большинствѣ изъ студентовъ, выкинула красный флагъ и запѣла Марсельезу. Послѣ перваго куплета крикнули: „долой самодержавіе“. Крики и пѣніе были поддержаны толпой, и масса бросилась навстрѣчу къ демонстрантамъ. Но въ это время отовсюду появились конные стражники, которые рубили шашками, преимущественно по головамъ. Когда налетѣли конные на толпу, я былъ оттѣсненъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами къ костелу Екатерины, куда привели нѣсколькихъ раненыхъ и устроили тамъ перевязочный пунктъ. Черезъ двѣ-три минуты стражники и жандармы напали на паперть костела, вскакивали съ лошадьми, давили, рубили. Во дворахъ домовъ, которые всѣ были заперты, такъ что спастись было некуда, стояли дворники. Они били и толкали подъ лошадей и на шашки. Подобное творилось на протяженіи отъ Полицейскаго моста до Литейнаго проспекта. Женщины истерически рыдали. У меня предъ глазами стоитъ курсистка съ покраснѣвшимъ въ слезахъ лицомъ, повторявшая одно — „всѣ боятся, всѣ боятся“. Другая, совсѣмъ еще юная, истерически плакала и бросалась навстрѣчу всадникамъ. Ее насильно удалось увести. За все время демонстраціи съ четверти второго и до четырехъ часовъ дня было выкинуто 10 флаговъ. Марсельезы больше не было слышно; когда выкидывали флаги, кричали одно: долой самодержавіе. И тамъ и сямъ слышалась команда: „руби, бей“ и снова люди бѣжали въ паническомъ ужасѣ, падали подъ лошадей. Дворники, окруживъ толпой человѣкъ въ семь, били *одною* студента. Сегодня на огромной сходкѣ въ университетѣ (2000 человѣкъ) по этому поводу были разсказаны потрясающіе факты изъ того, что дѣлалось въ участкахъ. Доставлялись раненые съ порублеными руками, сломанными ногами, вытекшими глазами, отбитыми легкими, задыхавшіеся. По доставленіи въ участокъ, снова били тѣхъ, кто казался недостаточно избитымъ. Бываютъ дни, когда переживаешь за цѣлые годы - это былъ такой день. Сегодня по городу носятся упорные *слухи*, что убито 35 человѣкъ. Я не хочу и не могу писать по поводу всего этого — слишкомъ это больно. Это не случайность — Святополкъ окончательно доказалъ, что преемникъ Плеве не можетъ дѣйствовать иначе. Сегодня, когда огромная толпа, всѣ эти 2000 человѣкъ вышли изъ университета и запѣли вѣчную память убитымъ товарищамъ, а затѣмъ Марсельезу и двинулись на Невскій, его снова наводнила полиція и пѣшая и конная и снова были пущены въ ходъ кулаки. Не знаю, были ли случаи употребленія и сегодня оружія, кулаки же изъѣздили и на себѣ. Это — система, культъ полицейскаго. На сходкѣ говорили о Святополкѣ и рядомъ съ его именемъ стояло — мерзавецъ. Но одинъ изъ товарищей справедливо указалъ, что за мерзавцемъ Святополкомъ стоитъ мерзавецъ-царь. Это первый случай, когда наконецъ, въ университетѣ отожествили царя и самодержавіе и распространили на перваго всѣ послѣдствія второго. Резолюція сходки такова: 1) присоединяемся къ демонстрантамъ, 2) высказываемъ глубокое презрѣніе фарисейской политикѣ Святополка, 3) долой самодержавіе. Резолюція была выработана экспромтомъ, потому что и сама сходка не была организована по недостатку времени. Вѣроятно университетъ будетъ закрытъ, возрождается движеніе въ пользу забастовокъ, ибо о демонстраціи сейчасъ нельзя думать. Масса арестовъ надломила силы...

Отъ редакціи: Неудача петербургской демонстраціи, какъ это часто бываетъ, вызвала внутри мѣстной организаціи сильное недовольство комитетомъ. Въ настоящее время мы еще не имѣемъ всѣхъ данныхъ, чтобы возстановить дѣйствительную картину подготовки демонстраціи и получить вѣрное представленіе о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность за неудачу. Поэтому, мы не имѣемъ возможности помѣстить присланныя намъ сообщенія, исходящія отчасти отъ товарищей, къ словамъ которыхъ мы относимся съ полнымъ довѣріемъ. Надѣясь, что при посредствѣ Ц. К. мѣстнымъ товарищамъ удастся съ полной ясностью установить, какіе основные дефекты въ постановкѣ мѣстнаго дѣла способствовали крушенію задуманнаго плана, мы ограничимся только изложеніемъ фактической стороны дѣла, какъ оно извѣстно намъ.

Въ началѣ ноября Петербургскій Комитетъ объявилъ особой прокламаціей къ студенчеству, что онъ откладываетъ предположенную имъ ко времени земскаго съѣзда рабочую демонстрацію до начала сессіи губернскихъ земскихъ собраній и приглашалъ студентовъ ожидать этого момента для присоединенія къ рабочимъ. Демонстрація была назначена на 28 ноября, но за нѣсколько дней (5-6) до назначеннаго срока, Комитетъ отмѣнилъ ее, въ виду указаній со стороны нѣкоторыхъ членовъ организаціи, что рабочая масса недостаточно подготовлена агитаціей. Между тѣмъ, студенческія организаціи, недовольныя новой отсрочкой, заявили, что онѣ, въ такомъ случаѣ, приступятъ къ демонстраціи самостоятельно. Повидимому эта угроза, а, можетъ быть, и другія, неизвѣстныя намъ обстоятельства побудили Комитетъ, за два дня до воскресенья 28 ноября, вновь назначить демонстрацію на этотъ день. Извѣстіе же объ отмѣнѣ демонстраціи уже успѣло распространиться въ нѣкоторыхъ рабочихъ районахъ. Въ результатѣ — на демонстрацію рабочіе почти вовсе не явились. Это, главнымъ образомъ, обусловило ея неудачу.

Въ вечеръ послѣ неудавшейся демонстраціи состоялось собраніе нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, на которомъ, какъ намъ сообщаютъ, въ самой рѣзкой формѣ порицалось поведеніе Комитета. Въ какой степени это отношеніе раздѣляется большинствомъ входящихъ въ организацію и примыкающихъ къ ней товарищей, — намъ трудно судить. Мы надѣемся только, что петербургскіе товарищи, помня о важности переживаемаго момента, не будутъ слишкомъ увлекаться поисками „виноватаго“ и совмѣстными усиліями постараются, пользуясь полученнымъ уро-

---

ступила съ пропагандой соціальдемократическихъ ученій. Сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ нашей партіи, не могутъ, поэтому, и не имѣютъ права выключать себя изъ того круга читателей, къ которымъ ея центральный органъ спеціально обращается, когда дѣло касается жизненныхъ интересовъ пролетаріата и соціальдемократіи. Не имѣютъ права именно потому, что, какъ совершенно справедливо говоритъ нашъ авторъ, отъ сознательнаго и активнаго участія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ зависитъ дальнѣйшая судьба Россійской соціальдемократіи. Кромѣ того, выключая себя изъ круга тѣхъ членовъ партіи, къ которымъ обращается ихъ Центральный органъ, они тѣмъ самымъ зачислили бы себя въ разрядъ „незрѣлыхъ“ элементовъ ея, даже и не претендующихъ на то, чтобы съ ними говорили, какъ съ политически взрослыми, полноправными членами партіи.

Я уже выше замѣтилъ, что вопросъ, спеціально занимающій автора брошюры, радикально можетъ быть разрѣшенъ только въ процессѣ сознательной коллективной работы нашей партіи, систематически направленной на организацію и на вовлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ массъ пролетаріата въ *сознательную* и организованную борьбу за свои классовые интересы, имѣющую своей конечной цѣлью революціонное ниспроверженіе буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Только на почвѣ и въ атмосферѣ этой борьбы происходитъ процессъ развитія классоваго самосознанія и объединенія пролетарскихъ массъ въ самостоятельную политическую партію. Или точнѣе этотъ процессъ и эта борьба покрываютъ другъ друга: можно даже сказать, что — различныя названія для одного и того же историческаго явленія или факта. И именно въ процессѣ развитія классовой самодѣятельности рабочихъ массъ, выступая иниціаторами, руководителями и организаторами ихъ въ борьбѣ за экономическіе, политическіе и умственные интересы пролетаріата, наша „рабочая интеллигенція“ можетъ, поглощая въ себѣ „интеллигентовъ“ и тѣмъ самымъ сливаясь съ ними, пріобрѣсть то положеніе въ Россійской соціальдемократіи, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея программѣ и ея принципіальному назначенію, какъ партіи пролетаріата. Неутомимо работая надъ вовлеченіемъ все болѣе широкихъ слоевъ его въ организованную борьбу съ ихъ экономическими эксплуататорами и политическими угнетателями, направляя свои силы на поднятіе умственнаго уровня и политической самодѣятельности этихъ слоевъ, на увеличеніе боевыхъ средствъ и на объединеніе своего класса въ сознательно революціонную силу, противостоящую всѣмъ другимъ классамъ и партіямъ, вы, товарищи, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будете расширять и свой собственный политическій кругозоръ, развивать въ себѣ иниціативу, энергію и организаторскія способности, пріобрѣтете вѣру въ свои собственныя силы и, вмѣстѣ съ товарищами „интеллигентами“, станете на дѣлѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, интеллигенціей рабочаго класса.

Я уже упоминалъ о томъ, что группа „Освобожденіе Труда“ неоднократно обращалась спеціально къ передовымъ рабочимъ. Въ этихъ обращеніяхъ указывалось имъ и на тотъ путь революціонной самодѣятельности, который только что намѣченъ и который представляетъ собою исторически-нормальный путь образованія соціальдемократическихъ партій на западѣ и одинъ только и можетъ привести и приведетъ къ радикальному устраненію того „антагонизма между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, который такъ больно даетъ себя чувствовать нашей партіи. Такъ, напримѣръ, уже черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“, открывающей собою начало эпохи соціальдемократическаго движенія въ Россіи, группа „Освобожденіе труда“ въ объявленіи объ изданіи „Рабочей библіотеки“[1], обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи“ съ призывомъ взять на себя дѣло объединенія нашего пролетаріата въ самостоятельную революціонную силу. Для того, чтобы рабочій классъ своевременно могъ пріобрѣсть значеніе крупной политической силы въ періодъ крушенія абсолютизма, сказано въ объявленіи, „революціонерамъ необходимо съ гораздо большей серьезностью и упорствомъ приняться за дѣло пропаганды соціализма въ его средѣ и объединенія его въ тайные союзы, съ ясно продуманными цѣлями и средствами борьбы“. Подъ „революціонерами“ подразумѣваются здѣсь соціалистическіе элементы, какъ въ „интеллигенціи“, такъ и среди интеллигентныхъ рабочихъ. Но, сказано дальше, „обязанность эта прежде всего и главнымъ образомъ падаетъ на *рабочую* интеллигенцію и особенно на ея наиболѣе развитыхъ и смѣлыхъ представителей. Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьезное и неустанное подготовленіе рабочаго класса къ его великой исторической роли представляетъ собою одно изъ необходимѣйшихъ условій для обезпеченія трудящихся массъ Россіи отъ гибельныхъ ошибокъ, отъ обмановъ и насилій со стороны эксплуататорскихъ классовъ. И вотъ во имя и ради задачи „подготовленія рабочихъ промышленныхъ центровъ“ къ ихъ исторической миссіи руководителей народныхъ массъ въ борьбѣ „съ врагами народнаго благосостоянія“, мы предлагали передовымъ рабочимъ.

„Вмѣсто того, чтобы тащиться въ хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кружковъ“, они должны „направить всѣ свои усилія на образованіе одного *самостоятельнаго рабочаго* союза или *рабочей* партіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выражали увѣренность въ томъ, что „искренніе друзья народной самодѣятельности изъ высшихъ и среднихъ классовъ не замедлятъ поддержать усилія рабочей интеллигенціи на этомъ пути“.

Въ дѣйствительности, однако, объединяющимъ и организующимъ элементомъ въ процессѣ образованія нашей Партіи явились именно интеллигенты, на долю же „разрозненныхъ единицъ и кружковъ соціальдемократовъ-рабочихъ“ выпала роль только „помощниковъ“.

Что же мѣшало сознательно-революціоннымъ представителямъ пролетаріата самимъ или вмѣстѣ съ лучшими представителями интеллигенціи, взять на себя роль иниціаторовъ и организаторовъ нашего соціальдемократическаго движенія? Очевидно, было бы слишкомъ ужъ просто и нелѣпо объяснить этотъ фактъ какими-нибудь прирожденными свойствами нашихъ сознательныхъ революціонныхъ пролетаріевъ и вообще ихъ личными недостатками. Но точно также вульгарно и нелѣпо было бы дѣлать въ данномъ случаѣ „интеллигентовъ“ лично отвѣтственными, взваливать всю вину на нихъ, какъ на представителей непролетарскихъ классовъ, и видѣть корень явленія въ ихъ злой волѣ, въ ихъ преднамѣренномъ стремленіи держать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ и всячески устранять ихъ отъ руководящихъ функцій. Люди, душой и тѣломъ отдавшіеся дѣлу подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи путемъ организаціи его въ самостоятельную политическую силу, такіе люди должны были стремиться къ развитію самостоятельности и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ и ужъ никоимъ образомъ не могли себѣ ставить цѣлью систематическое подавленіе той и другой[1].

Но, если ни сознательные рабочіе, ни соціальдемократы-интеллигенты не могутъ считаться главными виновниками того факта, что первые играли подчиненную роль въ процессѣ образованія нашей партіи, то корень этого факта, очевидно, приходится искать въ историческихъ условіяхъ, опредѣлявшихъ ходъ ея развитія. Въ этихъ же условіяхъ коренится и источникъ тѣхъ отношеній „между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, которыми теперь такъ тяготятся соціальдемократическіе пролетаріи, а вмѣстѣ съ ними, и наиболѣе передовые товарищи „интеллигенты“. Но въ такомъ случаѣ самъ собой рождается другой вопросъ: измѣнились ли условія существованія и развитія нашего движенія настолько, что стремленіе, воодушевляющее наиболѣе сознательныхъ представителей его и проникающее собою брошюру, по поводу которой я пишу эти строки, имѣетъ реальную почву для своего осуществленія? Другими словами: назрѣли ли уже условія для выполненія нашими товарищами-рабочими (разумѣется, совмѣстно съ остальными членами партіи) той миссіи по отношенію къ своему классу, которую группа „Освобожденіе Труда“ предлагала ихъ предшественникамъ взять на себя? Наконецъ, если условія для осуществленія этой миссіи имѣются уже на лицо, то спрашивается: какіе же пути и средства, какія формы и методы революціонной борьбы наиболѣе цѣлесообразны для преслѣдованія ея?

Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у меня будетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ.

П. Аксельродъ

---

[1] „Объявленіе“ напечатано при моей брошюрѣ: „Рабочее движеніе и соціальдемократія“, первомъ выпускѣ названнаго изданія. Брошюра эта появилась въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.

[1] Я говорю объ общемъ, такъ сказать, принципіальномъ отношеніи соціальдемократической интеллигенціи къ сознательно-революціоннымъ пролетаріямъ. Что на практикѣ, тѣ или другіе представители ея, въ силу своихъ личныхъ свойствъ или создавшихся партійнымъ развитіемъ привычекъ и отношеній, могли фактически тормозить развитіе иниціативы и самодѣятельности этихъ пролетаріевъ внутри партіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Но явленія такого рода были не причиной, а *слѣдствіемъ* того факта, что передовые рабочіе играли подчиненную, такъ сказать, служебную роль въ процессѣ образованія своей партіи.

...нь, вытащить свою телѣгу изъ той трясины, въ которую ..., повидимому, попала — по чьей винѣ, все равно. Партіи необходимо, ей „до зарѣзу“ нужно, чтобы *именно въ Петербургѣ* въ настоящій моментъ дѣйствовала живая, подвижная, инціативная и продуманно подготовляющая свои боевыя операціи организація.

Петербургскій „фортъ Шаброль“. 1-го декабря произошла невѣроятная исторія въ Политехникумѣ. Ночью въ зданіе Политехническаго института прибыло человѣкъ 25 жандармовъ для совершенія обыска въ институтѣ.

Институтъ вмѣстѣ съ Лѣснымъ находятся верстахъ въ 15 отъ города. Студентовъ въ общежитіи человѣкъ 1500. Они не пустили жандармовъ, тѣ къ директору, онъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ ихъ пустить на основаніи устава, но проситъ ихъ не ходить. Жандармы настаивали — тогда онъ сказалъ, что за студентовъ не ручается. Все происходило въ присутствіи толпы студентовъ. Жандармы вошли и начали обыскъ. Вдругъ потухло электричество и жандармовъ заперли въ чертежной, исколотили изрядно и вышибли изъ зданія. Мгновенно собрана была сходка и при участіи профессоровъ было рѣшено не пускать полицію въ зданіе. Съ флагами, съ пѣснями толпа пошла въ Лѣсной институтъ, разбудила студентовъ и попросила помощи, тѣ присоединились къ Политехникамъ и пошли назадъ. Въ это время стало извѣстно, что ѣдетъ конная полиція. Тотчасъ же были устроены баррикадные рвы, вооружились сѣрной кислотой, поставили насосы высокаго давленія. Былъ выбранъ Комитетъ охраны; — начали готовить динамитныя бомбы, но полиція испугалась и ушла. Тотчасъ же собрался совѣтъ профессоровъ и была вынесена резолюція, что при существующемъ порядкѣ вещей, когда личность и жилище не гарантированы и когда полиція имѣетъ такую большую власть, не можетъ правильно продолжаться учебная дѣятельность, и потому совѣтъ черезъ министра требуетъ гарантій свободы личности и жилища и т. д.

Москва. 5 декабря (частное). Только что вернулся съ демонстраціи, которая назначена была въ 1 часъ дня 5 декабря на Тверской улицѣ. Въ 1 ч. 10 м. быстро собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выкинули знамена и съ пѣніемъ „Марсельезы“ пошли вверхъ по Тверской къ дому губернатора. Полиція сперва почти совершенно отсутствовала, но потомъ появился передъ нами отрядъ городовыхъ, человѣкъ въ 20. Толпа не обратила на нихъ вниманія и пошла на нихъ, городовые же мирно пошли передъ демонстрантами. Такое шествіе продолжалось нѣсколько минутъ. Городовые вдругъ сразу повернули назадъ и съ обнаженными шашками бросились на толпу. Этотъ первый натискъ полиціи былъ встрѣченъ палками и городовыхъ въ первый моментъ оттѣснили, но изъ дворовъ сосѣднихъ домовъ на демонстрантовъ кинулись еще городовые и началась настоящая бойня. Полиція рубила направо и налѣво, не разбирая ни пола, ни возраста. Толпа не оказала почти что никакого сопротивленія и бросилась бѣжать. Раненные и падавшіе безъ сознанія отъ ударовъ плашмя по головѣ образовали груду тѣлъ. Товарищи бросились поднимать и вносить въ сосѣдніе магазины, но нѣсколько человѣкъ осталось лежать на мостовой. Меня окружили четыре здоровыхъ городовыхъ и принялись колотить шашками Цѣлъ я остался, лишь благодаря тому, что на головѣ у меня была мѣховая шапка, которую они не смогли прорубить, а въ рукахъ основательная дубинка, фунтовъ 5-6. Домой я вернулся почти что цѣлъ и невредимъ только немного побаливаетъ голова.

Водворяя порядокъ, городовые страшно озвѣрѣли, рубили безъ всякой пощады, у тѣхъ же, которые били плашмя, шашки были совершенно изогнуты ударами дубинокъ. Вижу, наприм., такую сцену: околодочный стрѣляетъ въ упоръ по толпѣ 5 разъ изъ револьвера, но, очевидно, стрѣлялъ холостыми, т. к. никто не падалъ. Въ другомъ мѣстѣ студентъ зацѣпился за ограду и 5 городовыхъ бьютъ его шашками. Дальше околодочный ударилъ со всего размаху шашкой курсистку такъ, что она падаетъ безъ чувствъ на землю. Подобныхъ случаевъ безъ конца. Посторонняя публика вела себя хорошо. На Тверскомъ бульварѣ арестовали человѣкъ 10, въ Леонтьевскомъ же переулкѣ забрали толпу человѣкъ въ 150.

(Судя по правительственному сообщенію, эта демонстрація организованна мѣстнымъ комитетомъ партіи соц.-рев., листокъ котораго, призывающій на демонстрацію, присланъ намъ. *Ред*).

Москва. 6-го декабря, на слѣдующій день послѣ избіенія студентовъ, около часу опять публика стала стекаться на улицы, на этотъ разъ самая разнообразная; встрѣчалось очень много рабочихъ. Настроеніе было страшно возбужденное. Полиція оттѣсняла толпу на Страстную площадь, несмотря на то, что не было ни пѣнія, ни флаговъ, стала бить ее шашками; часть вогнала во дворъ и туда въѣхали казаки, послѣ чего были вызваны кареты медицинской помощи. При малѣйшей группировкѣ, конные казаки съ гикомъ ее разгоняли. Въ это время, часамъ къ 2 мъ, въ Кремлѣ у Краснаго Крыльца собралось около *200 рабочихъ* и прочли публикѣ резолюцію: „Мы — рабочіе съ 22 заводовъ и фабрикъ — съ Краснаго Крыльца Кремлевскаго дворца провозглашаемъ гибель самодержавнаго строя и борьбу за царство соціализма и свободы.“ Въ толпѣ здѣсь было нѣсколько сотъ человѣкъ — сочувствующихъ и зѣвакъ. Демонстранты спокойно разошлись группами, дѣло обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Саратовъ 24 XI. Въ Саратовѣ сейчасъ творится нѣчто невиданное и непонятное. Царитъ полная свобода собраній и слова. Началось это такъ: 5 ноября, т. е. наканунѣ открытія земскаго съѣзда въ Петербургѣ, у насъ въ первоклассной гостиницѣ („*Россія*“) былъ устроенъ банкетъ съ ужиномъ, почему за входъ пришлось платить по 2 рубля. Билеты раздавались только по рекомендаціи. Говорились довольно свободныя, *но вполнѣ*, даже черезъ чуръ „парламентскія“ рѣчи о свободѣ личности, совѣсти, печати и т. д. Въ результатѣ былъ выработанъ привѣтственный адресъ земскому съѣзду въ довольно демократическомъ духѣ. Подписалось подъ этой телеграммой 319 челов. (всего на банкетѣ было человѣкъ 400), изъ нихъ оказалось 3 предводителя дворянства, 1 предсѣдатель уѣзд. зем. упр., 38 инженеровъ, 19 купцовъ (больше изъ думцевъ), 16 учителей, 3 рабочихъ, 1 крестьянинъ, много врачей, адвокатовъ и т. д. и 1 мѣщанскій староста.

Адресъ дошелъ по назначенію и, говорятъ, произвелъ на съѣздѣ фуроръ своими подписями. Затѣмъ 15/XI. въ помѣщеніи фельдшерской школы, въ засѣданіи родительскаго кружка секціи дѣтской гигіены Саратовскаго аптекарскаго общества, сначала былъ прочитанъ некрологъ Бунакова, а затѣмъ разговоръ перешелъ на земскій съѣздъ; были прочитаны резолюціи съѣзда, потомъ прочли проектъ конституціи, выработанный кружкомъ какихъ то умѣренныхъ либераловъ; перешли къ критическому разбору проекта; говорили интеллигенты и рабочіе; всѣ отнеслись къ этому проекту очень несочувственно, такъ какъ онъ сохранялъ монархію и только ограничивалъ ее), центральное законодательное учрежденіе должно было, по этому проекту, состоять изъ выборныхъ представителей отъ земствъ и думъ, избираемыхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Въ заключеніе были выработаны резолюціи о необходимости созыва учредительнаго собранія, прекращенія войны и т. д.

Наконецъ, вчера, 20 ноября, совершилось нѣчто совершенно неожиданное: юристы устроили банкетъ, опять въ гостиницѣ (платный), гдѣ присутствовало до 700 чел. а демократическая публика устроила свое собраніе безъ всякого разрѣшенія и внѣшняго легальнаго повода, въ народной чайной на „Пѣшемъ базрѣ“. Собралось сюда до 1.000 челов., (рабочихъ, интеллигенціи, учащихся). Рѣчи говорились вполнѣ свободныя, причемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-дем., другіе — въ духѣ с.-рев. Говорили прямо, безъ обиняковъ; *вещи называли своими именами*, и тутъ *впервые* опредѣленно высказались за *демократическую республику*. Тутъ опять занимались очень много критикой, и довольно рѣзкой, либераловъ. Когда были выработаны резолюціи, рѣшено было черезъ представителей сообщить ихъ юристамъ, присутствующимъ на своемъ банкетѣ, что и было исполнено послѣ нѣкоторой борьбы, такъ какъ многіе не хотѣли вступать съ ними ни въ какія сношенія (считая ихъ представителями либеральной партіи). Между прочимъ, собраніе, по предложенію одной особы, почтило вставаніемъ Савонова.

Справедливость требуетъ прибавить, что сходка была организована недостаточно умѣло: ораторы часто повторяли другъ друга, и не говорили обо многомъ существенномъ; особенно ничего не было сказано о томъ, что сейчасъ надо *дѣлать*. Затѣмъ во всѣхъ разговорахъ о либералахъ сильно сквозитъ полное смѣшеніе программы съ тактикой и практической политикой. Большинство совершенно забыло тотъ пунктъ соціальдемократической программы, который гласитъ, что соц.-дем. поддерживаетъ всякое прогрессивное движеніе до тѣхъ поръ, пока и т. д.: всѣ твердятъ, что съ либералами нельзя и ненадо имѣть ничего общаго, что съ ними надо бороться и т. д.

Вообще, оживленіе въ городѣ сильное. Когда собралась въ чайной сходка, то гдѣ то по близости были спрятаны вооруженные солдаты (чел. 40) и казаки. Во время собранія туда вошелъ было приставъ, но его попросили уйти и онъ ушелъ. Ко времени окончанія, у выхода стояли два-три старшихъ чина и нѣсколько городовыхъ, но ничего не предпринимали и сходка мирно, чинно и солидно разошлась. На дняхъ предполагается организовать еще нѣсколько такихъ сходокъ.

Текстъ телеграммы участниковъ банкета юристовъ, посланной министру юстиціи за подписью 575 человѣкъ:

„Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго правосудія, мы признаемъ, что великія идеи, которыя стремились провести въ жизнь творцы судебной реформы, не только не осуществились и не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, подрывались, повидимому случайными, но въ дѣйствительности представлявшими своеобразную стройную систему, урѣзками и вставками. Эта система въ корнѣ подорвала истинныя основы правосудія: равенство суда для всѣхъ, его гласность, участіе въ немъ народа, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, независимость коронныхъ судей, и преслѣдованіе только по суду всѣхъ преступленій, независимо отъ ихъ характера и отъ общественнаго положенія преступника. Поэтому, мы выражаемъ убѣжденіе, что, независимо отъ смѣны лицъ и направленій призываемыхъ руководить судебнымъ строемъ, правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь при условіи законодательной гарантіи и свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, и при участіи въ законодательствѣ страны выборныхъ народныхъ представителей.“

Резолюціи, выработанныя сходкой въ народной чайной:

1) Созывъ учредительнаго собранія на почвѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права и тайной подачи голосовъ.

2) Немедленное прекращеніе войны.

3) Амнистія всѣмъ политическимъ.

Эти резолюціи тремя депутатами были доставлены на банкетъ юристовъ, гдѣ были прочитаны и встрѣчены единодушными громкими апплодисментами.

21/XI въ залѣ коммерческаго собранія, послѣ литературнаго вечера, была устроена сходка на подобіе описанной, но прошла не достаточно удачно и не въ полномъ порядкѣ. Тутъ публика опять показала себя невоспитанной въ политическомъ отношеніи. Дѣло произошло такъ: ко времени окончанія литерат.-музыкальной части вечера, къ коммерческому собранію собралась толпа рабочихъ, желая войти внутрь, такъ какъ они слышали, что тамъ состоится совѣщаніе. Полиціймейстеръ непускалъ ихъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ. Тогда вышелъ нѣкто Герасимовъ (сотрудникъ „Саратовскаго Листка“), предсѣдательствовавшій на сходкахъ въ фельдшерской школѣ и народной чайной, и вступилъ въ переговоры съ полиціймейстеромъ Онъ поручился за то, что въ собраніи будетъ соблюденъ порядокъ, и тогда полиціймейстеръ впустилъ толпу и на время стушевался. Начались выборы предсѣдателя; одни хотѣли выбрать непремѣнно Герасимова, другіе не хотѣли; изъ нежелавшихъ имѣть его предсѣдателемъ одни говорили, что неудобно одному и тому же человѣку выставлятьтя всюду, такъ какъ его за это могутъ арестовать, а другіе не желали его потому, что онъ вступилъ въ разговоры съ полиціймейстеромъ. Эти господа настаивали, что надо было силой войти въ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, предсѣдательствовалъ все таки Герасимовъ. Во время выборовъ публика вела себя очень бурно, такъ что явился опять полиціймейстеръ и заявилъ, что онъ объявляетъ собраніе незаконнымъ, такъ какъ оно нарушаетъ порядокъ и тишину, но другихъ мѣръ онъ не принялъ и сходка закончилась благополучно, хотя прошла довольно безсодержательно.

Описанныя выше событія внесли большое оживленіе, особенно подѣйствовало активное вмѣшательство рабочихъ въ общій хоръ протеста. Послѣ этого, по городу усиленно циркулировали слухи — въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается — что въ Саратовѣ сорганизованы большія массы рабочихъ, готовыхъ прекратить въ нужную минуту всѣ работы на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ.

Отношеніе къ протесту замѣтно перемѣнилось даже у самыхъ патентованныхъ реакціонеровъ. Мнѣ приходилось слышать отъ самыхъ „благонамѣренныхъ“ чиновниковъ, вмѣсто прежняго возмущенія „бунтовщиками“, откровенное признаніе, что „мы наканунѣ великихъ событій. Дай только Богъ, чтобы меньше крови пролилось“ и т. п.

Подлили масла въ огонь и безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, 22-го ученики техническаго училища прекратили занятія и потребовали возвращанія товарища, исключеннаго за участіе въ сходкѣ 21 го въ клубѣ). Директоръ обѣщалъ исполнить требованіе.

На утро (23 го) семинаристы отказались заниматься, собрались въ залѣ и также потребовали возвращенія товарищей, исключенныхъ за сентябрскій протестъ; къ этому были присоединены и другія мелкія требованія (удаленія инспектора Целебровскаго и пр.) Отказавшись исполнить требованія, начальство закрыло до Рождества 3, 4 и 5 классы, изъ которыхъ 40 человѣкъ, какъ организаторовъ забастовки, исключило безъ права поступленія; въ остальныхъ трехъ классахъ идетъ допросъ. Хотя семинаристами были выставлены только мѣстныя требованія, протестъ надо признать удавшимся, тѣмъ болѣе, что это первый случай открытаго протеста въ здѣшней семинаріи. Всѣ дѣйствовали (исключая одной части шестого класса) необыкновенно дружно и возбудили къ себѣ большое сочувствіе въ обществѣ.

Ростовъ на Дону. Либеральный банкетъ и пролетаріи. Въ воскресенье 5 декабря мѣстная адвокатура праздновала 40-лѣтіе реформы судебныхъ уставовъ. Приглашена была мѣстная интеллигенція и человѣкъ 25 рабочихъ. Всего — въ залѣ коммерческаго клуба — собралось 500 человѣкъ. Въ своей вступительной рѣчи предсѣдатель собранія, также какъ и предсѣдатель организаціонной комиссіи, выражали надежду, что всѣ ораторы будутъ пѣть въ униссонъ (въ программу вошло 10 ораторовъ, но разрѣшалось говорить и сверхъ программы), не нарушать правилъ гостепріимства (!) и ничѣмъ не омрачать праздника (!!) Говорили о народномъ представительствѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, свободѣ слова, печати, свободѣ совѣсти; о земствѣ, объ амнистіи политическимъ. Всѣ рѣчи — умѣренно либеральнаго характера. Только одинъ изъ нихъ рѣшился поставить точку надъ і и произнесъ слово конституція, встрѣченное громомъ апплодисментовъ. Всѣ они надѣятся на воцареніе въ самомъ скоромъ будущемъ свободы, равенства и братства.

Уже послѣ рѣчи 2-го оратора изъ толпы — человѣкъ 200 стояло возлѣ роскошно сервированнаго стола — выступаетъ ораторъ, прося у предсѣдателя позволенія прочесть, вынесенную на цѣломъ рядѣ собраній, резолюцію рабочихъ. Предсѣдатель возмутился нарушеніемъ порядка, несоблюденіемъ правилъ гостепріимства (!!) и, не смотря на указаніе на то, что собравшіеся на улицѣ рабочіе ждутъ на холодѣ когда будетъ прочтена ихъ резолюція, что ихъ разгонитъ полиція, онъ ни слова этому, ни слова къ порядку другому оратору не далъ.

„Вѣдь они-жъ на улицѣ; пусть собираются гдѣ хотятъ“, сказалъ предсѣдатель. По окончаніи програмной части, резолюція все таки была прочитана.

Начался ужинъ. Рѣчи продолжались. Слово взялъ великолѣпный ораторъ — соціальдемократъ, участникъ петербургскаго банкета. „Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами за то, что буду говорить въ то время, какъ вы будете ѣсть (хохотъ); а затѣмъ позволю себѣ подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ Питерскаго банкета, предсѣдателемъ котораго былъ тамъ Короленко“.

Разсказавъ подробно о петербургскомъ банкетѣ и обращаясь къ либераламъ, ораторъ сказалъ: Вы чуть было не поступили дурно. Вы не хотѣли выслушать резолюцію рабочихъ и чуть не прогнали представителя пролетаріата. Вы думаете добиться свободы сидя здѣсь за вкусными яствами, заставляя людей, кровью своей купившихъ вамъ возможность свободно разговаривать, — мокнуть подъ дождемъ. Свободы вамъ не дадутъ, пока вы не присоединитесь къ пролетаріату для совмѣстной активной борьбы. Затѣмъ онъ прочелъ стихи Тана „Свобода“, не пропущенные цензурой даже теперь“.

Рѣчь произвела страшно сильное впечатлѣніе, либералы хлопали до изнеможенія, а крайніе прерывали рѣчь своими „поговорками“. Говорило еще 2 с.-д. Одинъ изъ нихъ прочелъ свои стихи.

Настроеніе росло и росло, а какъ только рабочіе запѣли Варшавянку, раздался возгласъ: „встаньте, поютъ народный гимнъ“. Почти всѣ встали и слушали все время стоя.

Такъ какъ с.-д—ту дали слово лишь послѣ окончанія программы, когда резолюція либераловъ была уже прочитана, то публика, въ сущности, не разбиралась въ вопросѣ (правда с.-д. своей резолюціи въ бюро не представили) и подписывалъ, сама не зная что.

Когда извѣстный въ городѣ адвокатъ-юдофобъ Севастьяновъ съ рюмкой въ рукѣ произносилъ свою рѣчь, одинъ рабочій крикнулъ: „оставь рюмку, мы голодны“.

На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100. Нѣсколько человѣкъ, разбрасывавшихъ прокламаціи, арестовали, остальныхъ разогнали. — Карловъ (жандармскій полковникъ), полиціймейстеръ и помощникъ его все время сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Было много переодѣтыхъ шпиковъ. Главные ораторы скрылись.

Одесса. Въ дополненіе къ помѣщенной въ № 79 корреспонденціи, приводимъ болѣе подробное изложеніе событій, составленное на основаніи десятка полученныхъ изъ Одессы писемъ.

20 ноября, вечеромъ, состоялся „банкетъ“ въ Благородномъ Собраніи, на которомъ присутствовало до 400 либераловъ. Еще до банкета либераламъ стало извѣстно, что опредѣленная группа лицъ проектируетъ предложить свою собственную демократическую резолюцію, выражающую интересы рабочаго класса и расходящуюся съ постановленіями земскаго съѣзда. Испуганные этимъ обстоятельствомъ, либералы въ самомъ началѣ банкета отнеслись крайне враждебно къ кучкѣ „нахаловъ“, какъ кто-то изъ нихъ выразился, сидѣвшихъ за самымъ лѣвымъ столомъ въ числѣ 50, и вступили въ переговоры съ этой группой участниковъ. „Господа, говорили они, вы хотите намъ сорвать банкетъ, это политическая безтактность, вы вносите въ общее дѣло дезорганизацію. Это собраніе имѣетъ опредѣленную цѣль, именно исключительно поддержаніе земскихъ резолюцій, и всѣ явились сюда, только съ этой цѣлью и должны были придти сюда или вовсе не приходить“. Въ отвѣтъ на это, имъ было заявлено 1) что эти переговоры запоздали, такъ какъ имъ задолго до банкета было предложено совмѣстно со всѣми политическими группами организовать банкетъ и тогда бы не пришлось въ настоящую минуту бесѣдовать, но что на это предложеніе либералы не дали отвѣта; 2) что данная группа смотритъ на этотъ банкетъ, какъ на собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, поэтому всѣ тѣ, которые берутъ на себя защиту интересовъ рабочаго класса, наравнѣ со всѣми прочими, вправѣ считать себя хозяевами на этомъ банкетѣ и 3) что данная группа смотритъ на всякое общественное собраніе, какъ на мѣсто для выраженія своего отношенія къ кореннымъ вопросамъ русской жизни и долгъ ихъ заключается въ открытомъ проведеніи своей точки зрѣнія, диктовать же имъ тему для обсужденія никто не можетъ и въ 4) срывать банкета они и не думаютъ, если же либеральная публика разбѣжится при заявленіи имъ минимальныхъ требованій соц.-демократической программы, то за этотъ актъ трусости данная группа менѣе всего можетъ быть отвѣтственна. Послѣ долгихъ преній, остановились на томъ, что полемизировать не будутъ, но мотивированное заявленіе демократическихъ требованій будетъ предложено присутствующимъ. Публика, около 500 человѣкъ, заняла мѣста въ главномъ залѣ. Вдругъ около 10½ часовъ неожиданно раздался громко взволнованный голосъ: „Граждане, именемъ пролетаріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія“... Это говорилъ молодой человѣкъ, въ которомъ нетрудно было узнать пролетарія. Многіе вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, а либералы-распорядители бросаются къ эстрадѣ съ крикомъ: „долой отсюда, вонъ, это еще что за безобразіе, вонъ, вонъ!“ болѣе же рьяный изъ нихъ шелъ дальше: „такъ соціальдемократы уважаютъ свободу; это они провели его сюда, вонъ, подлецы, и прочее“. Кончилось тѣмъ, что депутату рабочихъ обѣщали дать слово въ очередь. Первую рѣчь произнесъ городской голова, Зеленый. Онъ много говорилъ о судебной реформѣ, о томъ, что ею мы обязаны Александру II, память котораго предложилъ почтить вставаніемъ. Всѣ, за исключеніемъ лѣваго стола, встали, тѣ же немногіе изъ протестующихъ, которые были въ сторонѣ отъ своихъ стульевъ, низко опустили головы. За первою рѣчью посыпался цѣлый рядъ либеральныхъ рѣчей, а слово депутату такъ и не давалось. Явилось подозрѣніе, что ему не хотятъ дать слова, кто то заглянулъ въ списокъ ораторовъ и, дѣйствительно, оказалось, что депутатъ не записанъ. Тогда лѣвый столъ послалъ сказать предсѣдателю, что если онъ не дастъ имъ слова, они будутъ протестовать. Тогда дано было слово одному изъ нихъ, который произнесъ прекрасную рѣчь. Онъ началъ съ того, что здѣсь произнесено было много хорошихъ, красивыхъ рѣчей, много наговорили либеральныхъ словъ, но никто не остановился на томъ, кому собственно они обязаны этой возможностью высказывать свои либеральные взгляды. Напомнилъ имъ, что ихъ высказыванія зависятъ отъ „погоды“, въ то время какъ другой классъ людей высказывался всегда откровенно, рѣзко и опредѣленно во всякую „погоду“, чѣмъ и проложилъ дорогу всему современному либеральничанію. Этотъ классъ — рабочій классъ. Онъ растетъ и ширится и если они — либералы — хотятъ чего-нибудь достигнуть, они должны прислушиваться къ тому, чего хочетъ, чего требуетъ этотъ классъ. Прежде всего, онъ требуетъ поправокъ и дополненій къ резолюціи, выработанной на земскомъ съѣздѣ, именно: 1) немедленнаго прекращенія войны, 2) осуществленія въ законодательномъ порядкѣ всей демократической программы.

За нимъ говорилъ рабочій отъ имени пролетаріата (рѣчь помѣщена въ 79 № „Искры“). Либералы перерывали его криками „довольно, довольно“, но съ другой стороны, раздавалось: „просимъ, продолжайте“ и ораторъ, выругавъ либераловъ трусами, продолжалъ рѣчь. Затѣмъ заговорилъ Драго, гласный думы, который началъ съ того, что очень радъ видѣть здѣсь представителей пролетаріата, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы выслушать ихъ мнѣнія, хотя и находитъ ихъ слишкомъ нетерпимыми къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ; въ этомъ отношеніи совсѣмъ другое замѣчается у либераловъ; взять хо-

[illegible]омъ, вытащить свою телѣгу изъ той трясины, въ которую [illegible], повидимому, попала — по чьей винѣ, все равно. Партіи необходимо, ей „до зарѣзу“ нужно, чтобы *именно въ Петербургѣ* въ настоящій моментъ дѣйствовала живая, подвижная, иниціативная и продуманно подготовляющая свои боевыя операціи организація.

Петербургскій „фортъ Шаброль“. 1-го декабря произошла невѣроятная исторія въ Политехникумѣ. Ночью въ зданіе Политехническаго института прибыло человѣкъ 25 жандармовъ для совершенія обыска въ институтѣ.

Институтъ вмѣстѣ съ Лѣснымъ находятся верстахъ въ 15 отъ города. Студентовъ въ общежитіи человѣкъ 1500. Они не пустили жандармовъ, тѣ къ директору, онъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ ихъ пустить на основаніи устава, но проситъ ихъ не входить. Жандармы настаивали — тогда онъ сказалъ, что за студентовъ не ручается. Все происходило въ присутствіи толпы студентовъ. Жандармы вошли и начали обыскъ. Вдругъ потухло электричество и жандармовъ заперли въ чертежной, исколотили изрядно и вышибли изъ зданія. Мгновенно собрана была сходка и при участіи профессоровъ было рѣшено не пускать полицію въ зданіе. Съ флагами, съ пѣснями толпа пошла въ Лѣсной институтъ, разбудила студентовъ и попросила помощи, тѣ присоединились къ Политехникамъ и пошли назадъ. Въ это время стало извѣстно, что ѣдетъ конная полиція. Тотчасъ же были устроены баррикадные рвы, вооружились сѣрной кислотой, поставили насосы высокаго давленія. Былъ выбранъ Комитетъ охраны;— начали готовить динамитныя бомбы, но полиція испугалась и ушла. Тотчасъ же собрался совѣтъ профессоровъ и была вынесена резолюція, что при существующемъ порядкѣ вещей, когда личность и жилище не гарантированы и когда полиція имѣетъ такую большую власть, не можетъ правильно продолжаться учебная дѣятельность, и потому совѣтъ черезъ министра требуетъ гарантій свободы личности и жилища и т. д.

Москва. 5 декабря (частное). Только что вернулся съ демонстраціи, которая назначена была въ 1 часъ дня 5 декабря на Тверской улицѣ. Въ 1 ч. 10 м. быстро собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выкинули знамена и съ пѣніемъ „Марсельезы“ пошли вверхъ по Тверской къ дому губернатора. Полиція сперва почти совершенно отсутствовала, но потомъ появился передъ нами отрядъ городовыхъ, человѣкъ въ 20. Толпа не обратила на нихъ вниманія и пошла на нихъ, городовые же мирно пошли передъ демонстрантами. Такое шествіе продолжалось нѣсколько минутъ. Городовые вдругъ сразу повернули назадъ и съ обнаженными шашками бросились на толпу. Этотъ первый натискъ полиціи былъ встрѣченъ палками и городовыхъ въ первый моментъ оттѣснили, но изъ дворовъ сосѣднихъ домовъ на демонстрантовъ кинулись еще городовые и началась настоящая бойня. Полиція рубила направо и налѣво не разбирая ни пола, ни возраста. Толпа не оказала почти что никакого сопротивленія и бросилась бѣжать. Раненные и падавшіе безъ сознанія отъ ударовъ плашмя по головѣ образовали груду тѣлъ. Товарищи бросились поднимать и вносить въ сосѣдніе магазины, но нѣсколько человѣкъ осталось лежать на мостовой. Меня окружили четыре здоровыхъ городовыхъ и принялись колотить шашками. Цѣлъ я остался лишь благодаря тому, что на головѣ у меня была мѣховая шапка, которую они не смогли прорубить, а въ рукахъ основательная дубинка, фунтовъ 5-6. Домой я вернулся почти что цѣлъ и невредимъ, только немного побаливаетъ голова.

Водворяя порядокъ, городовые страшно озвѣрѣли, рубили безъ всякой пощады, у тѣхъ же, которые били плашмя, шашки были совершенно изогнуты ударами дубинокъ. Вижу, напримѣръ, такую сцену: околодочный стрѣляетъ въ упоръ по толпѣ 5 разъ изъ револьвера, но, очевидно, стрѣлялъ холостыми, т. к. никто не падалъ. Въ другомъ мѣстѣ студентъ зацѣпился за ограду и 5 городовыхъ бьютъ его шашками. Дальше околодочный ударилъ со всего размаху шашкой курсистку такъ, что она падаетъ безъ чувствъ на землю. Подобныхъ случаевъ безъ конца. Посторонняя публика вела себя хорошо. На Тверскомъ бульварѣ арестовали человѣкъ 10, въ Леонтьевскомъ же переулкѣ забрали толпу человѣкъ въ 150.

(Судя по правительственному сообщенію, эта демонстрація организованна мѣстнымъ комитетомъ партіи соц.-рев., листокъ котораго, призывающій на демонстрацію, присланъ намъ. *Ред.*)

Москва. 6-го декабря, на слѣдующій день послѣ избіенія студентовъ, около того опять публика стала стекаться на улицы, на этотъ разъ самая разнообразная, встрѣчалось очень много рабочихъ. Настроеніе было страшно возбужденное. Полиція оттѣсняла толпу на Страстную площадь, несмотря на то, что не было ни пѣнія, ни флаговъ, стала бить ее шашками, часть вогнала во дворъ и тутъ въѣхали казаки, послѣ чего были вызваны кареты медицинской помощи. При малѣйшей группировкѣ, конные казаки съ гикомъ ее разгоняли. Въ это время, часамъ къ 2-мъ, въ Кремлѣ у Краснаго Крыльца собралось около ***200 рабочихъ*** и прочли публикѣ резолюцію: „Мы — рабочіе съ 22 заводовъ и фабрикъ — съ Краснаго Крыльца Кремлевскаго дворца провозглашаемъ гибель самодержавнаго строя и борьбу за царство соціализма и свободы.“ Въ толпѣ здѣсь было нѣсколько сотъ человѣкъ — сочувствующихъ и зѣвакъ. Демонстранты спокойно разошлись группами. Дѣло обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Саратовъ 24 XI. Въ Саратовѣ сейчасъ творится нѣчто невиданное и непонятное. Царитъ полная свобода собраній и слова. Началось это такъ: 5 ноября, т. е. наканунѣ открытія земскаго съѣзда въ Петербургѣ, у насъ въ первоклассной гостиницѣ („Россія“) былъ устроенъ банкетъ съ ужиномъ, почему за входъ пришлось платить по 2 рубля. Билеты раздавались только по рекомендаціи. Говорились довольно свободныя, но вообще, тоже черезъ чуръ „парламентскія“ рѣчи о свободѣ личности, совѣсти, печати и т. д. Въ результатѣ былъ выработанъ привѣтственный адресъ земскому съѣзду въ довольно демократическомъ духѣ. Подписалось подъ этой телеграммой 319 челов., всего на банкетѣ было человѣкъ 400, изъ нихъ оказалось 3 предводителя дворянства, 1 предсѣдатель уѣзд. зем. упр., 38 инженеровъ, 19 купцовъ, большею изъ думцевъ, 16 учителей, 3 рабочихъ, 1 крестьянинъ, много врачей, адвокатовъ и т. д., и 1 мѣщанскій староста.

Адресъ дошелъ по назначенію и, говорятъ, произвелъ на съѣздѣ фуроръ своими подписями. Затѣмъ 15 XI въ помѣщеніи фельдшерской школы, въ засѣданіи родительскаго кружка секціи дѣтской гигіены Саратовскаго аптекарскаго общества, сначала былъ прочитанъ некрологъ Бунакова, а затѣмъ разговоръ перешелъ на земскій съѣздъ, были прочитаны резолюціи съѣзда, потомъ прочли проектъ конституціи, выработанный кружкомъ какихъ-то умѣренныхъ либераловъ; перешли къ критическому разбору проекта; говорили интеллигенты и рабочіе; всѣ отнеслись къ этому проекту очень несочувственно, такъ какъ онъ сохранялъ монархію и только ограничивалъ ее; центральное законодательное учрежденіе должно было, по этому проекту, состоять изъ выборныхъ представителей отъ земствъ и думъ, избираемыхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Въ заключеніе были выработаны резолюціи о необходимости созыва учредительнаго собранія, прекращенія войны и т. д.

Наконецъ, вчера, 20 ноября, совершилось нѣчто совершенно неожиданное: юристы устроили банкетъ, опять въ гостиницѣ (платный), гдѣ присутствовало до 700 чел., а демократическая публика устроила свое собраніе безъ всякаго разрѣшенія и внѣшняго легальнаго повода, въ народной чайной на „Верхнемъ базарѣ“. Собралось сюда до 1.000 челов. (рабочихъ, интеллигенціи, учащихся). Рѣчи говорились вполнѣ свободныя, причемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-дем., другіе — въ духѣ с.-рев. Говорили прямо, безъ обиняковъ; *вещи называли своими именами*, и тутъ *впервые* опредѣленно высказались за *демократическую республику*. Тутъ опять занимались очень много критикой, и довольно рѣзкой, либераловъ. Когда были выработаны резолюціи, рѣшено было черезъ представителей сообщить ихъ юристамъ, присутствующимъ на своемъ банкетѣ, что и было исполнено послѣ нѣкоторой борьбы, такъ какъ многіе не хотѣли вступать съ ними ни въ какія сношенія (считая ихъ представителями либеральной партіи). Между прочимъ, собраніе, по предложенію одной особы, почтило вставаніемъ Сазонова.

Справедливость требуетъ прибавить, что сходка была организована недостаточно умѣло: ораторы часто повторяли другъ друга, и не говорили обо многомъ существенномъ; особенно ничего не было сказано о томъ, что сейчасъ надо *дѣлать*. Затѣмъ во всѣхъ разговорахъ о либералахъ сильно сквозитъ полное смѣшеніе программы съ тактикой и практической политикой. Большинство совершенно забыло тотъ пунктъ соціальдемократической программы, который гласитъ, что соц.-дем. поддерживаетъ всякое прогрессивное движеніе до тѣхъ поръ, пока и т. д.; всѣ твердятъ, что съ либералами нельзя и ненадо имѣть ничего общаго, что съ ними надо бороться и т. д.

Вообще, оживленіе въ городѣ сильное. Когда собралась въ чайной сходка, то гдѣ-то по близости были спрятаны вооруженные солдаты (чел. 40) и казаки. Во время собранія туда вошелъ было приставъ, но его попросили уйти и онъ ушелъ. Ко времени окончанія, у выхода стояли два-три старшихъ чина и нѣсколько городовыхъ, но ничего не предпринимали и сходка мирно, чинно и солидно разошлась. На дняхъ предполагается организовать еще нѣсколько такихъ сходокъ.

Текстъ телеграммы участниковъ банкета юристовъ, посланной министру юстиціи за подписью 575 человѣкъ:

„Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго правосудія, мы признаемъ, что великія идеи, которыя стремились провести въ жизнь творцы судебной реформы, не только не осуществились и не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, подрывались, повидимому случайными, но въ дѣйствительности представлявшими своеобразную стройную систему, урѣзками и вставками. Эта система въ корнѣ подорвала истинныя основы правосудія: равенство суда для всѣхъ, его гласность, участіе въ немъ народа, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, независимость коронныхъ судей, и преслѣдованіе только по суду всѣхъ преступленій, независимо отъ ихъ характера и отъ общественнаго положенія преступника. Поэтому, мы выражаемъ убѣжденіе, что, независимо отъ смѣны лицъ и направленій призываемыхъ руководить судебнымъ строемъ, правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь при условіи законодательной гарантіи и свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, и при участіи въ законодательствѣ страны выборныхъ народныхъ представителей.“

Резолюціи, выработанныя сходкой въ народной чайной:

1. Созывъ учредительнаго собранія на почвѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права и тайной подачи голосовъ.
2. Немедленное прекращеніе войны.
3. Амнистія всѣмъ политическимъ.

Эти резолюціи тремя депутатами были доставлены на банкетъ юристовъ, гдѣ были прочитаны и встрѣчены единодушными громкими аплодисментами.

21 XI въ залѣ коммерческаго собранія, послѣ литературнаго вечера, была устроена сходка на подобіе описанной, но прошла не достаточно удачно и не въ полномъ порядкѣ. Тутъ публика опять показала себя невоспитанной въ политическомъ отношеніи. Дѣло произошло такъ: ко времени окончанія литературно-музыкальной части вечера къ коммерческому собранію собралась толпа рабочихъ, желая войти внутрь, такъ какъ они слышали, что тамъ состоится совѣщаніе. Полиціймейстеръ не пускалъ ихъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ. Тогда вышелъ нѣкто Герасимовъ, сотрудникъ „Саратовскаго Листка“, предсѣдательствовавшій на сходкахъ въ фельдшерской школѣ и народной чайной, и вступилъ въ переговоры съ полиціймейстеромъ. Онъ поручился за то, что въ собраніи будетъ соблюденъ порядокъ и тогда полиціймейстеръ впустилъ толпу и на время стушевался. Начались выборы предсѣдателя: одни хотѣли выбрать непремѣнно Герасимова, другіе не хотѣли; изъ нежелавшихъ видѣть его предсѣдателемъ одни говорили, что неудобно одному и тому же человѣку выставляться всюду, такъ какъ его за это могутъ арестовать, а другіе не желали его потому, что онъ вступилъ въ разговоры съ полиціймейстеромъ. Эти послѣдніе настаивали, что надо было силой войти въ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, предсѣдательствовать все таки Герасимову. Во время выборовъ публика вела себя очень бурно, такъ что явился опять полиціймейстеръ и заявилъ, что онъ объявляетъ собраніе незаконнымъ, такъ какъ оно нарушаетъ порядокъ и тишину, но другихъ мѣръ онъ не принялъ, и сходка закончилась благополучно, хотя прошла довольно безсодержательно.

Описанныя выше событія внесли большое оживленіе, особенно подѣйствовало активное вмѣшательство рабочихъ въ общій хоръ протеста. Послѣ этого по городу усиленно циркулировали слухи, въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается, что въ Саратовѣ организованы большія массы рабочихъ, готовыхъ прекратить въ нужную минуту всѣ работы на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ.

Отношеніе къ протесту замѣтно перемѣнилось даже у самыхъ патентованныхъ реакціонеровъ. Мнѣ приходилось слышать отъ самыхъ „благонамѣренныхъ“ чиновниковъ, вмѣсто прежняго [illegible] „бунтовщиками“ откровенное признаніе, что „мы наканунѣ великихъ событій. Дай только Богъ, чтобы меньше крови пролилось“ и т. п.

Подлили масла въ огонь и безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, 22-го ученики техническаго училища прекратили занятія и потребовали возвращенія товарища, исключеннаго за участіе въ сходкѣ 21-го въ клубѣ. Директоръ обѣщалъ исполнить требованіе.

На утро 23-го семинаристы отказались заниматься, собрались въ залѣ и также потребовали возвращенія товарищей, исключенныхъ за сентябрьскій протестъ; къ этому были присоединены и другія мелкія требованія (удаленія инспектора Цеберовскаго и др.). Отказавшись исполнить требованія, начальство закрыло до Рождества 3, 4 и 5 классы, изъ которыхъ 40 человѣкъ, какъ организаторовъ забастовки, исключить безъ права поступленія, въ остальныхъ трехъ классахъ идетъ опросъ. Хотя семинаристами были выставлены только мѣстныя требованія, протестъ этотъ приходится признать внушительнымъ тѣмъ болѣе, что это первый случай открытаго протеста въ стѣнахъ семинаріи. Всѣ [illegible] классы необыкновенно дружно и возбудили къ себѣ большое сочувствіе въ обществѣ.

Ростовъ на Дону. Либеральный банкетъ и пролетаріи. Въ воскресенье 5 декабря мѣстная адвокатура праздновала 40-лѣтіе реформы судебныхъ уставовъ. Приглашена была мѣстная интеллигенція и человѣкъ 25 рабочихъ. Всего въ залѣ коммерческаго клуба собралось 500 человѣкъ. Въ своей вступительной рѣчи предсѣдатель собранія, также какъ и предсѣдатель организаціонной комиссіи, выражали надежду, что всѣ ораторы будутъ пѣть въ унисонъ (въ программу вошло 10 ораторовъ, но разрѣшалось говорить и сверхъ программы), не нарушать правилъ гостепріимства (!) и ничѣмъ не омрачать праздника (!). Говорили о народномъ представительствѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, свободѣ слова, печати, свободѣ совѣсти, земствѣ, объ амнистіи политическимъ. Всѣ рѣчи — умѣренно либеральнаго характера. Только одинъ изъ нихъ рѣшился поставить точку надъ і и произнесъ слово конституція, встрѣченное громомъ аплодисментовъ. Всѣ они надѣятся на воцареніе въ самомъ скоромъ будущемъ свободы, равенства и братства.

Уже послѣ рѣчи 2-го оратора изъ толпы — человѣкъ 200 — стоявшей вокругъ роскошно сервированнаго стола — выступилъ ораторъ, прося у предсѣдателя позволенія прочесть, вынесенную на цѣломъ рядѣ собраній, резолюцію рабочихъ. Предсѣдатель возмутился нарушеніемъ порядка, несоблюденіемъ правилъ гостепріимства (!!) и, не смотря на указаніе на то, что собравшіеся на улицѣ рабочіе ждутъ на холодѣ когда будетъ прочтена ихъ резолюція, что ихъ разгонитъ полиція, онъ ни слова этому, ни слова къ порядку другому оратору не далъ.

„Вѣдь они-жъ на улицѣ; пусть собираются гдѣ хотятъ“, сказалъ предсѣдатель. По окончаніи програмной части, резолюція все таки была прочитана.

Начался ужинъ. Рѣчи продолжались. Слово взялъ великолѣпный ораторъ — соціальдемократъ, участникъ петербургскаго банкета. „Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами за то, что буду говорить въ то время, какъ вы будете ѣсть (хохотъ); а затѣмъ позволю себѣ подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ Питерскаго банкета, предсѣдателемъ котораго былъ тамъ Короленко“.

Разсказавъ подробно о петербургскомъ банкетѣ и обращаясь къ либераламъ, ораторъ сказалъ: Вы чуть было не поступили дурно. Вы не хотѣли выслушать резолюцію рабочихъ и чуть не прогнали представителя пролетаріата. Вы думаете добиться свободы сидя здѣсь за вкусными яствами, заставляя людей, кровью своей купившихъ вамъ возможность свободно разговаривать, — мокнуть подъ дождемъ. Свободы вамъ не дадутъ, пока вы не присоединитесь къ пролетаріату для совмѣстной активной борьбы. Затѣмъ онъ прочелъ стихи Тана „Свобода“, не пропущенные цензурой даже теперь“.

Рѣчь произвела страшно сильное впечатлѣніе, либералы хлопали до изнеможенія, а крайніе прерывали рѣчь своими „чоговорками“. Говорило еще 2 с.-д. Одинъ изъ нихъ прочелъ свои стихи.

Настроеніе росло и росло, и какъ только рабочіе запѣли Варшавянку, раздался возгласъ: „встаньте, поютъ народный гимнъ“. Почти всѣ встали и слушали все время стоя.

Такъ какъ с.-д. — ту дали слово лишь послѣ окончанія программы, когда резолюція либераловъ была уже прочитана, то публика, въ сущности, не разбиралась въ вопросѣ (правда с.-д. своей резолюціи въ бюро не представили) и подписывалъ, сама не зная что.

Когда извѣстный въ городѣ адвокатъ юдофобъ Севастьяновъ съ рюмкой въ рукѣ произносилъ свою рѣчь, одинъ рабочій крикнулъ: „оставь рюмку, мы голодны“.

На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100. Нѣсколько человѣкъ, разбрасывавшихъ прокламаціи, арестовали, остальныхъ разогнали. — Карловъ (жандармскій полковникъ), полиціймейстеръ и помощникъ его все время сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Было много переодѣтыхъ шпиковъ. Главные ораторы скрылись.

Одесса. Въ дополненіе къ помѣщенной въ № 79 корреспонденціи, приводимъ болѣе подробное изложеніе событій, составленное на основаніи десятка полученныхъ изъ Одессы писемъ.

20 ноября, вечеромъ, состоялся „банкетъ“ въ Благородномъ Собраніи, на которомъ присутствовало до 400 либераловъ. Еще до банкета либераламъ стало извѣстно, что опредѣленная группа лицъ проектируетъ предложить свою собственную демократическую резолюцію, выражающую интересы рабочаго класса и расходящуюся съ постановленіями земскаго съѣзда. Испуганные этимъ обстоятельствомъ, либералы въ самомъ началѣ банкета отнеслись крайне враждебно къ кучкѣ „нахаловъ“, какъ кто-то изъ нихъ выразился, сидѣвшихъ за самымъ лѣвымъ столомъ въ числѣ 50, и вступили въ переговоры съ этой группой участниковъ. „Господа, говорили они, вы хотите намъ сорвать банкетъ, это политическая бестактность, вы вносите въ общее дѣло дезорганизацію. Это собраніе имѣетъ опредѣленную цѣль, именно исключительно поддержаніе земскихъ резолюцій, и всѣ явились сюда только съ этой цѣлью и должны были придти сюда или вовсе не приходить“. Въ отвѣтъ на это, имъ было заявлено 1) что эти переговоры запоздали, такъ какъ имъ задолго до банкета было предложено совмѣстно со всѣми политическими группами организовать банкетъ и тогда бы не пришлось въ настоящую минуту бесѣдовать, но что на это предложеніе либералы не дали отвѣта; 2) что данная группа смотритъ на этотъ банкетъ, какъ на собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, поэтому всѣ тѣ, которые берутъ на себя защиту интересовъ рабочаго класса, наравнѣ со всѣми прочими, вправѣ считать себя хозяевами на этомъ банкетѣ и 3) что данная группа смотритъ на всякое общественное собраніе, какъ на мѣсто для выраженія своего отношенія къ кореннымъ вопросамъ русской жизни и цѣль ихъ заключается въ открытомъ проведеніи своей точки зрѣнія; диктовать же имъ тему для обсужденія никто не можетъ и въ 4) срывать банкета они и не думаютъ; если же либеральная публика разбѣжится при заявленіи имъ минимальныхъ требованій соц.-демократической программы, то за этотъ актъ трусости данная группа менѣе всего можетъ быть отвѣтственна. Послѣ долгихъ преній, остановились на томъ, что полемизировать не будутъ, но мотивированное заявленіе демократическихъ требованій будетъ предложено присутствующимъ. Публика, около 500 человѣкъ, заняла мѣста въ главномъ залѣ. Вдругъ около 10½ часовъ неожиданно раздался громко взволнованный голосъ: „Граждане, именемъ пролетаріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія“... Это говорилъ молодой человѣкъ, въ которомъ нетрудно было узнать пролетарія. Многіе вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, а либералы-распорядители бросаются къ эстрадѣ съ крикомъ: „долой отсюда, вонъ, это еще что за безобразіе, вонъ, вонъ“. Болѣе же рьяный изъ нихъ пошелъ дальше: „такъ соціальдемократы уважаютъ свободу; это они провели его сюда, вонъ, подлецы, и прочее“. Кончилось тѣмъ, что депутату рабочихъ обѣщали дать слово въ очередь. Первую рѣчь произнесъ городской голова, Зеленый. Онъ много говорилъ о судебной реформѣ, о томъ, что ею мы обязаны Александру II, память котораго предложилъ почтить вставаніемъ. Всѣ, за исключеніемъ лѣваго стола, встали, тѣ же немногіе изъ протестующихъ, которые были въ сторонѣ отъ своихъ стульевъ, низко опустили головы. За первою рѣчью посыпался цѣлый рядъ либеральныхъ рѣчей, а слово депутату такъ и не давалось. Явилось подозрѣніе, что ему не хотятъ дать слова, кто-то заглянулъ въ списокъ ораторовъ и, дѣйствительно, оказалось, что депутатъ не записанъ. Тогда лѣвый столъ послалъ сказать предсѣдателю, что если онъ не дастъ имъ слова, они будутъ протестовать. Тогда дано было слово одному изъ нихъ, который произнесъ прекрасную рѣчь. Онъ началъ съ того, что здѣсь произнесено было много хорошихъ, красивыхъ рѣчей, много наговорили либеральныхъ словъ, но никто не остановился на томъ, кому собственно они обязаны этой возможностью высказывать свои либеральные взгляды. Напомнилъ имъ, что ихъ высказыванія зависятъ отъ „погоды“, въ то время какъ другой классъ людей высказывается всегда откровенно, рѣзко и опредѣленно во всякую „погоду“, чѣмъ и проложилъ дорогу всему современному либеральничанію. Этотъ классъ — рабочій классъ. Онъ растетъ и ширится и если они — либералы — хотятъ чего-нибудь достигнуть, они должны прислушиваться къ тому, чего хочетъ, чего требуетъ этотъ классъ. Прежде всего, онъ требуетъ поправокъ и дополненій къ резолюціи, выработанной на земскомъ съѣздѣ, именно: 1) немедленнаго прекращенія войны, 2) осуществленія въ законодательномъ порядкѣ всей демократической программы.

За нимъ говорилъ рабочій отъ имени пролетаріата (рѣчь помѣщена въ 79 № „Искры“). Либералы перерывали его криками „довольно, довольно“, но съ другой стороны раздавалось: „просимъ, продолжайте“ и ораторъ, выругавъ либераловъ трусами, продолжалъ рѣчь. Затѣмъ заговорилъ Драго, гласный думы, который началъ съ того, что очень радъ видѣть здѣсь представителей пролетаріата, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы выслушать ихъ мнѣнія, хотя и находитъ ихъ слишкомъ нетерпимыми къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ; въ этомъ отношеніи совсѣмъ другое замѣчается у либераловъ; взять хокомъ, вытащить свою телѣгу изъ той трясины, въ которую она, повидимому, попала — по чьей винѣ, все равно. Партіи необходимо, ей „до зарѣзу" нужно, чтобы *именно въ Петербургѣ* въ настоящій моментъ дѣйствовала живая, подвижная, инициативная и продуманно подготовляющая свои боевыя операціи организація.

Петербургскій „фортъ Шаброль". 1-го декабря произошла невѣроятная исторія въ Политехникумѣ. Ночью въ зданіе Политехническаго института прибыло человѣкъ 25 жандармовъ для совершенія обыска въ институтѣ.

Институтъ вмѣстѣ съ Лѣснымъ находятся верстахъ въ 15 отъ города. Студентовъ въ общежитіи человѣкъ 1500. Они не пустили жандармовъ, тѣ къ директору, онъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ ихъ пустить на основаніи устава, но проситъ ихъ не входить. Жандармы настаивали — тогда онъ сказалъ, что за студентовъ не ручается. Все происходило въ присутствіи толпы студентовъ. Жандармы вошли и начали обыскъ. Вдругъ потухло электричество и жандармовъ заперли въ чертежной, исколотили изрядно и вышибли изъ зданія. Мгновенно собрана была сходка и при участіи профессоровъ было рѣшено не пускать полицію въ зданіе. Съ флагами, съ пѣснями толпа пошла въ Лѣсной институтъ, разбудила студентовъ и попросила помощи, тѣ присоединились къ Политехникамъ и пошли назадъ. Въ это время стало извѣстно, что ѣдетъ конная полиція. Тотчасъ же были устроены баррикадные рвы, вооружились сѣрной кислотой, поставили насосы высокаго давленія. Былъ выбранъ Комитетъ охраны,— начали готовить динамитныя бомбы, но полиція испугалась и ушла. Тотчасъ же собрался совѣтъ профессоровъ и была вынесена резолюція, что при существующемъ порядкѣ вещей, когда личность и жилище не гарантированы и когда полиція имѣетъ такую большую власть, не можетъ правильно продолжаться учебная дѣятельность, и потому совѣтъ черезъ министра требуетъ гарантій свободы личности и жилища и т. д.

Москва. 5 декабря (частное). Только что вернулся съ демонстраціи, которая назначена была въ 1 часъ дня 5 декабря на Тверской улицѣ. Въ 1 ч. 10 м. быстро собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выкинули знамена и съ пѣніемъ „Марсельезы" пошли вверхъ по Тверской къ дому губернатора. Полиція сперва почти совершенно отсутствовала, но потомъ появился передъ нами отрядъ городовыхъ человѣкъ въ 20. Толпа не обратила на нихъ вниманія и пошла на нихъ. Городовые же мирно пошли передъ демонстрантами. Такое шествіе продолжалось нѣсколько минутъ. Городовые вдругъ сразу повернули назадъ и съ обнаженными шашками бросились на толпу. Этотъ первый натискъ полиціи былъ встрѣченъ палками и городовыхъ въ первый моментъ остановили, но изъ дворовъ сосѣднихъ домовъ на демонстрантовъ кинулись еще городовые и началось настоящее [illegible]. Полиція рубила направо и налѣво, не разбирая ни пола, ни возраста. Толпа не оказала почти что никакого сопротивленія и бросилась бѣжать. Раненые и падавшіе безъ сознанія отъ ударовъ шашками по головѣ [illegible] вали груду тѣлъ. [illegible] поднимать и вносить въ сосѣдніе магазины [illegible] на мостовой. Меня [illegible] городовыхъ [illegible] принялись колотить [illegible] благодаря тому, что на головѣ у меня была мѣховая шапка, которую они не смогли прорубить [illegible] фунтовъ 5 [illegible]. Домой я вернулся [illegible] только немного [illegible].

Водворяя [illegible] безъ всякаго [illegible] были совершены [illegible] такую цѣну [illegible] изъ револьвера [illegible] не падалъ. Въ другомъ мѣстѣ [illegible] 5 городовыхъ били [illegible] рилъ со всего размаху [illegible] етъ безъ чувствъ на землю. Подобныхъ случаевъ [illegible]. Посторонней публики [illegible]. На Тверскомъ бульварѣ арестовали [illegible] толпу человѣкъ въ [illegible].

(Судя [illegible] организованна [illegible] которая [illegible].)

Москва. [illegible] студентовъ [illegible] на этотъ [illegible] рабочихъ [illegible] оттѣсняли толпу [illegible] не было ни [illegible] вызвана [illegible] ровкѣ [illegible] часами [illegible] *200 рабочихъ* [illegible] 22 [illegible] фабрики [illegible] дворъ [illegible] за [illegible] скоро [illegible] страны [illegible] щатель [illegible].

Саратовъ 24 XI. [illegible] данные [illegible] На [illegible] съѣзда [illegible] („[illegible]" [illegible]) приглашеніе [illegible] рекомендаціи [illegible] черезъ [illegible] печати и [illegible] ный [illegible] духѣ. [illegible] на банкетѣ [illegible] дители [illegible] роев [illegible] чихъ [illegible] щанскій [illegible].

А[illegible] съѣздѣ [illegible] нія [illegible] секціи [illegible] сначала [illegible] вотъ перенести [illegible] съѣзда, [illegible] кружкомъ [illegible] критическому [illegible] чіе всѣ [illegible] такъ какъ [illegible] ее централизація [illegible] этому проекту [illegible] земства и думы [illegible] тельнаго права [illegible] необходимости [illegible] войны и т. д.

Наконецъ вчера [illegible] неожиданно [illegible] устроили банкетъ [illegible] платный, гдѣ присутствовало [illegible] публика устроила [illegible] внѣшняго легальнаго [illegible] „[illegible] базарѣ". Собралось [illegible] 1000 [illegible] рабочихъ, интеллигенціи, учащихся. Рѣчи [illegible] чемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-дем., другіе — въ духѣ с.-рев. Говорили прямо безъ обиняковъ [illegible]

своими именами, и тутъ *впервые* опредѣленно высказались за *демократическую республику*. Тутъ опять занимались очень много критикой, и довольно рѣзкой, либераловъ. Когда были выработаны резолюціи, рѣшено было черезъ представителей сообщить ихъ юристамъ, присутствующимъ на своемъ банкетѣ, что и было исполнено послѣ нѣкоторой борьбы, такъ какъ многіе не хотѣли вступать съ ними ни въ какія сношенія (считая ихъ представителями либеральной партіи). Между прочимъ, собраніе, по предложенію одной особы, почтило вставаніемъ Сазонова.

Справедливость требуетъ прибавить, что сходка была организована недостаточно умѣло: ораторы часто повторяли другъ друга, и не говорили обо многомъ существенномъ; особенно ничего не было сказано о томъ, что сейчасъ надо *дѣлать*. Затѣмъ во всѣхъ разговорахъ о либералахъ сильно сквозитъ полное смѣшеніе программы съ тактикой и практической политикой. Большинство совершенно забыло тотъ пунктъ соціальдемократической программы, который гласитъ, что соц.-дем. поддерживаетъ всякое прогрессивное движеніе до тѣхъ поръ, пока и т. д., всѣ твердятъ, что съ либералами нельзя и ненадо имѣть ничего общаго, что съ ними надо бороться и т. д.

Вообще, оживленіе въ городѣ сильное. Когда собралась [illegible] сходка, то тутъ по близости были спрятаны вооруженные солдаты (чел. 40) и казаки. Во время собранія туда вошелъ было приставъ, но его попросили уйти и онъ ушелъ. Ко времени окончанія у выхода стояли два-три старшихъ чина и нѣсколько городовыхъ, но ничего не предпринимали и сходка мирно, чинно и солидно разошлась. На дняхъ предполагается организовать еще нѣсколько такихъ сходокъ.

Текстъ телеграммы участниковъ банкета юристовъ, посланной министру юстиціи за подписью 575 человѣкъ:

„Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго правосудія, мы признаемъ, что великія идеи, которыя стремились провести въ жизнь творцы судебной реформы, не только не осуществились и не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, подрывались повидимому случайными, но въ дѣйствительности представлявшими своеобразную стройную систему урѣзками и [illegible]ами. Эта система въ корнѣ подорвала истинныя основы правосудія: равенство суда для всѣхъ, [illegible]ласность, участіе въ немъ народа въ лицѣ [illegible] засѣдателей, независимость коронныхъ судей и преслѣдованіе только по суду всѣхъ преступленій, независимо отъ ихъ характера и отъ общественнаго положенія преступника. Поэтому мы выражаемъ убѣжденіе, что независимо отъ [illegible] судебнымъ строемъ, правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь [illegible] и законодательной гарантіи свободы личности, слова, печати, собраній [illegible] и при участіи въ законодательствѣ [illegible] народныхъ представителей."

Ростовъ [illegible]

1. [illegible]

2. Немедленное [illegible]

3. Амнистія [illegible]

[illegible] депутатами [illegible] на банкетѣ [illegible]

[illegible]

Ростовъ на Дону. Либеральный банкетъ и пролетаріи. [illegible] скорѣе будемъ свободны, равенство и [illegible]

[illegible]

стояло вокругъ роскошно сервированнаго стола — выступилъ ораторъ, прося у предсѣдателя позволенія прочесть вынесенную на цѣломъ рядѣ собраній резолюцію рабочихъ. Предсѣдатель возмутился нарушеніемъ порядка, несоблюденіемъ правилъ гостепріимства (!!) и, не смотря на указаніе на то, что собравшіеся на улицѣ рабочіе ждутъ на холодѣ, когда будетъ прочтена ихъ резолюція, что ихъ разгонитъ полиція, онъ ни слова этому, ни слова къ порядку другому оратору не далъ.

„Вѣдь они-жъ на улицѣ; пусть собираются гдѣ хотятъ", сказалъ предсѣдатель. По окончаніи програмной части, резолюція все таки была прочитана.

Начался ужинъ. Рѣчи продолжались. Слово взялъ великолѣпный ораторъ — соціальдемократъ, участникъ петербургскаго банкета. „Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами за то, что буду говорить въ то время, какъ вы будете ѣсть (хохотъ); а затѣмъ позволю себѣ подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ Питерскаго банкета, предсѣдателемъ котораго былъ тамъ Короленко".

Разсказавъ подробно о петербургскомъ банкетѣ и обращаясь къ либераламъ, ораторъ сказалъ: „Вы чуть было не поступили дурно. Вы не хотѣли выслушать резолюцію рабочихъ и чуть не прогнали представителя пролетаріата. Вы думаете добиться свободы, сидя здѣсь за вкусными яствами, заставляя людей, кровью своей купившихъ вамъ возможность свободно разговаривать, мокнуть подъ дождемъ. Свободы вамъ не дадутъ, пока вы не присоединитесь къ пролетаріату для совмѣстной активной борьбы". Затѣмъ онъ прочелъ стихи Тана „Свобода", не пропущенные цензурой даже теперь.

Рѣчь произвела страшно сильное впечатлѣніе, либералы хлопали до изнеможенія, а крайніе прерывали рѣчь своими „[illegible]". Говорило еще 2 [illegible]. Одинъ изъ нихъ прочелъ свои стихи.

Настроеніе росло и росло, и когда только рабочіе запѣли Варшавянку, раздался возгласъ: „встаньте, поютъ народный гимнъ". Почти всѣ встали и слушали все время стоя.

Такъ какъ [illegible] окончанія программы [illegible] либераловъ была уже прочитана, то публика [illegible] не разбиралась въ вопросѣ, правда ли [illegible] пролетаріата, и подписывала, сама не [illegible].

Когда [illegible] Севастьяновъ [illegible] произносилъ свою рѣчь, одинъ рабочій крикнулъ: „[illegible]"

На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100. Нѣсколько человѣкъ [illegible] ихъ прокламаціи, арестовали, остальныхъ разогнали. [illegible] жандармскій полковникъ, полиціймейстеръ и помощникъ его все время сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Было много переодѣтыхъ шпіоновъ. Главные ораторы скрылись.

Одесса. Въ дополненіе къ помѣщенной въ № [illegible] корреспонденціи, приводимъ болѣе подробное изложеніе событій, составленное на основаніи десятка полученныхъ изъ Одессы писемъ.

20 ноября вечеромъ состоялся „банкетъ" въ Благородномъ Собраніи, на которомъ присутствовало до 400 либераловъ. Еще до банкета либераламъ стало извѣстно, что опредѣленная группа лицъ проектируетъ предложить свою собственную демократическую резолюцію, выражающую интересы рабочаго класса и расходящуюся съ постановленіями земскаго съѣзда. Испуганные этимъ обстоятельствомъ, либералы въ самомъ началѣ банкета отнеслись крайне враждебно къ кучкѣ „нахаловъ", какъ кто-то изъ нихъ выразился, сидѣвшихъ за самымъ лѣвымъ столомъ въ числѣ 50, и вступили въ переговоры съ этой группой участниковъ. „Господа, говорили они, вы хотите намъ сорвать банкетъ, это политическая бестактность, вы вносите въ общее дѣло дезорганизацію. Это собраніе имѣетъ опредѣленную цѣль, именно исключительно поддержаніе земскихъ резолюцій, и всѣ явились сюда только съ этой цѣлью и должны были прійти сюда или вовсе не приходить". Въ отвѣтъ на это имъ было заявлено 1) что эти переговоры запоздали, такъ какъ имъ задолго до банкета было предложено вмѣстѣ со всѣми политическими группами организовать банкетъ, и тогда бы не пришлось въ настоящую минуту бесѣдовать, но что на это предложеніе либералы не дали отвѣта, 2) что данная группа смотритъ на этотъ банкетъ, какъ на собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, и поэтому и тѣ, которые берутъ на себя защиту интересовъ рабочаго класса, наравнѣ со всѣми прочими вправѣ считать себя хозяевами на этомъ банкетѣ, и 3) что данная группа смотритъ на всякое общественное собраніе, какъ на мѣсто для выраженія своего отношенія къ очереднымъ вопросамъ русской жизни и [illegible] ихъ [illegible] въ открытомъ [illegible] всей [illegible] тему для обсужденія [illegible] банкета они и не думаютъ [illegible] либеральная публика разбѣжится при заявленіи имъ минимальныхъ требованій демократической программы, [illegible] трусости данная группа меньше всего можетъ быть отвѣтственна. Послѣ долгихъ преній остановились на томъ, что [illegible] мотивированное заявленіе демократическихъ требованій будетъ предложено присутствующимъ. Публика, около 400 человѣкъ, заняла мѣста въ главномъ залѣ. Вдругъ около 10 часовъ неожиданно раздался громко взволнованный голосъ: „Граждане, именемъ пролетаріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія" — это говорилъ молодой человѣкъ, въ которомъ нетрудно было узнать пролетарія. Многіе вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, а либералы-распорядители бросаются къ оратору съ крикомъ: „долой отсюда, вонъ, это [illegible] вонъ, вонъ". Болѣе же рѣзвый изъ нихъ [illegible] соціальдемократы [illegible] свободу, это [illegible] и пролет[illegible]". Кончилось тѣмъ, что [illegible] рабочихъ обѣщали дать слово въ очередь. Первую [illegible] городской голова [illegible] онъ много говорилъ [illegible] реформѣ [illegible] мы обязаны Александру [illegible], память котораго [illegible] почтить вставаніемъ. Всѣ [illegible] встали; [illegible] же немногіе изъ [illegible], которые [illegible] своихъ стульевъ. [illegible] рѣчью [illegible] пьяный видъ либерала [illegible] депутату такъ и не давалось [illegible] не хотѣли дать слова, что [illegible] дѣйствительно оказалось, [illegible] сказать [illegible] они будутъ [illegible] изъ нихъ, который [illegible] того, что здѣсь [illegible] красивыхъ рѣчей, много [illegible] не остановился на томъ, [illegible] возможности [illegible] называть [illegible]. Напомнилъ имъ, [illegible] высказыванія [illegible] въ то время какъ третій классъ [illegible] высказываетъ [illegible] опредѣленно [illegible] современное [illegible] рабочій классъ. [illegible] либералы [illegible] хотятъ [illegible] присоединиться къ тому, [illegible] онъ требуетъ [illegible] выработанной на [illegible] войны, [illegible] всей демократической программы.

[illegible] говорилъ [illegible] отъ имени пролетаріата (рѣчь помѣщена въ № [illegible]). [illegible] перерывали его криками [illegible] трусами, [illegible] Государственной думы, которые [illegible] представителей [illegible] того, чтобы [illegible] ихъ слишкомъ нетерпимыми къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ; въ этомъ [illegible] замѣчается у либераловъ; взять хотя бы его: онъ не скажетъ, чтобъ ему особенно нравились поправки, но, политическій тактъ требуетъ чтобы и онъ подписался подъ ними. Въ третьемъ часу ночи публика стала расходиться. Оказалось, что подъ земскими резолюціями, подписалось около 300 человѣкъ, подъ демократической — 116 человѣкъ. Резолюціи эти должны быть посланы Святополку-Мирскому, но до сихъ поръ это еще не сдѣлано.

Екатеринославъ. И у насъ „общество“ заразилось „весеннимъ“ воздухомъ. Вчера вечеромъ 28 ноября состоялся банкетъ, устроенный мѣстной интеллигенціей. Бывшій на съѣздѣ земецъ, предсѣдатель управы Родзянко, читалъ докладъ о съѣздѣ. Екатеринославскіе земцы нарочно выбрали Родзянко, принципіальнаго противника (на сколько у такихъ господъ могутъ быть принципы) всякихъ реформъ, настоящаго царскаго лакея (онъ камергеръ двора), и уполномочили его *непремѣнно* голосовать за конституцію. Какъ ни тяжко было это камергеру, онъ вынужденъ былъ исполнить порученіе. Въ „обществѣ“ открыто и увѣренно говорятъ о политической свободѣ. Либералы заявляютъ, что не сегодня — завтра начнется новая глава въ Русской исторіи. „Какъ,—горячатся они, неужели царь посмѣетъ не послушаться земцевъ, вѣдь это судъ земли, котораго „всегда слушались“.

Устроители банкета постарались, чтобы „черная публика“ не помѣшала имъ и не испортила ихъ радужное настроеніе, назначивъ за входъ достаточно высокую плату — 3 рубля.

Недалеко отъ зданія, въ которомъ происходилъ банкетъ, разъѣзжали верховые городовые...

Пили, ѣли, говорили и... даже не вынесли конституціонной резолюціи. На дняхъ здѣсь въ военно-окружномъ судѣ судили трехъ запасныхъ за участіе въ безпорядкахъ во время мобилизаціи; 1 приговоренъ къ 2-мъ годамъ арестантскихъ ротъ, другой къ $1\frac{1}{2}$ г., третій оправданъ и немедленно отправленъ на войну. Съ недѣлю назадъ было арестовано собраніе въ 49 чел. держали три дня и выпустили, были единичные аресты, взяли литературу.

Даже профессора!

Резолюція, вынесенная Совѣтомъ Профессоровъ Кіевскаго Политехникума 24 ноября 1904 года, по вопросу о студенческихъ безпорядкахъ.

„Останавливаясь на вопросѣ объ общихъ причинахъ студенческихъ волненій и мѣрахъ къ ихъ устраненію, Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было мѣропріятій, которыя могли бы гарантировать порядокъ и спокойствіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, пока поддерживаются общія условія нашей жизни съ характеризующими ихъ административнымъ произволомъ и безправіемъ личности. Совѣтъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что последнее время безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ повторяются ежегодно, независимо отъ частыхъ измѣненій въ настроеніи высшей администраціи, независимо отъ различій во внутреннемъ складѣ жизни того или другого учебнаго заведенія. Въ частности, внутренній распорядокъ Кіевскаго Политехникума всегда выгодно отличался отъ режима большинства высшихъ учебныхъ заведеній, и однако, и здѣсь безпорядки были явленіемъ не менѣе обычнымъ, чѣмъ и повсюду.

Политика министерства Ванновскаго также мало могла погасить безпорядки, какъ и суровыя мѣры предшествовавшаго министерства. Все это утверждаетъ въ одномъ основномъ убѣжденіи, которое для лицъ, стоящихъ близко къ академической жизни и задумывавшихся надъ судьбами высшаго образованія въ Россіи, давно уже стало аксіомой: причины студенческихъ безпорядковъ лежатъ въ общемъ государственномъ строѣ Россіи, не обезпечивающемъ общегражданскихъ правъ личности. Успѣшное развитіе высшаго образованія въ Россіи невозможно при существующемъ строѣ Россіи. Мы присутствуемъ при скорбномъ зрѣлищѣ постепеннаго вырожденія, непрерывнаго упадка русскаго просвѣщенія, что является необходимымъ слѣдствіемъ непрекращающихся безпорядковъ. И въ этомъ мы, стоящіе на стражѣ высшаго образованія, усматриваемъ серьезную національную и культурную опасность для Россіи, и считаемъ своимъ гражданскимъ и академическимъ долгомъ указать на эту связь упадка высшаго образованія съ общимъ безправіемъ личности въ Россіи.

На-дняхъ, собравшіеся въ Петербургѣ земскіе люди указали, въ качествѣ единственнаго средства обновленія русской жизни, на обезпеченіе правъ личности и утвержденіе правового порядка, въ частности на огражденіе свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова, собраній, уравненія общегражданскихъ и политическихъ правъ и, наконецъ, на участіе народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи, какъ на единственную возможность законнаго укрѣпленія этихъ правъ. Мы со своей стороны свидѣтельствуемъ, что только этимъ путемъ можетъ быть оздоровлена атмосфера въ академической жизни, возстановлено довѣріе между профессорами и студентами, ограждена истинная академическая автономія, прекращены безпорядки, нарушающіе правильность академической жизни. До тѣхъ же поръ, пока административный произволъ вырываетъ все новыя и новыя жертвы, какъ изъ среды студенчества, такъ и остальныхъ русскихъ гражданъ, пока общественная совѣсть оскорбляется фактами нарушенія личныхъ правъ, а иногда и физической неприкосновенности, пока гласность подавлена и самые жгучіе вопросы академической жизни вѣдаются лишь тайной канцеляріей, академическій вопросъ, подобно всѣмъ насущнымъ вопросамъ русской жизни, неразрѣшимъ.

Въ виду этого мы сочли обязанностью, какъ члены академической коллегіи и русскіе граждане, въ настоящій рѣшительный моментъ русской исторіи отмѣтить всю настоятельность коренной государственной реформы, заключающей въ себѣ и всѣ частныя реформы, въ томъ числѣ и академическую — именно — своевременность и необходимость введенія въ Россіи представительнаго образа правленія съ прочными гарантіями личныхъ и общественныхъ правъ, на основѣ равенства политическихъ правъ всѣхъ гражданъ.

Совѣтъ вполнѣ присоединяется, поэтому, къ голосу земскихъ людей и выражаетъ пожеланіе, чтобы постановленія земскаго съѣзда скорѣе нашли осуществленіе въ русской жизни.

Доводя до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства свои заключенія, Совѣтъ покорнѣйше проситъ довести ихъ и до свѣдѣнія госп. министра внутреннихъ дѣлъ“.

Настоящая резолюція является отвѣтомъ Совѣта Профессоровъ на сдѣланный ему телеграммой министра финансовъ запросъ о причинахъ бывшихъ въ институтѣ въ ноябрѣ „студенческихъ безпорядковъ“, о которыхъ министерству было сдѣлано донесеніе директоромъ института Зворыкинымъ.

Кіевъ. Прошлый годъ былъ періодомъ кризиса въ развитіи студенческаго движенія. Союзный Совѣтъ, издавна объединявшій радикальное студенчество въ университетѣ и руководившій его борьбой, вслѣдствіе дифференціаціи этого студенчества и образованія партійныхъ студенческихъ организацій, сталъ ареной борьбы между социальдемократами и соціалистами-революціонерами; при невыдержанности, даже полной неопредѣленности землячествъ, большинство въ немъ переходило отъ одного направленія къ другому. Это было причиной непостоянства и нерѣшительности его тактики, — это дискредитировало его въ глазахъ студенчества. Къ концу 1903 года онъ окончательно понялъ безполезность своего существованія и объявилъ себя распущеннымъ, согласно постановленію второго студенческаго съѣзда, незадолго до этого состоявшагося. Въ слѣдующемъ полугодіи было нѣсколько попытокъ возстановить Союзный Совѣтъ, оставшихся, однако, тщетными.

Какъ результатъ неудачи студенческаго движенія предыдущихъ лѣтъ, съ одной стороны, и небывалаго дотолѣ роста рабочаго движенія съ другой, у многихъ выработалось отрицательное отношеніе къ самостоятельному студенческому движенію. Сторонники этого взгляда считаютъ излишнимъ объединеніе студенческихъ организацій, носящихъ постоянный характеръ, и полагаютъ, что послѣднія должны стараться не только по духу своей программы примкнуть къ пролетарскому движенію, но и активно выступать только одновременно съ пролетаріатомъ. Крайніе же представители этого направленія не признаютъ вовсе студенческаго движенія и относятся отрицательно ко всѣмъ попыткамъ какого бы то ни было объединенія студентовъ.

Пока велись эти споры, организаціи усиленно занимались своей внутренней работой. Группа студентовъ соціальдемократовъ, пользующаяся наибольшей силой и вліяніемъ въ университетѣ, занятая рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи къ студенческому движенію, въ то же время энергично организовывала свои кружки, устанавливала свои отношенія къ мѣстному К. Р. С.-Д. Р. П. и т. д.

Между тѣмъ, высоко поднявшаяся волна общественнаго движенія и быстрое развитіе событій захватили и студенчество и положили конецъ спорамъ; необходимость протеста начиналась сознаваться всѣми. Удобнымъ поводомъ для него явился пріѣздъ Глазова.

Было созвано коалиціонное собраніе изъ представителей группы студентовъ соц.-дем., группы с.-р., Украинской студенческой громады, польской корпораціи, группы студентовъ Бунда и четырехъ землячествъ; задачей собранія была исключительно организація протеста по случаю пріѣзда Глазова; оно было лишено права вести какую бы то ни было агитацію. Делегаты партійныхъ организацій имѣли опредѣленные мандаты. Послѣ долгихъ споровъ, пришли къ соглашенію, какъ относительно формы протеста, такъ и относительно роли самого коалиціоннаго собранія. Группа студ. соц.-дем. повела усиленную агитацію. Коалиціонное собраніе выпустило приглашеніе собраться около 14 ой аудиторіи, указывая на слухъ о томъ, что „націоналисты“ готовятся поднести привѣтственный адресъ Глазову отъ имени всѣхъ студентовъ. Коалиціонное собраніе не знало въ точности настроенія студенчества, поэтому, рѣшилось прямо звать студентовъ на сходку въ традиціонную въ этомъ отношеніи XIV аудиторію, разсчитывая, въ случаѣ недостаточнаго количества для сходки, удовольствоваться корридорной манифестаціей, гдѣ недостатокъ активнаго элемента могъ бы возмѣститься любопытными. Но опасенія оказались напрасными, и XIV аудиторія наполнилась студентами, прямо направившимися въ нее. Во все время сходки участниковъ было не менѣе 600 человѣкъ.

Послѣ выбора предсѣдателя, начались рѣчи. Ораторы сразу приступили къ обсужденію положенія дѣлъ въ странѣ, о формальномъ же поводѣ сходки (адресъ націоналистовъ) не было сказано ни слова, хотя одинъ изъ участниковъ и настаивалъ на томъ, чтобы не отклоняться отъ предмета, указаннаго въ приглашеніи коалиціоннаго собранія. Всѣ рѣчи, за исключеніемъ двухъ, были въ строго соціальдемократическомъ духѣ, такъ что въ студенчествѣ осталось безспорно впечатлѣніе, что сходка создана соціальдемократами. Одна изъ не соціальдемократическихъ рѣчей была въ духѣ с.-р., другая же носила характеръ полной политической неопредѣленности. Другіе ораторы говорили о роли рабочаго движенія въ общественной жизни Росссіи, о ростѣ его, о паденіи самодержавія, близость котораго чувствуется всѣми; рѣзко отзывались о „новомъ курсѣ“ и предательской политикѣ либерализма... По выслушаніи ораторовъ, была принята par acclamation резолюція, опубликованіе которой было поручено сходкой коалиціонному собранію. Было предложено еще дополненіе къ ней, въ которомъ проводились террористическіе принципы, но оно не голосовалось сходкой, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ“: въ аудиторію ворвалась полиція.

Съ самаго начала сходки, явился инспекторъ, чтобы мѣрами увѣщанія прекратить ее. Началъ съ просьбы не требовать войны: „Подумайте, господа, кому она нужна“? Такое начало вызвало гомерическій хохотъ у всѣхъ и заставило смолкнуть сасамого инспектора и такъ удручающе подѣйствовало на него, что онъ не могъ больше произнести ничего внятнаго. Послѣ его дебюта на сцену явился ректоръ. Предсѣдателю стоило большихъ трудомъ сдержать студентовъ, не желавшихъ слушать старую лису. Ректоръ заговорилъ о томъ, чтобы пожалѣли себя, пожалѣли товарищей, пожалѣли науку, которую оскорбляютъ такія сборища, наконецъ, умолялъ, со слезами на глазахъ, пожалѣть его самого, его сѣдину. Онъ грозилъ разными циркулярами и просилъ не заставлять его прибѣгать къ крайнему средству — полиціи.

Конечно, вся эта комедія не имѣла никакого результата, лишь кое гдѣ можно было замѣтить, какъ нѣкоторыя заячьи души пробирались къ дверямъ... Сходка близилась къ концу, уже была принята резолюція, какъ въ двери стремительно ворвалась полиція съ обнаженными шашками. Среди нѣкоторой части собравшихся произошла паника; раздались кое гдѣ крики „рубятъ“, и устрашенные ринулись, выломавъ дверь, въ сосѣднюю аудиторію, четыре человѣка даже спустились по водосточной трубѣ съ третьяго этажа. Въ суматохѣ одному студенту шашкой перерѣзали сухожиліе кисти руки. Но, къ счастью, паника тотчасъ прекратилась, пытавшіеся бѣжать вернулись обратно; воцарился порядокъ и предсѣдатель снова могъ исполнять свои обязанности.

Во главѣ полиціи былъ полиціймейстеръ Цихоцкій, который заявилъ сходкѣ, что явился по приглашенію ректора съ полномочіемъ отобрать входные билеты и переписать всѣхъ участниковъ сходки. Сходка, въ лицѣ предсѣдателя, отвѣтила энергичнымъ отказомъ, потребовала немедленнаго удаленія полиціи и вызова въ аудиторію министра, засѣдавшаго у попечителя. Полиціймейстеръ заявилъ, что собственной властью онъ ни того, ни другого сдѣлать не можетъ, отъ передачи же требованія сходки министру также отказался. Нѣкоторыми изъ участниковъ сходки было предложено послать делегацію къ министру съ извѣщеніемъ о томъ, что происходитъ въ университетѣ, но это предложеніе съ негодованіемъ было отклонено сходкой. Удалившійся на нѣкоторое время полиціймейстеръ, явился вновь и заявилъ, что онъ по распоряженію попечителя даетъ возможность безпрепятственно разойтись сходкѣ, что и произошло, когда полиція была удалена изъ стѣнъ университета.

Маленькая подробность. Когда полиція явилась въ аудиторію, гдѣ происходила сходка, значительное количество студентовъ, до того момента не принимавшихъ въ ней участія, направились къ аудиторіи съ желаніемъ присоединиться къ участникамъ сходки, но не были допущены полиціей. Послѣ сходки націоналисты не рѣшились преподнести адреса министру не только отъ имени всего университета, но даже отъ своего собственнаго.

Какъ на прямой результатъ сходки, можно указать на возросшее еще больше вліяніе группы студ. Соц.-Дем., выразившееся, напримѣръ, въ многочисленныхъ просьбахъ студентовъ принять ихъ въ ея кружки.

Казань. Демонстрація 5 ноября вызвала среди мѣстнаго студенчества сильное броженіе. Почти каждый день собираются курсовыя сходки и принимаются резолюціи, въ которыхъ, главнымъ образомъ, требуютъ возвращенія въ университетъ товарищей, уничтоженія инспекціи вообще и удаленія инспектора Орловскаго въ частности. Эти общія требованія поддерживаются всѣми курсами, за исключеніемъ двухъ-трехъ, какъ напримѣръ, 5 медицинскаго, самаго консервативнаго въ университетѣ. Нѣкоторыми же курсами юридическаго и естественнаго факультетовъ въ резолюціяхъ, кромѣ указанныхъ выше требованій, прямо и ясно указывается на необходимость сверженія самодержавія и замѣны его конституціоннымъ режимомъ. Все это до того напугало директора, что онъ сейчасъ же призвалъ къ себѣ студентовъ и, послѣ маленькаго допроса, разрѣшилъ всѣмъ опять входъ въ университетъ, предварительно отобравъ обѣщаніе не принимать участія въ „могущихъ возникнуть волненіяхъ“. Носятся слухи, что часть студентовъ, случайно попавшихъ подъ подозрѣніе, хотѣли предать суду сословныхъ представителей. А такъ какъ нѣтъ никакихъ уликъ противъ нихъ, то мѣстный жандармъ Мочаловъ начинаетъ готовить „свидѣтелей“. Всѣ сразу догадались, что тутъ что-то неладно и кое кто ужъ началъ отказываться отъ показаній. Какъ оказалось послѣ, вся эта комедія продѣлывалась затѣмъ, чтобы показать студентовъ приставамъ и околодочнымъ, которые и выступятъ свидѣтелями по дѣлу о демонстраціи.

Екатеринославскій процессъ [1]).

Всего обвиняемыхъ 56 человѣкъ; изъ нихъ 2 скрылись. Остальные 54 всѣ рабочіе, кромѣ Іоффе, ретушера фотографіи, который не игралъ видной роли. 34 человѣка содержалось подъ стражей, 20 были на свободѣ. 29 человѣкъ на вопросъ о виновности отвѣчали, что виновными себя не признаютъ, но на демонстраціи были и были сознательно.

Какъ выяснилось изъ заявленій подсудимыхъ, помимо той бойни, которая была устроена на улицахъ въ цѣляхъ разсѣянія демонстрантовъ, арестованныхъ потомъ подвергали страшному избіенію въ участкахъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе *Левитскаго.* Нѣкій офицеръ Масловъ былъ привлеченъ за нѣсколько времени до демонстраціи къ отвѣтственности за буйство въ саду. Свидѣтелемъ этого буйства случайно былъ Левитскій и былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля въ судъ. Масловъ нѣсколько разъ пытался подкупить Левитскаго, но безуспѣшно. На судѣ Левитскій показалъ то, что видѣлъ. Во время демонстраціи во всѣхъ участкахъ были наряды солдатъ. Когда Левитскаго арестовали и привели въ участокъ, случайно командиромъ наряда солдатъ въ этомъ участкѣ оказался Масловъ. Столъ былъ уставленъ бутылками съ водкой и офицеръ Масловъ пировалъ съ околодочными. Когда онъ увидѣлъ Левитскаго, онъ со словами „попался, голубчикъ,“ набросился на него и началъ его избивать. Къ нему присоединились пьянствовавшіе съ нимъ 8 околодочныхъ и началось жестокое избіеніе. Нѣсколько разъ Левитскій терялъ сознаніе. Когда же онъ приходилъ въ сознаніе, его снова начинали бить, пока онъ снова не терялъ сознанія. Подсудимая Медвѣдская, 16 лѣтъ, была случайно арестована и въ участкѣ жестоко избита. На вопросъ о виновности отвѣтила, что въ демонстраціи не участвовала, но послѣ жестокой расправы съ ней, поняла значеніе демонстраціи и теперь заявляетъ, что, если останется на свободѣ, то приметъ участіе въ демонстраціи. Большинство подсудимыхъ заявляло себя членами соціальдемократической партіи и пыталось говорить вступительныя рѣчи, но предсѣдатель обрывалъ ихъ. Свидѣтелей на судъ было вызвано 112, изъ нихъ 97 полицейскихъ и 3 шпіона. Первымъ допрашивается полиціймейстеръ Машевскій. Разсказываетъ сначала о происшествіяхъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ которыхъ начались волненія 7 августа. Утверждаетъ сначала, что тамъ были постороннія лица, но послѣ перекрестнаго допроса отказывается. Отвѣчая на вопросы одного изъ защитниковъ, разсказываетъ, что когда пріѣхалъ въ желѣзнодорожныя мастерскія губернаторъ, онъ (полиціймейстеръ), обратившись къ толпѣ рабочихъ, крикнулъ: „шапки долой!, — „Ну что же“, спрашиваетъ защитникъ, „кто-нибудь снялъ шапку?“ -- „Нѣтъ, никто не снялъ,“ отвѣчаетъ полиціймейстеръ. Затѣмъ Машевскій разсказываетъ о томъ, что въ послѣднее время передъ демонстраціей наблюдалось сильное движеніе среди рабочихъ. Происходили сходки, которыя приходилось разгонять. При этомъ сильно распространялись прокламаціи, преимущественно соціальдемократическія, которыя имѣли большой успѣхъ. На вопросъ защитника о содержаніи прокламацій, полиціймейстеръ отвѣчалъ: „Право, ихъ такую массу выпускаютъ и онѣ мнѣ такъ надоѣли, что я ихъ бросаю, не читая.“ Онъ показываетъ затѣмъ, что въ первый день демонстраціи было не менѣе 10 тысячъ человѣкъ. По вопросу объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія онъ заявляетъ, что оно было вызвано крайней необходимостью, такъ какъ толпа была готова разорвать полицію. По поводу этого послѣдняго показанія читается протоколъ осмотра раненныхъ и убитыхъ, при чемъ оказывается, что почти всѣ раны нанесены сзади, а нѣкоторыя сбоку.

Городовымъ полицейскимъ врачемъ этотъ фактъ былъ объясненъ тѣмъ, что рабочіе успѣли повернуться во время стрѣльбы. Подсудимый *Телесовъ* при этомъ разсказываетъ, что одинъ городовой, когда демонстрація уже кончилась, прицѣлился въ него, но попалъ въ какого-то старичка и убилъ его. Послѣ, ведя его въ участокъ, городовой все время его билъ, приговаривая: „хотѣлъ тебя, жида, убить, а убилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка.“ Тотъ же подсудимый разсказываетъ, что когда толпа демонстрантовъ подходила къ Брянскому заводу, было обѣденное время, женщины несли рабочимъ обѣдъ. Конные городовые ни за что, ни про что начали бить женщинъ. Одинъ рабочій, увидавши, что бьютъ его жену, началъ защищать ее и бросилъ камень. Тогда началось побоище.

Изъ свидѣтелей выдѣлился съ хорошей стороны старшій фабричный инспекторъ *Евтушевскій*. Въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что условія работы на Екатеринославскихъ заводахъ неимовѣрно тяжелы, что рабочіе наназиваются въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, очень рано становятся инвалидами и выбрасываются на улицу. Поэтому понятно глухое броженіе и недовольство среди рабочихъ.

На вопросы защиты показываетъ, что администрація заводовъ ничего не предпринимаетъ для улучшенія положенія рабочихъ. Нѣсколько разъ онъ собиралъ совѣщаніе директоровъ заводовъ. Они обѣщали устроить бани, школы, больницы, и обѣщаній своихъ не исполняли.

Директоръ Брянскаго завода *Уржумцевъ* говоритъ, что давно ожидали забастовокъ. Показываетъ, что рабочіе вели себя очень корректно. Разсказываетъ интересный фактъ. Когда приблизилась толпа, онъ самъ остановилъ заводъ. Затѣмъ онъ попросилъ рабочихъ не оставлять работы, пока не будетъ выпущенъ изъ Мартыновской печи расплавленный чугунъ, во избѣжаніе громадныхъ убытковъ (если бы чугунъ застылъ, пришлось бы ломать печь). Рабочіе не только согласились это сдѣлать, но имъ помогали подошедшіе демонстранты изъ другихъ заводовъ. Тотъ же Уржумцевъ, также директоръ другого завода и Евтушевскій показали, что рабочіе вели себя очень корректно. Въ прокламаціяхъ тоже не было призыва къ насилію, всѣ прокламаціи были отъ соціальдемократическаго комитета, всѣ онѣ призывали къ спокойному поведенію.

Каждый свидѣтель изъ полицейскихъ послѣ вопроса, „что Вы знаете по настоящему дѣлу?“ начиналъ свое показаніе словами „я согласно протоколу“. Когда одному изъ нихъ заданъ былъ вопросъ „что это значитъ“, онъ отвѣтилъ: „я присягу принималъ согласно протоколу“. Приставъ Сергѣевъ, изъ заводского района, давши довольно развязное показаніе, собирается уходить. Его останавливаетъ предводитель дворянства *Бродскій* и начинаетъ подробно разспрашивать о положеніи рабочихъ, стремясь, повидимому, сознательно къ тому, чтобъ ослабить впечатлѣніе отъ показаній Евтушевскаго. Сергѣевъ, какъ и можно было ожидать, рисуетъ самую идиллическую картину. Рабочимъ живется превосходно. Недоразумѣнія съ администраціей бываютъ чрезвычайно рѣдко, а когда бываютъ, то ему (Сергѣеву) удается ихъ благополучно разрѣшать.

Тогда защитникъ *Раппъ* проситъ разрѣшенія по поводу показанія Сергѣева задать нѣсколько вопросовъ Евтушевскому, который въ это время оставался еще въ залѣ засѣданія. Предсѣдатель отказываетъ. Тогда Раппъ проситъ занести въ протоколъ, что показанія старшаго фабричнаго инспектора были исправлены показаніями пристава. Когда защита, въ цѣляхъ выясненія истины, хотѣла попросить разъясненія у старшаго фабричнаго инспектора по поводу показаній пристава, ей было тя бы его: онъ не скажетъ, чтобъ ему особенно нравились поправки, но, политическій тактъ требуетъ чтобы и онъ подписался подъ ними. Въ третьемъ часу ночи публика стала расходиться. Оказалось, что подъ земскими резолюціями, подписалось около 300 человѣкъ, подъ демократической — 116 человѣкъ. Резолюціи эти должны быть посланы Святополку-Мирскому, но до сихъ поръ это еще не сдѣлано.

---

[1]) Обв. актъ откладывается за недостаткомъ мѣста.

Екатеринославъ. И у насъ „общество" заразилось „весеннимъ" воздухомъ. Вчера вечеромъ 28 ноября состоялся банкетъ, устроенный мѣстной интеллигенціей. Бывшій на съѣздѣ земецъ, предсѣдатель управы Родзянко, читалъ докладъ о съѣздѣ. Екатеринославскіе земцы нарочно выбрали Родзянко, принципіальнаго противника (на сколько у такихъ господъ могутъ быть принципы) всякихъ реформъ, настоящаго царскаго лакея (онъ камергеръ двора), и уполномочили его *непремѣнно* голосовать за конституцію. Какъ ни тяжко было это камергеру, онъ вынужденъ былъ исполнить порученіе. Въ „обществѣ" открыто и увѣренно говорятъ о политической свободѣ. Либералы заявляютъ, что не сегодня — завтра начнется новая глава въ Русской исторіи. „Какъ,—горячатся они, неужели царь посмѣетъ не послушаться земцевъ, вѣдь это судъ земли, котораго „всегда слушались".

Устроители банкета постарались, чтобы „черная публика" не помѣшала имъ и не испортила ихъ радужное настроеніе, назначивъ за входъ достаточно высокую плату — 3 рубля.

Недалеко отъ зданія, въ которомъ происходилъ банкетъ, разъѣзжали верховые городовые...

Пили, ѣли, говорили и... даже не вынесли конституціонной резолюціи. На дняхъ здѣсь въ военно-окружномъ судѣ судили трехъ запасныхъ за участіе въ безпорядкахъ во время мобилизаціи; 1 приговоренъ къ 2-мъ годамъ арестантскихъ ротъ, другой къ $1^{1}/_{2}$ г., третій оправданъ и немедленно отправленъ на войну. Съ недѣлю назадъ было арестовано собраніе въ 49 чел. держали три дня и выпустили, были единичные аресты, взяли литературу.

Даже, профессора!

Резолюція, вынесенная Совѣтомъ Профессоровъ Кіевскаго Политехникума 24 ноября 1904 года, по вопросу о студенческихъ безпорядкахъ.

„Останавливаясь на вопросѣ объ общихъ причинахъ студенческихъ волненій и мѣрахъ къ ихъ устраненію, Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было мѣропріятій, которыя могли бы гарантировать порядокъ и спокойствіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, пока поддерживаются общія условія нашей жизни съ характеризующими ихъ административнымъ произволомъ и безправіемъ личности. Совѣтъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что послѣднее время безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ повторяются ежегодно, независимо отъ частыхъ измѣненій въ настроеніи высшей администраціи, независимо отъ различій во внутреннемъ складѣ жизни того или другого учебнаго заведенія. Въ частности, внутренній распорядокъ Кіевскаго Политехникума всегда выгодно отличался отъ режима большинства высшихъ учебныхъ заведеній, и однако, и здѣсь безпорядки были явленіемъ не менѣе обычнымъ, чѣмъ и повсюду.

Политика министерства Ванновскаго также мало могла погасить безпорядки, какъ и суровыя мѣры предшествовавшаго министерства. Все это утверждаетъ въ одномъ основномъ убѣжденіи, которое для лицъ, стоящихъ близко къ академической жизни и задумывавшихся надъ судьбами высшаго образованія въ Россіи, давно уже стало аксіомой: причины студенческихъ безпорядковъ лежатъ въ общемъ государственномъ строѣ Россіи, не обезпечивающемъ общегражданскихъ правъ личности. Успѣшное развитіе высшаго образованія въ Россіи невозможно при существующемъ строѣ Россіи. Мы присутствуемъ при скорбномъ зрѣлищѣ постепеннаго вырожденія, непрерывнаго упадка русскаго просвѣщенія, что является необходимымъ слѣдствіемъ непрекращающихся безпорядковъ. И въ этомъ мы, стоящіе на стражѣ высшаго образованія, усматриваемъ серьезную національную и культурную опасность для Россіи, и считаемъ своимъ гражданскимъ и академическимъ долгомъ указать на эту связь упадка высшаго образованія съ общимъ безправіемъ личности въ Россіи.

На-дняхъ, собравшіеся въ Петербургѣ земскіе люди указали, въ качествѣ единственнаго средства обновленія русской жизни, на обезпеченіе правъ личности и утвержденіе правового порядка, въ частности на огражденіе свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова, собраній, уравненія общегражданскихъ и политическихъ правъ и, наконецъ, на участіе народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи, какъ на единственную возможность законнаго укрѣпленія этихъ правъ. Мы со своей стороны свидѣтельствуемъ, что только этимъ путемъ можетъ быть оздоровлена атмосфера въ академической жизни, возстановлено довѣріе между профессорами и студентами, ограждена истинная академическая автономія, прекращены безпорядки, нарушающіе правильность академической жизни. До тѣхъ же поръ, пока административный произволъ вырываетъ все новыя и новыя жертвы, какъ изъ среды студенчества, такъ и остальныхъ русскихъ гражданъ, пока общественная совѣсть оскорбляется фактами нарушенія личныхъ правъ, а иногда и физической неприкосновенности, пока гласность подавлена и самые жгучіе вопросы академической жизни вѣдаются лишь тайной канцеляріей, академическій вопросъ, подобно всѣмъ насущнымъ вопросамъ русской жизни, неразрѣшимъ.

Въ виду этого мы сочли обязанностью, какъ члены академической коллегіи и русскіе граждане, въ настоящій рѣшительный моментъ русской исторіи отмѣтить всю настоятельность коренной государственной реформы, заключающей въ себѣ и всѣ частныя реформы, въ томъ числѣ и академическую — именно — своевременность и необходимость введенія въ Россіи представительнаго образа правленія съ прочными гарантіями личныхъ и общественныхъ правъ, на основѣ равенства политическихъ правъ всѣхъ гражданъ.

Совѣтъ вполнѣ присоединяется, поэтому, къ голосу земскихъ людей и выражаетъ пожеланіе, чтобы постановленія земскаго съѣзда скорѣе нашли осуществленіе въ русской жизни.

Доводя до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства свои заключенія, Совѣтъ покорнѣйше проситъ довести ихъ и до свѣдѣнія госп. министра внутреннихъ дѣлъ"

Настоящая резолюція является отвѣтомъ Совѣта Профессоровъ на сдѣланный ему телеграммой министра финансовъ запросъ о причинахъ бывшихъ въ институтѣ въ ноябрѣ „студенческихъ безпорядковъ", о которыхъ министерству было сдѣлано донесеніе директоромъ института Зворыкинымъ.

Кіевъ. Прошлый годъ былъ переломомъ кризиса въ развитіи студенческаго движенія. Союзный Совѣтъ, издавна объединявшій радикальное студенчество въ университетѣ и руководившій его борьбой, вслѣдствіе дифференціаціи самого студенчества и образованія партійныхъ студенческихъ организацій, сталъ ареной борьбы между соціальдемократами и соціалистами-революціонерами; при невыдержанности и полной неопредѣленности землячествъ, большинство въ немъ колебалось то отъ одного направленія къ другому. Это было причиной непостоянства и нерѣшительности его тактики, — это дискредитировало его въ глазахъ студенчества. Къ концу 1903 года онъ окончательно понялъ безполезность своего существованія и объявилъ себя распущеннымъ, согласно постановленію второго Всероссійскаго съѣзда, незадолго до этого состоявшагося. Въ слѣдующемъ полугодіи было нѣсколько попытокъ возстановить Союзный Совѣтъ, оставшихся, однако, тщетными.

Какъ результатъ неудачи студенческаго движенія предыдущихъ лѣтъ, съ одной стороны, и небывалаго дотолѣ роста рабочаго движенія съ другой, у многихъ выработалось отрицательное отношеніе къ самостоятельному студенческому движенію. Сторонники этого взгляда считаютъ излишнимъ объединеніе студенческихъ организацій, носящихъ постоянный характеръ, и полагаютъ, что послѣднія должны стараться не только по духу своей программы примкнуть къ пролетарскому движенію, но и активно выступать только одновременно съ пролетаріатомъ. Крайніе же представители этого направленія не признаютъ вовсе студенческаго движенія и относятся отрицательно ко всѣмъ попыткамъ какого бы то ни было объединенія студентовъ.

Пока велись эти споры, организаціи усиленно занимались своей внутренней работой. Группа студентовъ соціальдемократовъ, пользующаяся наибольшей силой и вліяніемъ въ университетѣ, занятая рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи къ студенческому движенію, въ то же время энергично организовывала свои кружки, устанавливала свои отношенія къ мѣстному К. Р. С.-Д. Р. П. и т. д.

Между тѣмъ, высоко поднявшаяся волна общественнаго движенія и быстрое развитіе событій захватили и студенчество и положили конецъ спорамъ; необходимость протеста начала сознаваться всѣми. Удобнымъ поводомъ для него явился пріѣздъ Глазова.

Было созвано коалиціонное собраніе изъ представителей группы студентовъ соц.-дем., группы с.-р., Украинской студенческой громады, польской корпораціи, группы студентовъ Бунда и четырехъ землячествъ; задачей собранія была исключительно организація протеста по случаю пріѣзда Глазова; оно было лишено права вести какую бы то ни было агитацію. Делегаты партійныхъ организацій имѣли опредѣленные мандаты. Послѣ долгихъ споровъ, пришли къ соглашенію, какъ относительно формы протеста, такъ и относительно роли самого коалиціоннаго собранія. Группа студ. соц.-дем. повела усиленную агитацію. Коалиціонное собраніе выпустило приглашеніе собраться около 14-ой аудиторіи, указывая на слухъ о томъ, что „націоналисты" готовятся поднести привѣтственный адресъ Глазову отъ имени всѣхъ студентовъ. Коалиціонное собраніе не знало въ точности настроенія студенчества, поэтому, рѣшилось прямо звать студентовъ на сходку въ традиціонную въ этомъ отношеніи XIV аудиторію, разсчитывая, въ случаѣ недостаточнаго количества для сходки, удовольствоваться корридорной манифестаціей, гдѣ недостатокъ активнаго элемента могъ бы возмѣститься любопытными. Но опасенія оказались напрасными, и XIV аудиторія наполнилась студентами, прямо направившимися въ нее. Во все время сходки участниковъ было не менѣе 600 человѣкъ.

Послѣ выбора предсѣдателя, начались рѣчи. Ораторы сразу приступили къ обсужденію положенія дѣлъ въ странѣ, о формальномъ же поводѣ сходки (адресъ націоналистовъ) не было сказано ни слова, хотя одинъ изъ участниковъ и настаивалъ на томъ, чтобы не отклоняться отъ предмета, указаннаго въ приглашеніи коалиціоннаго собранія. Всѣ рѣчи, за исключеніемъ двухъ, были въ строго соціальдемократическомъ духѣ, такъ что въ студенчествѣ осталось безспорно впечатлѣніе, что сходка создана соціальдемократами. Одна изъ не соціальдемократическихъ рѣчей была въ духѣ с.-р., другая же носила характеръ полной политической неопредѣленности. Другіе ораторы говорили о роли рабочаго движенія въ общественной жизни Россіи, о ростѣ его, о паденіи самодержавія, близость котораго чувствуется всѣми; рѣзко отзывались о „новомъ курсѣ" и предательской политикѣ либерализма... По выслушаніи ораторовъ, была принята par acclamation резолюція, опубликованіе которой было поручено сходкой коалиціонному собранію. Было предложено еще дополненіе къ ней, въ которомъ проводились террористическіе принципы, но оно не голосовалось сходкой, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ": въ аудиторію ворвалась полиція.

Съ самаго начала сходки, явился инспекторъ, чтобы мѣрами увѣщанія прекратить ее. Началъ съ просьбы не требовать войны: „Подумайте, господа, кому она нужна"? Такое начало вызвало гомерическій хохотъ у всѣхъ и заставило смолкнуть самого инспектора и такъ удручающе подѣйствовало на него, что онъ не могъ больше произнести ничего внятнаго. Послѣ его дебюта на сцену явился ректоръ. Предсѣдателю стоило большихъ трудомъ сдержать студентовъ, не желавшихъ слушать старую лису. Ректоръ заговорилъ о томъ, чтобы пожалѣли себя, пожалѣли товарищей, пожалѣли науку, которую оскорбляютъ такія сборища, наконецъ, умолялъ, со слезами на глазахъ, пожалѣть его самого, его сѣдину. Онъ грозилъ разными циркулярами и просилъ не заставлять его прибѣгать къ крайнему средству — полиціи.

Конечно, вся эта комедія не имѣла никакого результата, лишь кое гдѣ можно было замѣтить, какъ нѣкоторыя заячьи души пробирались къ дверямъ... Сходка близилась къ концу, уже была принята резолюція, какъ въ двери стремительно ворвалась полиція съ обнаженными шашками. Среди нѣкоторой части собравшихся произошла паника; раздались кое гдѣ крики „рубятъ", и устрашенные ринулись, выломавъ дверь, въ сосѣднюю аудиторію, четыре человѣка даже спустились по водосточной трубѣ съ третьяго этажа. Въ суматохѣ одному студенту шашкой перерѣзали сухожиліе кисти руки. Но, къ счастью паника тотчасъ прекратилась, пытавшіеся бѣжать вернулись обратно; воцарился порядокъ и предсѣдатель снова могъ исполнять свои обязанности.

Во главѣ полиціи былъ полиціймейстеръ Цихоцкій, который заявилъ сходкѣ, что явился по приглашенію ректора съ полномочіемъ отобрать входные билеты и переписать всѣхъ участниковъ сходки. Сходка, въ лицѣ предсѣдателя, отвѣтила энергичнымъ отказомъ, потребовала немедленнаго удаленія полиціи и вызова въ аудиторію министра, засѣдавшаго у попечителя. Полиціймейстеръ заявилъ, что собственной властью онъ ни того, ни другого сдѣлать не можетъ, отъ передачи же требованія сходки министру также отказался. Нѣкоторыми изъ участниковъ сходки было предложено послать делегацію къ министру съ извѣщеніемъ о томъ, что происходитъ въ университетѣ, но это предложеніе съ негодованіемъ было отклонено сходкой. Удалившійся на нѣкоторое время полиціймейстеръ, явился вновь и заявилъ, что онъ по распоряженію попечителя даетъ возможность безпрепятственно разойтись сходкѣ, что и произошло, когда полиція была удалена изъ стѣнъ университета.

Маленькая подробность. Когда полиція явилась въ аудиторію, гдѣ происходила сходка, значительное количество студентовъ, до того момента не принимавшихъ въ ней участія, направились къ аудиторіи съ желаніемъ присоединиться къ участникамъ сходки, но не были допущены полиціей. Послѣ сходки націоналисты не рѣшились преподнести адреса министру не только отъ имени всего университета, но даже отъ своего собственнаго.

Какъ на прямой результатъ сходки, можно указать на возросшее еще больше вліяніе группы студ. Соц.-Дем., выразившееся, напримѣръ, въ многочисленныхъ просьбахъ студентовъ принять ихъ въ ея кружки.

Казань. Демонстрація 5 ноября вызвала среди мѣстнаго студенчества сильное броженіе. Почти каждый день собираются курсовыя сходки и принимаются резолюціи, въ которыхъ, главнымъ образомъ, требуютъ возвращенія въ университетъ товарищей, уничтоженія инспекціи вообще и удаленія инспектора Орловскаго въ частности. Эти общія требованія поддерживаются всѣми курсами за исключеніемъ двухъ-трехъ, какъ напримѣръ, 5 медицинскаго, самаго консервативнаго въ университетѣ. Нѣкоторыми же курсами юридическаго и естественнаго факультетовъ въ резолюціяхъ, кромѣ указанныхъ выше требованій, прямо и ясно указывается на необходимость сверженія самодержавія и замѣны его конституціоннымъ режимомъ. Все это до того напугало директора, что онъ сейчасъ же призвалъ къ себѣ студентовъ и послѣ маленькаго допроса, разрѣшилъ всѣмъ опять входъ въ университетъ, предварительно отобравъ обѣщаніе не принимать участія въ „могущихъ возникнуть волненіяхъ". Носятся слухи, что часть студентовъ, случайно попавшихъ подъ подозрѣніе, хотѣли предать суду сословныхъ представителей. А такъ какъ нѣтъ никакихъ уликъ противъ нихъ, то мѣстный жандармъ Мочаловъ начинаетъ готовить „свидѣтелей". Всѣ сразу догадались, что тутъ что-то неладно и кое кто ужъ началъ отказываться отъ показаній. Какъ оказалось послѣ, вся эта комедія продѣлывалась затѣмъ, чтобы показать студентовъ приставамъ и околодочнымъ, которые и выступятъ свидѣтелями по дѣлу о демонстраціи.

Екатеринославскій процессъ 1).

Всего обвиняемыхъ 56 человѣкъ; изъ нихъ 2 скрылись. Остальные 54 всѣ рабочіе, кромѣ Іоффе, ретушера фотографіи, который не игралъ видной роли. 34 человѣка содержалось подъ стражей, 20 были на свободѣ. 29 человѣкъ на вопросъ о виновности отвѣчали, что виновными себя не признаютъ, но на демонстраціи были и были сознательно.

Какъ выяснилось изъ заявленій подсудимыхъ, помимо той бойни, которая была устроена на улицахъ въ цѣляхъ разсѣянія демонстрантовъ, арестованныхъ потомъ подвергали страшному избіенію въ участкахъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе *Левитскаго*. Нѣкій офицеръ Масловъ былъ привлеченъ за нѣсколько времени до демонстраціи къ отвѣтственности за буйство въ саду. Свидѣтелемъ этого буйства случайно былъ Левитскій и былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля въ судъ. Масловъ нѣсколько разъ пытался подкупить Левитскаго, но безуспѣшно. На судѣ Левитскій показалъ то, что видѣлъ. Во время демонстраціи во всѣхъ участкахъ были наряды солдатъ. Когда Левитскаго арестовали и привели въ участокъ, случайно командиромъ наряда солдатъ въ этомъ участкѣ оказался Масловъ. Столъ былъ уставленъ бутылками съ водкой и офицеръ Масловъ пировалъ съ околодочными. Когда онъ увидѣлъ Левитскаго, онъ со словами „попался, голубчикъ," набросился на него и началъ его избивать. Къ нему присоединились пьянствовавшіе съ нимъ 8 околодочныхъ и началось жестокое избіеніе. Нѣсколько разъ Левитскій терялъ сознаніе. Когда же онъ приходилъ въ сознаніе, его снова начинали бить, пока онъ снова не терялъ сознанія. Подсудимая Медвѣдская, 16 лѣтъ, была случайно арестована и въ участкѣ жестоко избита. На вопросъ о виновности отвѣтила, что въ демонстраціи не участвовала, но послѣ жестокой расправы съ ней, поняла значеніе демонстраціи и теперь заявляетъ, что, если останется на свободѣ, то приметъ участіе въ демонстраціи. Большинство подсудимыхъ заявляло себя членами соціальдемократической партіи и пыталось говорить вступительныя рѣчи, но предсѣдатель обрывалъ ихъ. Свидѣтелей на судъ было вызвано 112, изъ нихъ 97 полицейскихъ и 3 шпіона. Первымъ допрашивается полиціймейстеръ Машевскій. Разсказываетъ сначала о происшествіяхъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ которыхъ начались волненія 7 августа. Утверждаетъ сначала, что тамъ были постороннія лица, но послѣ перекрестнаго допроса отказывается. Отвѣчая на вопросы одного изъ защитниковъ, разсказываетъ, что когда пріѣхалъ въ желѣзнодорожныя мастерскія губернаторъ, онъ (полиціймейстеръ), обратившись къ толпѣ рабочихъ, крикнулъ: „шапки долой!„ — „Ну что же", спрашиваетъ защитникъ, „кто нибудь снялъ шапку?" -- „Нѣтъ, никто не снялъ," отвѣчаетъ полиціймейстеръ. Затѣмъ Машевскій разсказываетъ о томъ, что въ послѣднее время передъ демонстраціей наблюдалось сильное движеніе среди рабочихъ. Происходили сходки, которыя приходилось разгонять. При этомъ сильно распространялись прокламаціи, преимущественно соціальдемократическія, которыя имѣли большой успѣхъ. На вопросъ защитника о содержаніи прокламацій, полиціймейстеръ отвѣчалъ: „Право, ихъ такую массу выпускаютъ и онѣ мнѣ такъ надоѣли, что я ихъ бросаю, не читая." Онъ показываетъ затѣмъ, что въ первый день демонстраціи было не менѣе 10 тысячъ человѣкъ. По вопросу объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія онъ заявляетъ, что оно было вызвано крайней необходимостью, такъ какъ толпа была готова разорвать полицію. По поводу этого послѣдняго показанія читается протоколъ осмотра раненныхъ и убитыхъ, при чемъ оказывается, что почти всѣ раны нанесены сзади, а нѣкоторыя сбоку.

Городовымъ полицейскимъ врачемъ этотъ фактъ былъ объясненъ тѣмъ, что рабочіе успѣли повернуться во время стрѣльбы. Подсудимый *Телесовъ* при этомъ разсказываетъ, что одинъ городовой, когда демонстрація уже кончилась, прицѣлился въ него, но попалъ въ какого-то старичка и убилъ его. Послѣ, ведя его въ участокъ, городовой все время его билъ, приговаривая: „хотѣлъ тебя, жида, убить, а убилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка." Тотъ же подсудимый разсказываетъ, что когда толпа демонстрантовъ подходила къ Брянскому заводу, было обѣденное время, женщины несли рабочимъ обѣдъ. Конные городовые ни за что, ни про что начали бить женщинъ. Одинъ рабочій, увидавши, что бьютъ его жену, началъ защищать ее и бросилъ камень. Тогда началось побоище.

Изъ свидѣтелей выдѣлился съ хорошей стороны старшій фабричный инспекторъ *Евтушевскій*. Въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что условія работы на Екатеринославскихъ заводахъ неимовѣрно тяжелы, что рабочіе изнашиваются въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, очень рано становятся инвалидами и выбрасываются на улицу. Поэтому понятно глухое броженіе и недовольство среди рабочихъ.

На вопросы защиты показываетъ, что администрація заводовъ ничего не предпринимаетъ для улучшенія положенія рабочихъ. Нѣсколько разъ онъ собиралъ совѣщаніе директоровъ заводовъ. Они обѣщали устроить бани, школы, больницы и обѣщаній своихъ не исполняли.

Директоръ Брянскаго завода *Уржумцевъ* говоритъ, что давно ожидали забастовокъ. Показываетъ, что рабочіе вели себя очень корректно. Разсказываетъ интересный фактъ. Когда приблизилась толпа, онъ самъ остановилъ заводъ. Затѣмъ онъ попросилъ рабочихъ не оставлять работы, пока не будетъ выпущенъ изъ Мартыновской печи расплавленный чугунъ, во избѣжаніе громадныхъ убытковъ (если бы чугунъ застылъ, пришлось бы ломать печь). Рабочіе не только согласились это сдѣлать, но имъ помогали подошедшіе демонстранты изъ другихъ заводовъ. Тотъ же Уржумцевъ, также директоръ другого завода и Евтушевскій показали, что рабочіе вели себя очень корректно. Въ прокламаціяхъ тоже не было призыва къ насилію, всѣ прокламаціи были отъ соціальдемократическаго комитета, всѣ онѣ призывали къ спокойному поведенію.

Каждый свидѣтель изъ полицейскихъ послѣ вопроса, „что Вы знаете по настоящему дѣлу?" начиналъ свое показаніе словами „я согласно протоколу". Когда одному изъ нихъ заданъ былъ вопросъ „что это значитъ", онъ отвѣтилъ: „я присягу принималъ согласно протоколу". Приставъ Сергѣевъ, изъ заводского района, давши довольно развязное показаніе, собирается уходить. Его останавливаетъ предводитель дворянства *Бродскій* и начинаетъ подробно разспрашивать о положеніи рабочихъ, стремясь, повидимому, сознательно къ тому, чтобъ ослабить впечатлѣніе отъ показаній Евтушевскаго. Сергѣевъ, какъ и можно было ожидать, рисуетъ самую идиллическую картину. Рабочимъ живется превосходно. Недоразумѣнія съ администраціей бываютъ чрезвычайно рѣдко, а когда бываютъ, то ему Сергѣеву удается ихъ благополучно разрѣшать.

Тогда защитникъ *Раппъ* проситъ разрѣшенія по поводу показанія Сергѣева задать нѣсколько вопросовъ Евтушевскому, который въ это время оставался еще въ залѣ засѣданія. Предсѣдатель отказываетъ. Тогда Раппъ проситъ занести въ протоколъ, что показанія старшаго фабричнаго инспектора были исправлены показаніями пристава. Когда защита, въ цѣляхъ выясненія истины, хотѣла попросить разъясненія у старшаго фабричнаго инспектора по поводу показаній пристава, ей

---

1) Обв. актъ откладывается за недостаткомъ мѣста.

предсѣдателемъ въ этомъ отказано. Инцидентъ этотъ на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

Завѣдующій сыскнымъ отдѣленіемъ *Окселенко* разсказываетъ, что публика настроена ненормально, и въ качествѣ иллюстраціи разсказываетъ: „я былъ посланъ въ больницу Брянскаго завода снять фотографическія карточки съ труповъ убитыхъ рабочихъ“. Когда ему пришлось снимать карточку съ трупа двѣнадцати-мѣсячнаго мальчика, лежавшаго въ неудобномъ положеніи, и онъ велѣлъ его поставить на столъ, то изо рта и ушей его хлынула кровь. При этомъ бывшая здѣсь женщина, очевидно, родственница или мать, добавляетъ онъ съ улыбкой, бросилась на меня, рванула за пальто, и когда пальто распахнулось и обнаружился полицейскій мундиръ, то она, внѣ себя, вскрикнула: „а мало еще вы крови напились, еще пріѣзжаете снимать“... 6 ноября подсудимые заявляютъ, что ихъ избили въ тюрьмѣ. Защитники дѣлаютъ заявленіе о томъ, что, получивши свѣдѣнія отъ подсудимыхъ о возмутительной расправѣ, учиненной надъ нѣкоторыми изъ нихъ, они не въ силахъ продолжать защиту, пока не будетъ приступлено къ дознанію въ тюрьмѣ, и требуютъ медицинск. освидѣтельствованія подсудимыхъ. Предсѣдатель, смущенный, объявляетъ, что онъ дѣлаетъ перерывъ на время, которое потребуется защитниками для возбужденія дѣла. Судьи уходятъ. Тов. прокурора подходитъ къ защитѣ и подсудимымъ, записываетъ фамиліи потерпѣвшихъ, затѣмъ вызываетъ полиціймейстера, тюремнаго инспектора, городскихъ врачей. Производится освидѣтельствованіе, при чемъ констатируется наличность свѣжихъ побоевъ. Засѣданіе возобновляется черезъ четыре часа. Надо при этомъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ другихъ, изъ членовъ судебнаго присутствія выдѣлился своимъ дикимъ поведеніемъ предводитель дворянства Екат. губ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ залу засѣданія послѣ перерыва, выражая возмущеніе слишкомъ большой свободой, которую будто бы даетъ предсѣдатель защитникамъ и подсудимымъ. Во время же самыхъ засѣданій онъ постоянно выражалъ мимикой и жестами свое отрицательное отношеніе къ подсудимымъ и защитникамъ. Изъ рѣчей защитниковъ выдѣлялись рѣчи *Гуровича, Раппа и Александрова.*

Благодаря перерывамъ со стороны предсѣдателя ни одному изъ говорившихъ подсудимыхъ не удалось сказать всего того, что онъ хотѣлъ сказать. *Михаилъ Трофимовъ* заявляетъ себя сознательнымъ членомъ соціальдемократической партіи. „Сегодня день моего ангела“, говорилъ онъ, „и вашъ суровый приговоръ будетъ лучшимъ подаркомъ“. *Телесовъ*: „что мнѣ сказать? участвовалъ въ демонстраціи и буду дальше участвовать въ движеніи, пока не умру“. *Санюринъ*: „я раньше не понималъ смысла движенія и былъ малосознательнымъ его участникомъ; теперь, послѣ 15 мѣсячнаго моего сидѣнья, я сталъ ярымъ членомъ Соц.-дем. Партіи“. *Кошкинъ* (17 лѣтъ) обнаруживаетъ недюжинныя ораторскія способности. Своею рѣчью производитъ сильное впечатлѣніе; заявляетъ, что онъ участвовалъ сознательно въ демонстраціи. „Голодъ, угнетеніе капитализма, безправіе, всѣ слѣдствія самодержавнаго строя я испыталъ уже на себѣ, несмотря на мои 17 лѣтъ. Я понялъ, что въ борьбѣ съ эксплуатаціей и безправіемъ единичныя усилія не могутъ привести ни къ чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно“. Предсѣдатель прерываетъ. Подсудимый возобновляетъ рѣчь. Предсѣдатель очень скоро его опять прерываетъ. Послѣ нѣсколькихъ прерываній подсудимый прекращаетъ свою рѣчь. *Незнающая* (19 лѣтъ): „я — членъ соц.-дем. партіи, и прежде всего стремлюсь къ тому, чтобы раздѣлаться съ позорнымъ самодержавіемъ“. *Левицкій* пытается разъяснить тѣ цѣли, которыя преслѣдовали рабочіе, въ томъ числѣ и онъ, устраивая демонстрацію. Когда же предсѣдатель спрашиваетъ: „зачѣмъ Вы это говорите? товарищи Ваши и такъ это знаютъ“. — „Я говорю, отвѣчалъ онъ, для тѣхъ, которые внѣ суда“. — „Но вѣдь засѣданіе закрыто“. — „Эти камни, отвѣчаетъ Левицкій, показывая на стѣны, раздвинутся, и нашъ громкій голосъ пролетаріатомъ будетъ услышанъ“. *Роберманъ* говоритъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и доказываетъ неизбѣжность солидарной борьбы съ самодержавіемъ. *Рудникова*, молодая дѣвушка, говоритъ прочувствованную рѣчь, рисуетъ самыми мрачными красками положеніе рабочихъ дѣвушекъ, говоря, что ихъ положеніе гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчинъ, разсказываетъ о своей жизни, говоритъ, что ей, какъ и многимъ, угрожала проституція. *Олифаренко*, булочникъ, неграмотный, описываетъ каторжную работу булочниковъ, продолжающуюся по 18 часовъ въ сутки. *Романовъ*: „я не боюсь вашего приговора, какъ бы суровъ онъ ни былъ, имъ я искуплю величайшее преступленіе, совершенное мною въ жизни: я, будучи на военной службѣ въ Ригѣ (онъ запасной унтеръ-офицеръ), участвовалъ въ усмиреніи рабочихъ. Я надѣюсь, что вашъ приговоръ будетъ звеномъ той цѣпи, которая соединитъ меня съ соц.-дем. партіей и примиритъ ее со мною (приговоръ — исправительный домъ на два года). *Шевченко* (до сихъ поръ онъ не сказалъ ни слова, и никто его ни въ чемъ не уличалъ) говоритъ послѣднимъ. „Такъ какъ я говорю послѣднимъ и мнѣ предоставлено послѣднее слово, то я имъ пользуюсь, чтобы въ послѣдній разъ сказать: „долой самодержавіе!“ (общее движеніе и смѣхъ. Подсудимый садится прежде, чѣмъ предсѣдатель успѣлъ его остановить).

Херсонъ. Тихій, захолустный Херсонъ заволновался. Всѣ какъ то вразу заговорили, засуетились. Замѣтно переполошилась и полиція, усердно разыскивая крамолу, которая въ послѣднее время стала интенсивно распространяться по всему городу. Въ день мобилизаціи у насъ мѣстная организація распространила листки: „Къ запаснымъ“. При этомъ полиція задержала рабочаго Маркуса Адамова, предварительно звѣрски избивъ его. Разговоровъ по этому поводу въ городѣ много. Затѣмъ какъ бы наступило затишье. Работа между тѣмъ шла усиленнымъ темпомъ. Занятія съ рабочими велись преимущественно кружковыя. Организація поставила себѣ цѣлью работать въ глубь. За это время устроены были 4 массовки, на которыхъ говорилось о казни Плеве (по этому поводу были также листки), о назначеніи новаго министра, о внутренней политикѣ Россіи. Условія Херсона не позволяютъ устраивать часто большія массовыя сходки. Объясняется это отчасти разрозненностью рабочихъ (въ Херсонѣ преимущественно ремесленники), отсутствіемъ опытныхъ руководителей рабочихъ, а главнымъ образомъ, отсутствіемъ интеллигентныхъ силъ. Послѣднія здѣсь крайне нужны. Отсутствуетъ въ Херсонѣ также агитаціонная и пропагандистская литература.

Ноябрь у насъ особенно богатъ событіями. Съ 12 ноября здѣсь начался пріемъ новобранцевъ. По этому случаю организація распространила прокламаціи „Къ новобранцамъ“ въ кол. 2000 экз. Изъ нихъ 500 экз. были выброшены возлѣ присутствія, среди новобранцевъ, вверхъ. При этомъ полиція опять задержала одного рабочаго, Скляра. На слѣдующій день въ городѣ и въ театрѣ были распространены прокламаціи: „Портъ Артуръ и Ляоянъ“ (перепеч. изъ изд. Ц. К.) и „Новый министръ“. Разбросъ въ театрѣ произвелъ эффектное впечатлѣніе. Когда во время 4-го акта съ галлереи вдругъ посыпались листки, публика бросилась подымать ихъ, полиція силою отнимала, гоняясь за крамолою изъ одного угла театра въ другой. По телефону были вызваны жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ. Они такъ растерялись, что не знали, что дѣлать. Заперли раекъ и выпускали оттуда по одному человѣку. Наугадъ были задержаны 4 человѣка; трехъ выпустили въ туже ночь, а 4-го, рабочаго Зиглина, держатъ до сихъ поръ. Зло разбираетъ нашихъ царскихъ приспѣшниковъ: не могутъ попасть на слѣдъ и ловятъ по улицѣ всякаго, кто только быстро ходитъ. Комическихъ сценъ теперь не оберешься. Въ городѣ много толковъ о разбросахъ прокламацій; разсказываютъ, какъ водится, даже небылицы. — Въ Херсонской тюрьмѣ вотъ уже больше года томятся 27 чел. политическихъ. Дѣла о нихъ находились уже въ Палатѣ и, предполагали, будутъ разсматриваться осенью, но Палата нашла обвиненія мало обоснованными и возвратила всѣ дѣла жандармамъ для доизслѣдованія. И вотъ несчастныхъ 27 молодыхъ жизней обречены томиться въ тюрьмѣ, кто знаетъ, сколько еще времени, благодаря тому, что жандармы не имѣютъ основательныхъ уликъ противъ нихъ. Порядки въ тюрьмѣ возмутительные, новый смотритель всячески урѣзываетъ минимумъ удобствъ: лишаетъ свиданій, запрещаетъ носить обѣды и т. д. Столкновенія съ нимъ однажды чуть было не довели сидящихъ до голодовки.

Ромны, Полт. губ. Въ истекшемъ учебномъ году въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи были распространены два раза прокламаціи за подписью Организаціоннаго кружка роменской учащейся молодежи. Одна изъ нихъ указывала на тяжелое состояніе учащихся въ школѣ, на плохой подборъ преподавателей и на причины подобнаго положенія, коренящагося въ самодержавномъ строѣ, и призывала къ устройству кружковъ самообразованія. Въ другой, начинавшейся призывомъ молодежи къ работѣ, была намѣчена также программа для чтенія. Обѣ прокламаціи были встрѣчены сочувственно. Начальство переполошилось и, чувствуя себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ „крамолой“, бросились искать помощи у мѣстной полиціи и жандармеріи. На слѣдующій же день, послѣ бывшаго въ залѣ реальнаго училища молебна, на которомъ присутствовалъ и исправникъ, состоялось во главѣ съ послѣднимъ засѣданіе „совѣщательной комиссіи“. Послѣ него приступили къ дѣятельнымъ розыскамъ „крамольниковъ“. Каждаго, сколько нибудь выдѣляющагося изъ общей массы учащихся, — звали на допросъ. Такъ, напримѣръ, одного изъ учениковъ 5 класса посчитали „неблагонадежнымъ“ по слѣдующимъ причинамъ: „угрюмъ, длинноволосъ, рѣдко смѣется“. Чего же больше? Улики на лицо. Крамольника нашли, но что съ нимъ дѣлать? Призываютъ его отца и заявляютъ: „Если вашего сына увидятъ съ кѣмъ-либо изъ „жидовъ“, то онъ немедленно же будетъ уволенъ“. Дѣло въ томъ, что въ здѣшнемъ городѣ образовалась С.-Д. группа, которая, какъ полагаютъ власти, состоитъ изъ однихъ евреевъ, — и вотъ на этомъ основаніи 14 тысячъ еврейскаго населенія считаются политически-неблагонадежными и поэтому съ нимъ „противозаконно“ вести знакомство. Кой-кому изъ учащихся не даютъ отпусковъ: „За прокламаціями поѣдешь.“ Среди реалистовъ и гимназистокъ замѣчается интересъ къ чтенію нелегальной литературы и сочиненій легальныхъ по вопросамъ общественнымъ, политико экономическимъ; замѣчается также спросъ на идейную беллетристику. Въ противовѣсъ этому, усилились репрессіи, которыя помогаютъ и малосознательнымъ ученикамъ и ученицамъ понять кое-что изъ явленій школьной жизни и критически относиться къ нимъ. Директоръ Радкевичъ, присланный сюда для искорененія „духа своеволія“, способствовалъ своей лицемѣрной политикой, съ одной стороны, и жестокими мѣрами, съ другой — пробужденію революціонныхъ чувствъ. Учитель русскаго языка въ реальномъ училищѣ А. А. Ельчуковъ старается насадить „патріотизмъ“ и воспитать „истинно-русскихъ“ людей, для чего на урокахъ начали было читать столь популярныя произведенія г. Побѣдоносцева, но, встрѣтивъ насмѣшливое отношеніе со стороны воспитанниковъ, чтеніе столь уважаемаго имъ автора прекратилъ и замѣнилъ его устными бесѣдами на патріотическія темы.

Большой популярностью въ педагогической средѣ пользуется мѣстный содержатель ученической квартиры г. Херувимовъ, квартира котораго особенно рекомендуется начальствомъ р. у. Ежедневно своими бесѣдами онъ развращаетъ учениковъ, читая имъ и поясняя юдофобскія статьи „Свѣта“ и старается привить имъ свои взгляды на „жидовъ“, говоритъ о необходимости и цѣлесообразности погромовъ и мечтаетъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту: направить громилъ на мѣстную общественную библіотеку, которой, по его словамъ, „правятъ жиды“. Въ благодарность за столь полезную дѣятельность онъ удостаивается крѣпкаго рукопожатія г. инспектора В. И. Тимофеева. Такихъ то воспитателей рекомендуетъ намъ начальство!

Москва. 10 ноября въ Таганской тюрьмѣ началась голодовка, въ которой приняли участіе слѣдующіе заключенные: по дѣлу Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.: Мих. Лещинскій (раб.), Валентинъ Батыревъ (инт.), Соломонъ Черномордикъ (инт.), Конст. Котельниковъ (инт). Всѣ они арестованы 6 іюня 1903 г. По дѣлу московскихъ с.-ровъ: Леонъ Крумбюгель, ар. въ октябрѣ прошлаго года, Серг. Абрамовичъ (учитель), Лидія Езерская (дантистка), Григорій Ривкинъ (инт.), арестован. въ январѣ 904 года. По Нижегородскому дѣлу с.-д.: Ник. Гурвичъ (инт.), ар. въ апрѣлѣ 1903 г., Барышевъ (раб.). ар. по с.-д. дѣлу въ концѣ апрѣля этого года. Слѣдствіе по ихъ дѣламъ давно окончено, но положеніе остается до сихъ поръ невыясненнымъ; извѣстно только, что ихъ собираются судить по новому закону. И вотъ, они выставили требованіе — такъ или иначе кончить ихъ дѣло: если судить, то назначить судъ не позже 1 февраля 1905 года и дать объ этомъ оффиціальное увѣдомленіе. Двое товарищей — Черномордикъ и Котельниковъ — требуютъ, чтобы ихъ освободили до суда. Голодовку начали 10 ноября, пославъ предварительно заявленіе прокурору моск. палаты и мин. юстиціи. Прокуроръ отвѣтилъ, что, когда дѣло перейдетъ въ судъ, то назначеніе срока зависитъ отъ предсѣдателя судебн. палаты. Но это никого не удовлетворило. На первый день голодовки освободили Барышева, а на третій — Абрамовича безъ залога. Пріѣзжалъ жандармскій офицеръ и обѣщалъ освободить Крумбюгеля подъ залогъ въ 20 тыс. рублей, Езерскую — за 5 тыс. рублей, Ривкина за три тыс. руб., Черномордика и Котельникова по одной тыс. рублей. Всѣ пока отказались, кромѣ Крумбюгеля, которому денежный залогъ замѣнили имущественнымъ обезпеченіемъ. Сестры и мать Ривкина, Крумбюгеля и Гурвича поѣхали къ министру. Въ городѣ ходятъ и распространяются слухи о голодовкѣ. За нѣкоторыхъ арестованныхъ, у которыхъ нѣтъ залога, лица изъ московскаго общества предлагаютъ внести его. Чтобы поддерживать товарищей, съ 15 ноября всѣ остальные примыкаютъ къ голодовкѣ и будутъ продолжать ее до удовлетворенія всѣхъ требованій. Въ тюрьмѣ, кромѣ названныхъ, находятся еще слѣдующія лица: по дѣлу моск. районной организ. Ц. К. ар. 19 іюня 1904 года: Ел. Стасова, Зина Ивановичъ, Алекс. Тараева, Ник. Бауманъ съ женой, Ив. Бѣлянчиковъ, Алекс. Заваринъ, Ив. Александровъ, Дмитр. Будановъ и баварскій подданный Артуръ Циглеръ. Въ какомъ положеніи ихъ дѣло, до сихъ поръ неизвѣстно. Всѣ они отказались ѣздить на допросъ. По дѣлу с.-р. въ Москвѣ арестованы: въ маѣ 1904 года: Евг. Сорока, Марія Емельянова, Ник. Гиммеръ, Ник. Звоновъ, Владим. Мануринъ, Алекс. Троцкій, Степановъ. Слѣдствіе по ихъ дѣлу окончилось. По дѣлу Моск соц.-дем. Комитета арест. 15 фев. 1904 г. Богданъ Кнуньянцъ и Ольга Шнеерсонъ. Ее обѣщаютъ выпустить подъ залогъ 500 рублей. Отбываетъ наказаніе Ник. Авдѣевъ: 2 г. тюрьмы и 5 лѣтъ Архангельск. губ. Изъ Петербурга привезены мужъ и жена Карпенко, по дѣлу типографіи с.-д. группы въ СПБ. У нихъ былъ приговоръ — вѣчная ссылка, но онъ замѣненъ тюрьмой на полтора года, по манифесту.

(Голодовка кончилась — побѣдой заключенныхъ).

Гродно. (Изъ тюрьмы). Мы еще не успѣли забыть сентябрскій „бунтъ“, все, что мы пережили въ этой тюрьмѣ — голодъ, карцера, издѣвательство, какъ опять тюремная администрація вздумала вновь взяться за старое. 5 ноября начальникъ объявилъ, что лишаетъ заключенныхъ на мѣсяцъ (нѣкоторыхъ на 2 недѣли) права выписки продуктовъ за то, что разговариваютъ между собою и во время прогулки переходятъ на тотъ дворъ, гдѣ гуляютъ общія камеры. Въ послѣднее время всѣ получали больничную пищу, благодаря тому, что многіе заболѣли отъ обычной арестантской. Теперь, по распоряженію начальника, всѣ опять переведены на общій котелъ. Когда къ 11 ноября у заключенныхъ вышелъ весь сахаръ, чай и пр., рѣшили требовать у начальника выписать хлѣбъ и сахаръ. Онъ отказалъ. Рѣшено было не уходить съ прогулки въ камеры, пока не принесутъ хлѣба. Утромъ вышли на прогулку 7 человѣкъ (изъ одной общей камеры) и 2 чел. изъ одиночекъ, заявивъ, что не уйдутъ со двора, пока не принесутъ хлѣба. Они гуляли цѣлый день, другихъ изъ камеръ не выпускали; однако предъ вечеромъ удалось выйти на дворъ еще шестерымъ товарищамъ. Въ 7 часовъ пришелъ начальникъ и сталъ убѣждать зайти въ камеры, но всѣ отказались. Былъ вызванъ конвой, принудившій товарищей уйти со двора. На другой день повторилась та же исторія. Тогда возбужденіе остававшихся въ камерахъ достигло крайней степени и къ вечеру проявилось въ томъ, что начали стучать, ломать двери и пр. Бывшіе на дворѣ пѣли революціонныя пѣсни. Шумъ и крикъ были слышны въ городѣ. Черезъ 1/4 часа появились товарищъ прокурора, полиціймейстеръ, пристава, орава городовыхъ. Разспросивъ заключенныхъ и убѣдивъ ихъ успокоиться, товарищъ прокурора ушелъ.

Черезъ день принесли выписку всѣмъ безъ исключенія. — Въ общемъ, режимъ здѣсь невыносимый, крайне вредно отзывающійся на здоровьи заключенныхъ. За каждый пустякъ приходится бороться, растрачивая безплодно силы. Рабочій.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Симферополь. Въ концѣ октября мѣстной организаціей Крымскаго Союза были распространены листки „Пора“ и „Къ солдатамъ,“ изданія Союза. Листки были распространены широко въ рабочихъ кварталахъ, населенныхъ бѣднотой и на базарѣ. Много дней спустя послѣ распространенія, листки читались обывателями, правда, „низшаго“ ранга. Удачно были раскиданы листки и въ казармахъ мѣстнаго полка. Начальство узнало объ этомъ, произвели обыскъ, но солдаты успѣли много прокламацій припрятать и жадно читали ихъ, разсказывая объ этомъ откровенно обывателямъ. Начальство обѣщало награду въ 60 руб. за поимку „соціалиста“ но увы! соціалистъ и по сію пору живъ.

2 ноября во время призыва новобранцевъ были распространены листки „Къ рекрутамъ“ изд. и редакція Крымскаго Союза. Сначала утромъ листки были раскиданы въ самомъ зданіи воинскаго присутствія, а вечеромъ они были разбросаны и расклеены по городу, при чемъ на слѣдующій день въ отдѣльныхъ кварталахъ до 12 часовъ возлѣ наклеенныхъ листковъ собирались кучки народа, читали ихъ и всячески комментировали. Листки были написаны на русскомъ и *татарскомъ* языкахъ и разошлись также среди татаръ. Впечатлѣніе, произведенное листками, огромно. Въ воинскомъ присутствіи сейчасъ же послѣ распространенія былъ произведенъ обыскъ, часть листковъ была отобрана, но много листковъ новобранцы успѣли унести и два дня спустя видѣли еще, какъ новобранцы группой читали листки. Въ воинскомъ присутствіи было арестовано двое совершенно непричастныхъ къ организаціи лицъ, якобы повинныхъ въ подметѣ. Одного изъ нихъ уже выпустили, а другого, вѣроятно, выпустятъ, т. к. ему, конечно, удастся установить свою непричастность.

Недавно у насъ отправляли солдатъ, которыхъ надо было выписать въ запасъ и которыхъ погнали, вмѣсто этого, на войну. Солдаты разгромили нѣсколько домовъ терпимости, одинъ подожгли, избили городового, на вокзалѣ разбили окна въ вагонахъ, крича, что „имъ нечего терять“; подъѣзжая къ Севастополю, они, говорятъ, запѣли марсельезу.

Симферопольская организація.

Митава. Съ 15 по 23 октября въ нашемъ городѣ происходилъ наборъ новобранцевъ. По этому поводу, въ городѣ и по дорогамъ, ведущимъ къ нему, были распространены прокламаціи съ подписью латышской партіи. Онѣ открыто читались, даже въ залѣ, гдѣ происходилъ наборъ. Попытка со стороны мѣстныхъ властей изловить распространителей не увѣнчалась успѣхомъ. Что прокламаціи имѣли большое вліяніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: спустя нѣсколько дней послѣ присяги, часть новобранцевъ хотѣли отправить на мѣсто ихъ назначенія. Прійдя на вокзалъ, всѣ до единаго отказались сѣсть въ товарные вагоны, которые не были снабжены даже печами. Черезъ нѣсколько часовъ, имъ предоставили вагоны третьяго класса. По дорогѣ къ вокзалу, новобранцы разбивали стекла магазиновъ и фонари. Слышались и возгласы: долой самодержавіе, долой войну, но возгласы эти были заглушены музыкой.

Нѣсколько прокламацій попали въ руки унтеръ-офицеровъ, случайно прошедшихъ мимо солдатской канцеляріи, гдѣ ихъ было разбросано довольно много. Очевидно, не зная навѣрное, что это за листки, унтеръ-оф. принесли прокламаціи въ казарму, гдѣ онѣ обошли всѣ роты и подъ конецъ вернулись назадъ къ тѣмъ, которые ихъ нашли. Еще долгое время лежали прокламаціи въ сундукахъ. Пошли толки и слухи. „Кабы вся дивизія сразу поднялась, тогда было бы дѣло, а то поднимется одинъ только полкъ, тогда всѣхъ перебьютъ“ — говоритъ одинъ. „Въ бумажкахъ то правда написана: въ тысячу разъ онѣ лучше, нежели наши телеграммы. Кабы побольше ихъ“ — говорилъ другой. „Больно много въ нихъ ругаютъ начальство“, — говоритъ одинъ. „И подѣломъ имъ“, — отвѣчаютъ ему. Условія въ казармѣ самыя ужасныя: легальную книжку не имѣешь права читать безъ подписи ротнаго. А между тѣмъ, интересъ къ чтенію въ послѣднее время сильно поднялся. Популярныя изданія берутся на расхватъ. Что касается нелегальныхъ брошюръ, то про чтеніе ихъ нечего и думать. Чуть ли не каждую ночь дѣлаются обыски въ сундукахъ. За малѣйшую вину сажаютъ подъ строгій арестъ, т. е. безъ горячей пищи. И сидятъ такъ нѣкоторые по 20 и 30 сутокъ за то, что не замѣтили офицера или не во время отдали честь. Прибавимъ еще произволъ со стороны начальства, доходящій до крайностей, и передъ нами яркая картина забитаго солдата, машины, орудія въ рукахъ начальства.

Были распространены въ казармахъ прокламаціи Риж. К. П. „къ солдатамъ“, но, къ сожалѣнію, въ очень ничтожномъ количествѣ (100 экз.).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Новозыбковъ. Отчетъ о работѣ мѣстной организаціи. Весной работа въ нашемъ районѣ нѣсколько пріостановилась. Причиной былъ рядъ проваловъ и общая усиленная дѣятельность полиціи. К. Вагинъ и Л. Павловъ, задержанные въ Клинцахъ при распространеніи прокламацій, выдали на допросѣ все, что знали, къ счастью, знали они очень немногое. По ихъ указаніямъ, было арестовано семь человѣкъ; двое, Баблаковъ и Александровъ, сидятъ еще теперь, остальные выпущены по манифесту. Организація не была затронута арестомъ, но полиція, предположивъ, что крамола должна исходить изъ Новозыбкова, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялась за ея искорененіе. Послѣ клинцовскаго „успѣха“, помощникъ исправника поставилъ Новозыбковъ на военное положеніе, производилъ повальные аресты и обыски, не приведшіе, однако же, ни къ какому результату. Только въ концѣ іюля ему удалось, да и то случайно, захватить складъ литературы. За два дня передъ тѣмъ нѣкій Савинеръ, экстернъ, уѣзжавшій на каникулы въ деревню, захватилъ съ собою нѣсколько листковъ Полѣсскаго Комитета, которые передалъ крестьянамъ. Тѣ связали его и доставили въ городъ. Отправившись къ нему съ обыскомъ, помощникъ, по указанію лавочника Гостева, открылъ находящійся по сосѣдству складъ, въ которомъ хранилось свыше 3.000 экз. свѣжеотпечатанной крестьянской брошюры и незначительное количество другихъ изданій, да переплетный прессъ, принятый находчивымъ сыщикомъ, въ первую минуту опьяненія побѣдой, за типографскій, давно служившій объектомъ его полицей предсѣдателемъ въ этомъ отказано. Инцидентъ этотъ на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

Завѣдующій сыскнымъ отдѣленіемъ *Окселенко* разсказываетъ, что публика настроена ненормально, и въ качествѣ иллюстраціи разсказываетъ: „я былъ посланъ въ больницу Брянскаго завода снять фотографическія карточки съ труповъ убитыхъ рабочихъ“. Когда ему пришлось снимать карточку съ трупа двѣнадцати-мѣсячнаго мальчика, лежавшаго въ неудобномъ положеніи, и онъ велѣлъ его поставить на столъ, то изо рта и ушей его хлынула кровь. При этомъ бывшая здѣсь женщина, очевидно, родственница или мать, добавляетъ онъ съ улыбкой, бросилась на меня, рванула за пальто, и когда пальто распахнулось и обнаружился полицейскій мундиръ, то она, внѣ себя, вскрикнула: „а мало еще вы крови напились, еще пріѣзжаете снимать“... 6 ноября подсудимые заявляютъ, что ихъ избили въ тюрьмѣ. Защитники дѣлаютъ заявленіе о томъ, что, получивши свѣдѣнія отъ подсудимыхъ о возмутительной расправѣ, учиненной надъ нѣкоторыми изъ нихъ, они не въ силахъ продолжать защиту, пока не будетъ приступлено къ дознанію въ тюрьмѣ, и требуютъ медицинск. освидѣтельствованія подсудимыхъ. Предсѣдатель, смущенный, объявляетъ, что онъ дѣлаетъ перерывъ на время, которое потребуется защитниками для возбужденія дѣла. Судьи уходятъ. Тов. прокурора подходитъ къ защитѣ и подсудимымъ, записываетъ фамиліи потерпѣвшихъ, затѣмъ призываетъ полиціймейстера, тюремнаго инспектора, городскихъ врачей. Производится освидѣтельствованіе, при чемъ констатируется наличность свѣжихъ побоевъ. Засѣданіе возобновляется черезъ четыре часа. Надо при этомъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ другихъ, изъ членовъ судебнаго присутствія выдѣлился своимъ дикимъ поведеніемъ предводитель дворянства Екат. губ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ залу засѣданія послѣ перерыва, выражая возмущеніе слишкомъ большой свободой, которую будто бы даетъ предсѣдатель защитникамъ и подсудимымъ. Во время же самыхъ засѣданій онъ постоянно выражалъ мимикой и жестами свое отрицательное отношеніе къ подсудимымъ и защитникамъ. Изъ рѣчей защитниковъ выдѣлялись рѣчи *Гуровича, Раппа и Александрова.*

Благодаря перерывамъ со стороны предсѣдателя ни одному изъ говорившихъ подсудимыхъ не удалось сказать всего того, что онъ хотѣлъ сказать. *Михаилъ Трофимовъ* заявляетъ себя сознательнымъ членомъ соціальдемократической партіи. „Сегодня день моего ангела“, говорилъ онъ, „и вашъ суровый приговоръ будетъ лучшимъ подаркомъ“. *Телесовъ*: „что мнѣ сказать? участвовалъ въ демонстраціи и буду дальше участвовать въ движеніи, пока не умру“. *Санюринъ*: „я раньше не понималъ смысла движенія и былъ малосознательнымъ его участникомъ; теперь, послѣ 15 мѣсячнаго моего сидѣнья, я сталъ ярымъ членомъ Соц.-дем. Партіи“. *Кошкинъ* (17 лѣтъ) обнаруживаетъ недюжинныя ораторскія способности. Своею рѣчью производитъ сильное впечатлѣніе; заявляетъ, что онъ участвовалъ сознательно въ демонстраціи. „Голодъ, угнетеніе капитализма, безправіе, всѣ слѣдствія самодержавнаго строя я испыталъ уже на себѣ, несмотря на мои 17 лѣтъ. Я понялъ, что въ борьбѣ съ эксплуатаціей и безправіемъ единичныя усилія не могутъ привести ни къ чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно“. Предсѣдатель прерываетъ. Подсудимый возобновляетъ рѣчь. Предсѣдатель очень скоро его опять прерываетъ. Послѣ нѣсколькихъ прерываній подсудимый прекращаетъ свою рѣчь. *Незнающая* (19 лѣтъ): „я — членъ соц.-дем. партіи, и прежде всего стремлюсь къ тому, чтобы раздѣлаться съ позорнымъ самодержавіемъ“. *Левицкій* пытается разъяснить тѣ цѣли, которыя преслѣдовали рабочіе, въ томъ числѣ и онъ, устраивая демонстрацію. Когда же предсѣдатель спрашиваетъ: „зачѣмъ Вы это говорите? товарищи Ваши и такъ это знаютъ“. — „Я говорю, отвѣчалъ онъ, для тѣхъ, которые внѣ суда“. — „Но вѣдь засѣданіе закрыто“. — „Эти камни, отвѣчаетъ Левицкій, показывая на стѣны, раздвинутся, и нашъ громкій голосъ пролетаріатомъ будетъ услышанъ“. *Роберманъ* говоритъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и доказываетъ неизбѣжность солидарной борьбы съ самодержавіемъ. *Рудникова*, молодая дѣвушка, говоритъ прочувствованную рѣчь, рисуетъ самыми мрачными красками положеніе рабочихъ дѣвушекъ, говоря, что ихъ положеніе гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчинъ, разсказываетъ о своей жизни, говоритъ, что ей, какъ и многимъ, угрожала проституція. *Олифаренко*, булочникъ, неграмотный, описываетъ каторжную работу булочниковъ, продолжающуюся по 18 часовъ въ сутки. *Романовъ*: „я не боюсь вашего приговора, какъ бы суровъ онъ ни былъ, имъ я искуплю величайшее преступленіе, совершенное мною въ жизни: я, будучи на военной службѣ въ Ригѣ (онъ запасной унтеръ-офицеръ), участвовалъ въ усмиреніи рабочихъ. Я надѣюсь, что вашъ приговоръ будетъ звеномъ той цѣпи, которая соединитъ меня съ соц.-дем. партіей и примиритъ ее со мною“ (приговоръ — исправительный домъ на два года). *Шевченко* (до сихъ поръ онъ не сказалъ ни слова, и никто его ни въ чемъ не уличалъ) говоритъ послѣднимъ. „Такъ какъ я говорю послѣднимъ и мнѣ предоставлено послѣднее слово, то я имъ пользуюсь, чтобы въ послѣдній разъ сказать: „долой самодержавіе!“ (общее движеніе и смѣхъ. Подсудимый садится прежде, чѣмъ предсѣдатель успѣлъ его остановить).

Херсонъ. Тихій, захолустный Херсонъ заволновался. Всѣ какъ то вразу заговорили, засуетились. Замѣтно переполошилась и полиція, усердно разыскивая крамолу, которая въ послѣднее время стала интенсивно распространяться по всему городу. Въ день мобилизаціи у насъ мѣстная организація распространила листки: „Къ запаснымъ“. При этомъ полиція задержала рабочаго Маркуса Адамова, предварительно звѣрски избивъ его. Разговоровъ по этому поводу въ городѣ много. Затѣмъ какъ бы наступило затишье. Работа между тѣмъ шла усиленнымъ темпомъ. Занятія съ рабочими велись преимущественно кружковыя. Организація поставила себѣ цѣлью работать въ глубь. За это время устроены были 4 массовки, на которыхъ говорилось о казни Плеве (по этому поводу были также листки), о назначеніи новаго министра, о внутренней политикѣ Россіи. Условія Херсона не позволяютъ устраивать часто большія массовыя сходки. Объясняется это отчасти разрозненностью рабочихъ (въ Херсонѣ преимущественно ремесленники), отсутствіемъ опытныхъ руководителей рабочихъ, а главнымъ образомъ, отсутствіемъ интеллигентныхъ силъ. Послѣднія здѣсь крайне нужны. Отсутствуетъ въ Херсонѣ также агитаціонная и пропагандистская литература.

Ноябрь у насъ особенно богатъ событіями. Съ 12 ноября здѣсь начался пріемъ новобранцевъ. По этому случаю организація распространила прокламаціи „Къ новобранцамъ“ въ кол. 2000 экз. Изъ нихъ 500 экз. были выброшены возлѣ присутствія, среди новобранцевъ, вверхъ. При этомъ полиція опять задержала одного рабочаго, Скляра. На слѣдующій день въ городѣ и въ театрѣ были распространены прокламаціи: „Портъ Артуръ и Ляоянъ“ (перепеч. изъ изд. Ц. К.) и „Новый министръ“. Разбросъ въ театрѣ произвелъ эффектное впечатлѣніе. Когда во время 4-го акта съ галлереи вдругъ посыпались листки, публика бросилась подымать ихъ, полиція силою отнимала, гоняясь за крамолою изъ одного угла театра въ другой. По телефону были вызваны жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ. Они такъ растерялись, что не знали, что дѣлать. Заперли раекъ и выпускали оттуда по одному человѣку. Наугадъ были задержаны 4 человѣка; трехъ выпустили въ туже ночь, а 4-го, рабочаго Зиглина, держатъ до сихъ поръ. Зло разбираетъ нашихъ царскихъ приспѣшниковъ: не могутъ попасть на слѣдъ и ловятъ по улицѣ всякаго, кто только быстро ходитъ. Комическихъ сценъ теперь не оберешься. Въ городѣ много толковъ о разбросахъ прокламацій; разсказываютъ, какъ водится, даже небылицы. — Въ Херсонской тюрьмѣ вотъ уже больше года томится 27 чел. политическихъ. Дѣла о нихъ находились уже въ Палатѣ и, предполагали, будутъ разсматриваться осенью, но Палата нашла обвиненія мало обоснованными и возвратила всѣ дѣла жандармамъ для дослѣдованія. И вотъ несчастныхъ 27 молодыхъ жизней обречены томиться въ тюрьмѣ, кто знаетъ, сколько еще времени, благодаря тому, что жандармы не имѣютъ основательныхъ уликъ противъ нихъ. Порядки въ тюрьмѣ возмутительные, новый смотритель всячески урѣзываетъ минимумъ удобствъ: лишаетъ свиданій, запрещаетъ носить обѣды и т. д. Столкновенія съ нимъ однажды чуть было не довели сидящихъ до голодовки.

Ромны, Полт. губ. Въ истекшемъ учебномъ году въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи были распространены два раза прокламаціи за подписью Организаціоннаго кружка роменской учащейся молодежи. Одна изъ нихъ указывала на тяжелое состояніе учащихся въ школѣ, на плохой подборъ преподавателей и на причины подобнаго положенія, коренящагося въ самодержавномъ строѣ, и призывала къ устройству кружковъ самообразованія. Въ другой, начинавшейся призывомъ молодежи къ работѣ, была намѣчена также программа для чтенія. Обѣ прокламаціи были встрѣчены сочувственно. Начальство переполошилось и, чувствуя себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ „крамолой“, бросились искать помощи у мѣстной полиціи и жандармеріи. На слѣдующій же день, послѣ бывшаго въ залѣ реальнаго училища молебна, на которомъ присутствовалъ и исправникъ, состоялось во главѣ съ послѣднимъ засѣданіе „совѣщательной комиссіи“. Послѣ него приступили къ дѣятельнымъ розыскамъ „крамольниковъ“. Каждаго, сколько нибудь выдѣляющагося изъ общей массы учащихся, — звали на допросъ. Такъ, напримѣръ, одного изъ учениковъ 5 класса посчитали „неблагонадежнымъ“ по слѣдующимъ причинамъ: „угрюмъ, длинноволосъ, рѣдко смѣется“. Чего же больше? Улики на лицо. Крамольника нашли, но что съ нимъ дѣлать? Призываютъ его отца и заявляютъ: „Если вашего сына увидятъ съ кѣмъ-либо изъ „жидовъ“, то онъ немедленно же будетъ уволенъ“. Дѣло въ томъ, что въ здѣшнемъ городѣ образовалась С.-Д. группа, которая, какъ полагаютъ власти, состоитъ изъ однихъ евреевъ, — и вотъ на этомъ основаніи 14 тысячъ еврейскаго населенія считаются политически-неблагонадежными и поэтому съ нимъ „противозаконно“ вести знакомство. Кой-кому изъ учащихся не даютъ отпусковъ: „За прокламаціями поѣдешь.“ Среди реалистовъ и гимназистокъ замѣчается интересъ къ чтенію нелегальной литературы и сочиненій легальныхъ по вопросамъ общественнымъ, политико экономическимъ; замѣчается также спросъ на идейную беллетристику. Въ противовѣсъ этому, усилились репрессіи, которыя помогаютъ и малосознательнымъ ученикамъ и ученицамъ понять кое-что изъ явленій школьной жизни и критически относиться къ нимъ. Директоръ Радкевичъ, присланный сюда для искорененія „духа своеволія“, способствовалъ своей лицемѣрной политикой, съ одной стороны, и жестокими мѣрами, съ другой — пробужденію революціонныхъ чувствъ. Учитель русскаго языка въ реальномъ училищѣ А. А. Ельчуковъ старается насадить „патріотизмъ“ и воспитать „истинно русскихъ“ людей, для чего на урокахъ начали было читать столь популярныя произведенія г. Побѣдоносцева, но, встрѣтивъ насмѣшливое отношеніе со стороны воспитанниковъ, чтеніе столь уважаемаго имъ автора прекратилъ и замѣнилъ его устными бесѣдами на патріотическія темы.

Большой популярностью въ педагогической средѣ пользуется мѣстный содержатель ученической квартиры г. Херувимовъ, квартира котораго особенно рекомендуется начальствомъ р. у. Ежедневно своими бесѣдами онъ развращаетъ учениковъ, читая имъ и поясняя юдофобскія статьи „Свѣта“ и старается привить имъ свои взгляды на „жидовъ“, говоритъ о необходимости и цѣлесообразности погромовъ и мечтаетъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту: направить громилъ на мѣстную общественную библіотеку, которой, по его словамъ, „правятъ жиды“. Въ благодарность за столь полезную дѣятельность онъ удостаивается крѣпкаго рукопожатія г. инспектора В. И. Тимофеева. Такихъ то воспитателей рекомендуетъ намъ начальство!

Москва. 10 ноября въ Таганской тюрьмѣ началась голодовка, въ которой приняли участіе слѣдующіе заключенные: по дѣлу Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.: Мих. Лещинскій (раб.), Валентинъ Батыревъ (инт.), Соломонъ Черномордикъ (инт.), Конст. Котельниковъ (инт). Всѣ они арестованы 6 іюня 1903 г. По дѣлу московскихъ с.-ровъ: Леонъ Крумбюгель, ар. въ октябрѣ прошлаго года, Серг. Абрамовичъ (учитель), Лидія Езерская (дантистка), Григорій Ривкинъ (инт.), арестован. въ январѣ 904 года. По Нижегородскому дѣлу с.-д.: Ник. Гурвичъ (инт.), ар. въ апрѣлѣ 1903 г., Барышевъ (раб.), ар. по с.-д. дѣлу въ концѣ апрѣля этого года. Слѣдствіе по ихъ дѣламъ давно окончено, но положеніе остается до сихъ поръ невыясненнымъ; извѣстно только, что ихъ собираются судить по новому закону. И вотъ, они выставили требованіе — такъ или иначе кончить ихъ дѣло: если судить, то назначить судъ не позже 1 февраля 1905 года и дать объ этомъ оффиціальное увѣдомленіе. Двое товарищей — Черномордикъ и Котельниковъ — требуютъ, чтобы ихъ освободили до суда. Голодовку начали 10 ноября, пославъ предварительно заявленіе прокурору моск. палаты и мин. юстиціи. Прокуроръ отвѣтилъ, что, когда дѣло перейдетъ въ судъ, то назначеніе срока зависитъ отъ предсѣдателя судебн. палаты. Но это никого не удовлетворило. На первый день голодовки освободили Барышева, а на третій — Абрамовича безъ залога. Пріѣзжалъ жандармскій офицеръ и обѣщалъ освободить Крумбюгеля подъ залогъ въ 20 тыс. рублей, Езерскую — за 5 тыс. рублей, Ривкина за три тыс. руб., Черномордика и Котельникова по одной тыс. рублей. Всѣ пока отказались, кромѣ Крумбюгеля, которому денежный залогъ замѣнили имущественнымъ обезпеченіемъ. Сестры и мать Ривкина, Крумбюгеля и Гурвича поѣхали къ министру. Въ городѣ ходятъ и распространяются слухи о голодовкѣ. За нѣкоторыхъ арестованныхъ, у которыхъ нѣтъ залога, лица изъ московскаго общества предлагаютъ внести его. Чтобы поддерживать товарищей, съ 15 ноября всѣ остальные примыкаютъ къ голодовкѣ и будутъ продолжать ее до удовлетворенія всѣхъ требованій. Въ тюрьмѣ, кромѣ названныхъ, находятся еще слѣдующія лица: по дѣлу моск. районной организ. Ц. К. ар. 19 іюня 1904 года: Ел. Стасова, Зина Ивановичъ, Алекс. Тараева, Ник. Бауманъ съ женой, Ив. Еллянчиковъ, Алекс. Заваринъ, Ив. Александровъ, Дмитр. Будановъ и баварскій подданный Артуръ Циглеръ. Въ какомъ положеніи ихъ дѣло, до сихъ поръ неизвѣстно. Всѣ они отказались ѣздить на допросъ. По дѣлу с.-р. въ Москвѣ арестованы: въ маѣ 1904 года: Евг. Сорока, Марія Емельянова, Ник. Гиммеръ, Ник. Звоновъ, Владим. Мануринъ, Алекс. Троцкій, Степановъ. Слѣдствіе по ихъ дѣлу окончилось. По дѣлу Моск. соц.-дем. Комитета арест. 15 фев. 1904 г. Богданъ Кнуньянцъ и Ольга Шнеерсонъ. Ее обѣщаютъ выпустить подъ залогъ 500 рублей. Отбываетъ наказаніе Ник. Авдѣевъ: 2 г. тюрьмы и 5 лѣтъ Архангельск. губ. Изъ Петербурга привезены мужъ и жена Карпенко, по дѣлу типографіи с.-д. группы въ СПБ. У нихъ былъ приговоръ — вѣчная ссылка, но онъ замѣненъ тюрьмой на полтора года, по манифесту.

(Голодовка кончилась — побѣдой заключенныхъ.)

Гродно. (Изъ тюрьмы). Мы еще не успѣли забыть сентябрскій „бунтъ“, все, что мы пережили въ этой тюрьмѣ — голодъ, карцера, издѣвательство, какъ опять тюремная администрація вздумала вновь взяться за старое. 5 ноября начальникъ объявилъ, что лишаетъ заключенныхъ на мѣсяцъ нѣкоторыхъ на 2 недѣли права выписки продуктовъ за то, что разговариваютъ между собою и во время прогулки переходятъ на тотъ дворъ, гдѣ гуляютъ общія камеры. Въ послѣднее время всѣ получали больничную пищу, благодаря тому, что многіе заболѣли отъ обычной арестантской. Теперь, по распоряженію начальника, всѣ опять переведены на общій котелъ. Когда къ 11 ноября у заключенныхъ вышелъ весь сахаръ, чай и пр., рѣшили требовать у начальника выписать хлѣбъ и сахаръ. Онъ отказалъ. Рѣшено было не уходить съ прогулки въ камеры, пока не принесутъ хлѣба. Утромъ вышли на прогулку 7 человѣкъ (изъ одной общей камеры) и 2 чел. изъ одиночекъ, заявивъ, что не уйдутъ со двора, пока не принесутъ хлѣба. Они гуляли цѣлый день, другихъ изъ камеръ не выпускали; однако предъ вечеромъ удалось выйти на дворъ еще шестерымъ товарищамъ. Въ 7 часовъ пришелъ начальникъ и сталъ убѣждать зайти въ камеры, но всѣ отказались. Былъ вызванъ конвой, принудившій товарищей уйти со двора. На другой день повторилась та же исторія. Тогда возбужденіе остававшихся въ камерахъ достигло крайней степени и къ вечеру проявилось въ томъ, что начали стучать, ломать двери и пр. Бывшіе на дворѣ пѣли революціонныя пѣсни. Шумъ и крикъ были слышны въ городѣ. Черезъ ¼ часа появились товарищъ прокурора, полиціймейстеръ, пристава, орава городовыхъ. Разспросивъ заключенныхъ и убѣдивъ ихъ успокоиться, товарищъ прокурора ушелъ.

Черезъ день принесли выписку всѣмъ безъ исключенія. — Въ общемъ, режимъ здѣсь невыносимый, крайне вредно отзывающійся на здоровьи заключенныхъ. За каждый пустякъ приходится бороться, растрачивая безплодно силы. Рабочій.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Симферополь. Въ концѣ октября мѣстной организаціей Крымскаго Союза были распространены листки „Пора“ и „Къ солдатамъ,“ изданія Союза. Листки были распространены широко въ рабочихъ кварталахъ, населенныхъ бѣднотой и на базарѣ. Много дней спустя послѣ распространенія, листки читались обывателями, правда, „низшаго“ ранга. Удачно были раскиданы листки и въ казармахъ мѣстнаго полка. Начальство узнало объ этомъ, произвели обыскъ, но солдаты успѣли много прокламацій припрятать и жадно читали ихъ, разсказывая объ этомъ откровенно обывателямъ. Начальство обѣщало награду въ 60 руб. за поимку „соціалиста“ но увы! соціалистъ и по сію пору живъ.

2 ноября во время призыва новобранцевъ были распространены листки „Къ рекрутамъ“ изд. и редакція Крымскаго Союза. Сначала утромъ листки были раскиданы въ самомъ зданіи воинскаго присутствія, а вечеромъ они были разбросаны и расклеены по городу, при чемъ на слѣдующій день въ отдѣльныхъ кварталахъ до 12 часовъ возлѣ наклеенныхъ листковъ собирались кучки народа, читали ихъ и всячески комментировали. Листки были написаны на русскомъ и *татарскомъ* языкахъ и разошлись также среди татаръ. Впечатлѣніе, произведенное листками, огромно. Въ воинскомъ присутствіи сейчасъ же послѣ распространенія былъ произведенъ обыскъ, часть листковъ была отобрана, но много листковъ новобранцы успѣли унести и два дня спустя видѣли еще, какъ новобранцы группой читали листки. Въ воинскомъ присутствіи было арестовано двое совершенно непричастныхъ къ организаціи лицъ, якобы повинныхъ въ подметѣ. Одного изъ нихъ уже выпустили, а другого, вѣроятно, выпустятъ, т. к. ему, конечно, удастся установить свою непричастность.

Недавно у насъ отправляли солдатъ, которыхъ надо было выписать въ запасъ и которыхъ погнали, вмѣсто этого, на войну. Солдаты разгромили нѣсколько домовъ терпимости, одинъ подожгли, избили городового, на вокзалѣ разбили окна въ вагонахъ, крича, что „имъ нечего терять“; подъѣзжая къ Севастополю, они, говорятъ, запѣли марсельезу.

Симферопольская организація.

Митава. Съ 15 по 23 октября въ нашемъ городѣ происходилъ наборъ новобранцевъ. По этому поводу, въ городѣ и по дорогамъ, ведущимъ къ нему, были распространены прокламаціи съ подписью латышской партіи. Онѣ открыто читались, даже въ залѣ, гдѣ происходилъ наборъ. Попытка со стороны мѣстныхъ властей изловить распространителей не увѣнчалась успѣхомъ. Что прокламаціи имѣли большое вліяніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: спустя нѣсколько дней послѣ присяги, часть новобранцевъ хотѣли отправить на мѣсто ихъ назначенія. *Прійдя* на вокзалъ, всѣ до единаго отказались сѣсть въ товарные вагоны, которые не были *снабжены* даже печами. Черезъ нѣсколько часовъ, имъ предоставили вагоны третьяго класса. По дорогѣ къ вокзалу, новобранцы разбивали стекла магазиновъ и фонари. Слышались и возгласы: долой самодержавіе, долой войну, но возгласы эти были заглушены музыкой.

Нѣсколько прокламацій попали въ руки унтеръ-офицеровъ, случайно прошедшихъ мимо солдатской канцеляріи, гдѣ ихъ было разбросано довольно много. Очевидно, не зная навѣрное, что это за листки, унтеръ-оф. принесли прокламаціи въ казарму, гдѣ онѣ обошли всѣ роты и подъ конецъ вернулись назадъ къ тѣмъ, которые ихъ нашли. Еще долгое время лежали прокламаціи въ сундукахъ. Пошли толки и слухи. „Кабы вся дивизія сразу поднялась, тогда было бы дѣло, а то поднимется одинъ только полкъ, тогда всѣхъ перебьютъ“ — говоритъ одинъ. „Въ бумажкахъ то правда написана: въ тысячу разъ онѣ лучше, нежели наши телеграммы. Кабы побольше ихъ“ — говорилъ другой. „Больно много въ нихъ ругаютъ начальство“, — говоритъ одинъ. „И подѣломъ имъ“, — отвѣчаютъ ему. Условія въ казармѣ самыя ужасныя: легальную книжку не имѣешь права читать безъ подписи ротнаго. А между тѣмъ, интересъ къ чтенію въ послѣднее время сильно поднялся. Популярныя изданія берутся на расхватъ. Что касается нелегальныхъ брошюръ, то про чтеніе ихъ нечего и думать. Чуть ли не каждую ночь дѣлаются обыски въ сундукахъ. За малѣйшую вину сажаютъ подъ строгій арестъ, т. е. безъ горячей пищи. И сидятъ такъ нѣкоторые по 20 и 30 сутокъ за то, что не замѣтили офицера или не во время отдали честь. Прибавимъ еще произволъ со стороны начальства, доходящій до крайностей, и передъ нами яркая картина забитаго солдата, машины, орудія въ рукахъ начальства.

Были распространены въ казармахъ прокламаціи Риж. К. П. „къ солдатамъ“, но, къ сожалѣнію, въ очень ничтожномъ количествѣ (100 экз.).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Новозыбковъ. Отчетъ о работѣ мѣстной организаціи. Весной работа въ нашемъ районѣ нѣсколько пріостановилась. Причиной былъ рядъ проваловъ и общая усиленная дѣятельность полиціи. К. Вагинъ и Л. Павловъ, задержанные въ Клинцахъ при распространеніи прокламацій, выдали на допросѣ все, что знали, къ счастью, знали они очень немногое. По ихъ указаніямъ, было арестовано семь человѣкъ; двое, Баблаковъ и Александровъ, сидятъ еще теперь, остальные выпущены по манифесту. Организація не была затронута арестомъ, но полиція, предположивъ, что крамола должна исходить изъ Новозыбкова, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялась за ея искорененіе. Послѣ клинцовскаго „успѣха“, помощникъ исправника поставилъ Новозыбковъ на военное положеніе, производилъ повальные аресты и обыски, не приведшіе, однако же, ни къ какому результату. Только въ концѣ іюля ему удалось, да и то случайно, захватить складъ литературы. За два дня передъ тѣмъ нѣкій Савинеръ, экстернъ, уѣзжавшій на каникулы въ деревню, захватилъ съ собою нѣсколько листковъ Полѣсскаго Комитета, которые передалъ крестьянамъ. Тѣ связали его и доставили въ городъ. Отправившись къ нему съ обыскомъ, помощникъ, по указанію лавочника Гостева, открылъ находящійся по сосѣдству складъ, въ которомъ хранилось свыше 3.000 экз. свѣжеотпечатанной крестьянской брошюры и незначительное количество другихъ изданій, да переплетный прессъ, принят находчивымъ сыщикомъ, въ первую минуту опьяненія поб за типографскій, давно служившій объектомъ его полицей вожделѣній. При квартирѣ былъ взятъ тов. А. Шустовъ и пришедшій къ нему въ гости О. Квецинскій. Послѣдній освобожденъ по манифесту; Шустовъ, избившій при арестѣ помощника и смѣло державшій себя на допросѣ, сидитъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ.

Всѣ усилія блюстителей закона не причинили, однако, большого вреда организаціи, и, послѣ непродолжительнаго застоя, работа была возобновлена съ удвоенной энергіей. Расширена агитація въ массѣ, какъ въ самомъ Новозыбковѣ, такъ и въ окрестныхъ мѣстечкахъ и въ промышленно-кустарныхъ селахъ, значительное число которыхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ присоединено къ комитету. Въ августѣ былъ прочитанъ въ Новозыбк. рефератъ на тему: „Головщина южныхъ событій и современная война“, очень понравившійся рабочимъ, забросавшимъ оратора массой разнообразныхъ вопросовъ. На другомъ большомъ собраніи, въ сентябрѣ, послѣ доклада о „казацкомъ курсѣ“ въ Германіи, о насиліяхъ надъ русскими студентами и кенигсбергскомъ процессѣ, была единогласно принята, при пѣніи марсельезы и дружномъ „ура“ въ честь нѣмецкихъ товарищей, соотвѣтствующая резолюція.

Новый актъ международной пролетарской солидарности привелъ рабочихъ въ восторженное настроеніе. Соорудивъ изъ красной рубахи импровизированное знамя, они шли пять верстъ отъ лѣса до города съ революціонными пѣснями, кликами и громкими проклятіями самодержавію и его прислужникамъ.

Подобныя собранія были устроены также въ окрестностяхъ.

Въ сентябрѣ же было прочитано два реферата передъ интеллигентной молодежью: о „современномъ политическомъ моментѣ“ и о „христіанствѣ и соціализмѣ“.

За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Полѣсскимъ Комитетомъ было издано большое количество прокламаціонной литературы, около 75 тыс. листковъ. Всѣ они были разбросаны также въ Новозыбковскомъ районѣ. Воспользовавшись уборкой хлѣба, организація распространила прокламаціи „Искры“ по деревнямъ: засунутыя въ снопы, онѣ разошлись по всѣмъ окрестностямъ и имѣли большой успѣхъ у крестьянъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что дѣятельность организаціи, да и всего комитета, не очень плодотворна, и достигнутые результаты ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было бы сдѣлать. Мы обязаны ими, главнымъ образомъ, благодарной почвѣ, на которой развертывается наша агитація, и воспріимчивости населенія къ идеямъ революціоннаго соціализма. Новозыбковъ находится въ центрѣ фабрично-заводского и промышленно-кустарнаго округа, насчитывающаго свыше 100 тыс. рабочихъ. Въ самомъ городѣ и окружающихъ его посадахъ: Клинцахъ, Ардонѣ, Злынкѣ, имѣются громадныя фабрики; въ уѣздѣ много промышленныхъ селъ, гдѣ, наряду съ зарождающимся крупнымъ производствомъ, доживаетъ свой вѣкъ кустарный промыселъ; одно сапожное и кожевенное производство въ Семеновкѣ занимаетъ свыше 10 тыс, рабочихъ рукъ. Положеніе кустарей самое жалкое, плата за трудъ минимальная; тѣ немногіе, которымъ удалось сохранить мнимую самостоятельность, опутаны долгами и безжалостно эксплуатируются скупщиками-кулаками. Не лучше живется рабочимъ и на заводахъ. Невѣжественные, забитые, разрозненные, безъ руководства, безъ живого слова, эти несчастные помирились со своей участью и давно уже (съ 1900 г.) не пытаются больше бороться съ хищнической эксплуатаціей. Будь у насъ дѣло иначе поставлено, движеніе волной разлилось бы по району. Между тѣмъ, это широкое поле дѣятельности нами очень мало использовано. Вмѣсто тысячъ организованныхъ рабочихъ, мы насчитываемъ лишь сотни; крупныя фабрики совсѣмъ или почти совсѣмъ незатронуты; въ крестьянствѣ, крайне возбужденно настроенномъ, озлобленномъ казацкой расправой въ Ущерпьѣ и представляющимъ прекрасный объектъ для агитаціи, работы не ведется никакой. Нельзя винить въ этомъ организацію и комитетъ: они дѣлаютъ все возможное. Слабая интенсивность работы объясняется посторонними неблагопріятными обстоятельствами, тормозящими революціонную дѣятельность и не дающими ей развернуться такъ широко, какъ было бы желательно и необходимо. Сюда относятся, прежде всего: совершенное отсутствіе нелегальной литературы и недостатокъ въ людяхъ. Недавно основанный и недурно функціонирующій кружокъ пропагандистовъ вынужденъ пользоваться исключительно легальными пособіями, а, вѣдь, на нихъ далеко не уѣдешь. Наиболѣе важные, спеціально революціонные вопросы, разрабатываются при помощи руководителя, но какъ быть, когда руководителя не оказывается? Совершенно безпомощны также агитаторы: сагитировавъ извѣстное количество людей, они должны, вѣдь, подготовить ихъ къ вступленію въ организацію, должны познакомить ихъ съ цѣлями и задачами партіи, въ которую они ихъ вербуютъ, — но что могутъ они сдѣлать безъ литературы, съ тѣмъ небольшимъ запасомъ знаній, которымъ обладаютъ? Только въ послѣднее время Ц. К. доставилъ комитету 35 фунтовъ своихъ изданій („Рабочаго дѣла въ Россіи“ и „Краснаго знамени“), но, вѣдь, это капля въ морѣ, если принять во вниманіе обширность сферы нашей дѣятельности, и въ конечномъ счетѣ каждому пункту досталось опять таки только два-три экземпляра. Однако, и это ничтожное количество оказало свое вліяніе на ходъ работы.

Кромѣ литературнаго воздѣйствія, расширеніе движенія предполагаетъ наличность достаточнаго количества опытныхъ и способныхъ агитаторовъ. И въ этомъ отношеніи положеніе у насъ не завидно. На весь обширный районъ мы располагаемъ всего тремя-четырьмя агитаторами, если и не опытными, то даровитыми. На крупныя фабрики мы только потому и не проникаемъ, что некого послать туда; товарищи едва могутъ справиться съ тѣми мѣстами, гдѣ начало уже сдѣлано. То же самое нужно сказать о руководителяхъ движенія, членахъ комитета. Сфера дѣятельности Полѣсскаго Комитета необычайно велика; она обнимаетъ площадь въ нѣсколько губерній, въ длину, приблизительно, отъ Пинска до Брянска, шириною отъ Могилева до Роменъ. Немыслимые при другихъ обстоятельствахъ, такого рода комитеты допустимы при теперешнемъ состояніи революціонной работы въ Россіи, съ тѣмъ только условіемъ, что составъ комитета долженъ быть пропорціоналенъ величинѣ обслуживаемой имъ территоріи. Такіе „районные“ комитеты только тогда могутъ быть работоспособными, когда отдѣльныя, большія и меньшія, группы, возникшія на разныхъ мѣстахъ, объединяются въ одно цѣлое, съ руководящимъ центромъ-комитетомъ во главѣ. Посреди борьбы организаціонныхъ направленій въ партіи, посреди всевозможныхъ плановъ строенія комитетовъ, нашъ комитетъ сложился по особенной, оригинальной схемѣ. Вся обширная территорія раздѣлена на нѣсколько районовъ. Каждый изъ нихъ подвѣдомственъ одному члену комитета, который старается изъ своего центра развить движеніе по периферіи и вызывать къ жизни новыя организаціи. Этотъ „районный завѣдующій“ — мастеръ на всѣ руки: онъ и администраторъ, онъ и организаторъ, онъ завѣдуетъ техникой, руководитъ агитаціей и пропагандой, самъ же и пропагандистъ, и ораторъ на собраніяхъ, и вояжеръ, періодически объѣзжающій и слѣдящій за работой въ районѣ, — словомъ, полнѣйшее олицетвореніе всемогущаго, „вездѣсущаго духа“. Но одному человѣку не разорваться; обладай онъ даже организаторскимъ геніемъ, онъ неминуемо долженъ жертвовать одними функціями ради другихъ.

Ц. К. слѣдуетъ обратить больше вниманія на нашъ округъ. Игнорировать его не въ разсчетѣ партіи, такъ какъ пунктъ этотъ очень важенъ, особенно, если припомнить, что на сотни верстъ кругомъ нѣтъ нашихъ комитетовъ. Необходимо снабдить насъ достаточнымъ количествомъ литературы, и, что самое важное, придти намъ на помощь агитаторами и, по меньшей мѣрѣ, двумя опытными руководителями. „Распредѣленіе силъ партіи“ входитъ, вѣдь, по уставу, въ число обязанностей Ц. К. Если этого не будетъ сдѣлано, мы вѣчно будемъ топтаться на одномъ мѣстѣ и ощутительныхъ результатовъ никогда не достигнемъ

Черкассы, Кіевской губ. Злобой дня у насъ пріѣздъ жандармерія. Какъ хищный волкъ рыщетъ она по городу, врывается въ квартиры, обыскиваетъ, арестуетъ. Это сильно затормазило работу нашей организаціи. Листки (Кіевск. Ком.), тѣмъ не менѣе, распространяются удачно. Наша организація охватываетъ заводы въ Черкассахъ, Смѣлѣ и станціи Бобринской. Во главѣ ея стоятъ почти исключительно рабочіе; большинство ея членовъ — русскіе рабочіе. Всего организованныхъ около 100 человѣкъ. До послѣдняго времени мы испытывали буквально голодъ въ литературѣ; все имѣвшееся разошлось и последніе 2—3 мѣсяца пропаганда и агитація велись по... легальной провинціальной газеткѣ. На массовыхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ довольно часто, говорятъ на злобу дня: о кризисѣ, войнѣ, задачахъ соц.-дем. и т. д. Въ качествѣ агитаторовъ выступаютъ мѣстные же рабочіе. Сильно тормозитъ работу отсутствіе хорошаго руководительства. Хотя бы наѣздомъ наѣзжалъ опытный человѣкъ изъ партіи! Работы вдоволь — въ Черкасахъ, Смѣлѣ и Бобринской крупные свеклосахарные заводы, паровыя мельницы и пр. Плотная рабочая масса. Въ однихъ Черкассахъ до 20 тыс. рабочихъ. Страшная нужда въ литературѣ, особенно въ листкахъ; не десятки и не сотни, а тысячи нужны намъ. Прибавьте еще деревни, гдѣ мы всегда можемъ распространить большое количество.

Жандармерія всѣ силы напрягаетъ, чтобы разбить нашу организацію, раскрывающую рабочей массѣ глаза... Жандармерія работаетъ... а городъ съ тревогой ждетъ — въ связи съ мобилизаціей — еврейскаго погрома. Въ присылкѣ казаковъ отказано. Буржуазія собираетъ деньги для полиціи. На требованіе Комитета самообороны удѣлить часть собранныхъ денегъ на покупку оружія, — такъ какъ много оружія пропало въ Смѣлѣ и теперь почти нѣтъ оружія — буржуазія отвѣтила категорическимъ отказомъ. Трусливое холопство еврейской буржуазіи и здѣсь отчетливо сказалось... Мобилизацію ждутъ къ концу ноября. Черкассы назначены сборнымъ пунктомъ, и къ намъ, такимъ образомъ, соберутся запасные всего уѣзда, около 15 тыс. человѣкъ. Волнуются всѣ, и еврейское и русское населеніе. Особенно волнуется еврейское населеніе, благодаря циркулирующимъ слухамъ, что готовится погромъ. Говорятъ, напримѣръ, что на съѣздѣ исправниковъ Кіевской губ., состоявшемся на дняхъ, было рѣшено всякое народное недовольство, могущее имѣть мѣсто во время мобилизаціи, направить въ сторону еврейскихъ погромовъ. Что это нѣсколько правдоподобно, доказываютъ дѣйствія здѣшней полиціи: на сахарномъ заводѣ, напр., постовые городовые собираютъ по вечерамъ болѣе отсталыхъ рабочихъ (деревенскихъ) и, заговаривая о войнѣ и мобилизаціи, сваливаютъ всѣ бѣдствія православныхъ христіанъ на голову „жидовъ и поляковъ“, стараются доказать, что надо мстить „поганымъ“...

Балта. Подъ вліяніемъ всеобщаго оживленія, и въ нашемъ захолустьи пустило корни социальдемократическое движеніе. Несмотря на много неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, какъ совсѣмъ патріархальный строй отношеній, общая сонливость жизни и просто ужасающая нищета мѣстныхъ ремесленниковъ, совсѣмъ скромными во всѣхъ отношеніяхъ силами удалось пробудить къ политической и классовой жизни мѣстное рабочее населеніе. Съ весны этого года начались массовыя собранія по 70, 80, а иногда и 100 человѣкъ, проходившія весьма оживленно. Всего такихъ собраній было до десяти. Говорилось на нихъ о войнѣ, о мобилизаціи, объ амстердамскомъ конгрессѣ, о „новомъ курсѣ“. Затѣмъ велись бесѣды о политической и экономической борьбѣ, объ отношеніи Р. С.-Д. Р. П. къ Бунду, о соц.-рев. и т. п. Распространялось сравнительно много литературы; такъ, были разбросаны прокламаціи Одесскаго Ком. о мобилизаціи, 400 шт.; въ связи съ этимъ, велась усиленная устная агитація среди присланныхъ сюда въ большомъ количествѣ запасныхъ. Прокламаціи о мобилизаціи распространялись во время пребыванія въ городѣ губернатора, который, разумѣется, сдѣлалъ все, чтобы усилить эффектъ отъ этого событія. Распространено также 500 шт. къ запаснымъ, объ убійствѣ Плеве — 100 шт., „Кто долженъ побѣдить?“ изд. „Искры“, 100 экз. Далѣе роздано 40 шт. „Двѣ Европы“. „Стачка въ Кринмчау — 30 шт. „Во что обходится русскому народу война“ — 25 штукъ. „Городское самоуправленіе“ — 20 штукъ „Стачки на югѣ“ и т. д.

Почти еженедѣльно, кромѣ массовокъ, происходятъ собранія въ 20-30 человѣкъ[1]). Большинство рабочихъ — евреи, процентъ русскихъ незначителенъ. Организовано также до 40 работницъ изъ табачныхъ и конфектныхъ фабрикъ. Полицейскія условія здѣсь совершенно первобытныя. Однако, рабочихъ уже звали въ полицію и, ничего не добившись, отпускали. Были и обыски здѣсь. Въ общемъ, вліяніе организаціи на обывательскую среду идетъ далеко. Растетъ число нейтрально-сочувствующихъ, и пробуждающаяся политическая мысль обывателя находитъ себѣ подчасъ самое оригинальное выраженіе (адресъ Зарудному). Лучшіе рабочіе обыкновенно очень скоро покидаютъ Балту и переѣзжаютъ въ крупные центры. Въ воспитаніи такихъ отдѣльныхъ дѣятельныхъ рабочихъ, которые могли бы проявить себя на болѣе широкой аренѣ, и заключается одна изъ задачъ мѣстной организаціи. Слѣдовало бы только встрѣтить побольше поддержки извнѣ.

Заявленіе. (Переводъ съ польскаго). Желая познакомить всѣхъ съ истиннымъ ходомъ стачки, въ виду умышленно лживыхъ извѣстій, распространяемыхъ въ нелегальной и заграничной прессѣ, мы, „Стачечный Комитетъ“, т. е. люди, руководившіе всей стачкою, заявляемъ:

18 августа состоялось первое оффиціальное собраніе. На собраніе приглашены были только агитаторы и нѣсколько болѣе вліятельныхъ каменщиковъ, которые, назначивъ день начала стачки на субботу 20 августа, избрали Комитетъ и поручили ему дальнѣйшее руководительство стачкою. Въ Комитетъ вошло по 4 представителя отъ мѣстныхъ организацій „Пролетаріата“ и „С.-Д. П. и Л.“. Комитетъ рѣшилъ: 1) устраивать ежедневно биржу, т. е. назначать мѣста, гдѣ могли бы сходиться каменьщики для совѣщаній по дѣламъ стачки; 2) устраивать общія собранія; 3) организовать кассу для стачечниковъ и 4) поручить указаннымъ выше организаціямъ изданіе прокламацій.

20 августа были распространены прокламаціи партіи „Пролетаріатъ“, призывающія къ стачкѣ, послѣ чего работа прекратилась и стачка вспыхнула.

Въ общемъ, въ стачкѣ приняло участіе, по нашему счету, больше 10.000 каменщиковъ. 22 августа состоялось первое собраніе за Вольскою заставою. Собранные каменщики, въ числѣ 600 человѣкъ, выслушавъ 2-хъ ораторовъ изъ С.-Д., устроили манифестаціонное шествіе черезъ Волю; полиція не оказала никакого сопротивленія. Въ среду 24, каменщики, въ числѣ 400, собрались за Ерусалимскою заставою, гдѣ были произнесены одна за другою двѣ рѣчи, одна — товарищемъ изъ „Пролетаріата“, другая — товарищемъ изъ С.-Д.

На 27 было назначено собраніе на Сѣкеркахъ за Черняковскою заставою. Собраніе это было самымъ многочисленнымъ изъ всѣхъ, какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ: въ немъ приняло участіе болѣе 800 человѣкъ. Были произнесены 3 рѣчи; 2 товарищемъ изъ С. Д., 1 тов. изъ „Пролетаріата“. По окончаніи собранія, появилась полиція, при чемъ арестовано было около 25 товарищей, отдѣлившихся отъ толпы.

28 августа, т. е. въ воскресенье, была распространена 2-ая прокламація, изданная „Пролетаріатомъ“, призывающая стачечниковъ къ солидарности и стойкости; 30-го состоялось 4-ое собраніе за Мокотовскою заставою; собравшіеся, въ числѣ 300, выслушавъ рѣчь товарища изъ „Пролетаріата“ и обсудивъ нѣкоторые техническіе вопросы стачки, начали расходиться, какъ вдругъ нагрянула полиція и арестовала 6 тов.

1 сентября, въ четвергъ, было новое собраніе на углу Ерусалимской Аллеи и Леопольдины, гдѣ собралось 300 человѣкъ и были произнесены 2 рѣчи тов. изъ „Пролетаріата“.

Въ послѣдній разъ собрались каменьщики на Саской Кемп 4 сентября въ воскресенье, гдѣ нѣсколько разъ въ присутствіи 200 каменьщиковъ держали рѣчь 2 тов. изъ „Пролетаріата“ и произнесъ довольно длинную рѣчь одинъ изъ стачечниковъ.

Въ четвергъ 8 сентября „Стачечный Комитетъ“ рѣшилъ устроить демонстрацію; демонстранты въ числѣ 400 человѣкъ, развернувъ красное знамя, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, съ безпрестанными возгласами „долой самодержавіе“, „долой эксплуатацію“, да „здравствуетъ рабочее дѣло“, „да здравствуетъ стачка“ и т. д., — прошли отъ угла Краковскаго Предм. и Ново-Меловой черезъ Ново-Медовую, Ново-Сенаторскую, Театральную Плош. до Вержбовой, гдѣ на нихъ набросилась полиція. Произошла стычка, при чемъ ранено двое городовыхъ и одинъ околодочный, но полиціи не удалось никого арестовать.

10 сентября каменьщики, добившись въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ (въ меньшинствѣ изъ нихъ) сокращенія рабочаго дня на 1 часъ, нѣкотораго повышенія платы и увѣренія со стороны предпринимателей, что имъ построятъ пакамеры, и не будучи въ силахъ вести дальше борьбу, рѣшили прекратить стачку и 12 сентября приступили къ работѣ.

Денегъ у насъ было мало, и этому обстоятельству слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать неудачу стачки.

Кромѣ „Пролетаріата“ и „С. Д. Ц. П. и Л.“, никакія другія партіи въ стачкѣ участія не принимали.

„Стачечный Комитетъ Каменьщиковъ“.

Варшава, октября 1904 г.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Ц. К. переизданъ листокъ: „Кто долженъ побѣдить“? **Кубанскимъ Ком.** — тотъ же листокъ. **Харьковскимъ Ком.** — тоже, **Кіевскимъ**: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“? (6000), Призывъ къ всеобщей забастовкѣ съ требованіемъ мира (6000), „Къ запаснымъ“ (2-е изданіе — 6000), „Мобилизація и еврейскій погромъ“ (10000), **Самарск. Ком.** „Требуйте мира“ (5000), **Петерб. Ком.** „Къ запаснымъ Обуховскаго завода“, **Двинск. орган.** „Пора“ и „Новая мобилизація“ (переп. съ листка Ц. К.), **Крымскимъ Союзомъ**: „Пора“ и „Къ солдатамъ“, (листокъ „Искры“), **Херсонск. орган.** „Портъ-Артуръ и Ляоянъ“ (листки Ц. К.), **Елисаветградск. орг.** „Къ солдатамъ“ (листокъ „Искры“).

Изданія комитетовъ: Петербургскаго: 1) Къ студенчеству о демонстраціи, 2) „По поводу земскаго съѣзда“. **Кіевскаго:** „Земскій съѣздъ“ (6000), „Къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ“ (1000), „Къ рабочимъ завода Греттера“ (1000). **Одесскаго:** Резолюція, предложенная собранію въ обществѣ народнаго здравія. **Казанскаго:** „Къ новобранцамъ“ (2000), „Къ столѣтію Казанскаго университета“ (2000). **Уральскаго:** „Къ новобранцамъ“ (2000). **Саратовскаго** „Къ новобранцамъ“ (2000). **Тамбовской и Борисоглѣбской** группами: „Къ новобранцамъ“ (1000). **Самарскимъ:** „Объ Амстердамскомъ конгрессѣ“, „Представителямъ земствъ“, „Къ рабочимъ завода Лебедева“ (500) и „Къ новобранцамъ“ (2000). **Екатеринославскимъ Ком.:** „Ко всѣмъ рабочимъ“ (о судѣ надъ участниками всеобщей стачки — 8000). **Балаханскими** и Бибиайбатскими рабочими въ Баку — листокъ о всеобщей стачкѣ. **Томскимъ Ком.** — Листокъ № 61, „Царскій слуга или воръ“. **Иркутскимъ Ком.:** „Резолюція олекминскихъ ссыльныхъ“. **Камышинской группой:** „Къ новобранцамъ“ (300). **Кременч. Ком.:** „Къ новобранцамъ“. **Елисаветгр. Орг.:** „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“. **Херсонск. орг.** — „Къ рекрутамъ“. **Студ. Орг. Кіевск. Ком.** выпустила листки: 1) „Хроника“, 2) „О ходѣ либеральнаго движенія“, 3) „Отвѣтъ на призывъ къ единенію“, 4) „Игра въ революцію“, 5) „Резолюція петерб. банкета“. **С.-Д. организація Моск.** высш. учебн. зав. издала листки о голодовкѣ въ Таганкѣ и о программѣ — минимумъ партіи.

Въ изданіи „Искра“ вышла брошюра **Рабочаго:** „Рабочіе и интеллигенты“, съ пред. П. Аксельрода.

Въ изданіи Ц. К—та вышелъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ **Маркса и Энгельса** (5000 экз.).

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ воспоминанія Л. Дейча „*16 л. въ Сибири*“, 330 стр., съ прилож. Цѣна 4 fr.

Бакинскій Ком. Р. С.-Д. Р. П. проситъ насъ сообщить, что въ его прокламаціи, изданной по поводу убійства Плеве и подвергшейся рѣзкимъ нападкамъ „Рев. Рос.“ (№ 52), слово „ублюдокъ-смѣльчакъ“ употребленное въ примѣненіи къ Сазонову и вызвавшее негодованіе „Рев. Рос.“ введено въ прокламацію, по недоразумѣнію, корректоровъ типографій и комитетъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за это выраженіе. (Комитетъ своевременно оповѣстилъ объ этомъ въ своемъ мѣсячномъ отчетѣ, изданномъ въ Баку).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ теченіе 24—27 ноября арестовано 165. **Бѣлая Церковь.** Здѣсь арестовано 28 рабочихъ. **Калуга.** Въ ночь на 10 ноября взяты: бывш. семинар. Виноградовъ и семин. С. Муравьевъ (найд. „Искра“).

Екатеринодаръ. Въ станицѣ Платнировской жандармы арестовали 3-хъ крестьянъ, ходившихъ по станицѣ и разсказывавшихъ содержаніе прокламацій и брошюръ, изданныхъ Р. У. П. Одинъ изъ нихъ малограмотный, а двое другихъ и совсѣмъ не читаютъ.

Побѣги: Бѣжавшій изъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., ветеринарный врачъ — Грюнеръ арестованъ на границѣ и теперь сидитъ въ Сувалкахъ. — М. Веріеръ, приговоренный на 4 г. въ Вост. Сиб. и сданный въ солдаты, бѣжалъ заграницу. — Верховскій, арестованный въ Харьковѣ на улицѣ, послѣ демонстр. 6 ноября, по дорогѣ въ тюрьму бѣжалъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Комитетъ женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

Въ засѣданіи Комитета Кассы 14-го октября 1904 года представитель Заграничной Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ заявилъ, что представляемая имъ заграничная организація, согласно резолюціи II съѣзда ея объ отношеніи заграничной организаціи П. С. Р. къ Соц.-Дем. Партіи направленія „Искры“, не считаетъ болѣе возможнымъ участвовать черезъ своего представителя въ женевской кассѣ помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, состоящей изъ представителей Р. С.-Д. Р. П., Бунда и П. С. Р. Комитетъ Кассы въ засѣданіи 14-го октября постановилъ ликвидировать дѣла этой кассы къ 1-му декабря 1904 г. По истеченіи этого срока ни одно учрежденіе въ Женевѣ, задающееся цѣлью помощи политическимъ ссыльнымъ и заключен., не можетъ носить имени женевской кассы помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ безъ согласія представлявшихъ ее организацій. Всѣ дѣла Кассы ликвидированы правильно. Комитетъ.

Женева, 24-го декабря 1904 г.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено 16 fr. 45 c., — изъ Л. перед.: ве Л—скую тюрьму 87 fr. 60 c.

Отчетъ кассы будетъ помѣщенъ въ слѣд. №.

Въ почтовый ящикъ предыдущаго номера „Искры“ вкрались слѣдующія опечатки: въ рубрикѣ „Насъ просятъ напечать“ вмѣсто „получено въ пользу якутянъ черезъ Tuman'a“, набрано — „черезъ Tumaner'a“; тамъ же вмѣсто *11 дол. и 50 цент.*, напечатано *11 кронъ и 50 цент.*; тамъ же пропущены слова: „*отъ Вестъ-Меккеръ Юніонъ 3 дол.*

Слѣдующій № выйдетъ черезъ недѣлю.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

---

[1]) Также устраиваются въ ограниченномъ кругу дискуссіи Были пока дискуссіи объ с.-рахъ и о женскомъ вопросѣ.

вожделѣній. При квартирѣ былъ взятъ тов. А. Шустовъ и пришедшій къ нему въ гости О. Квецинскій. Послѣдній освобожденъ по манифесту; Шустовъ, избившій при арестѣ помощника и смѣло державшій себя на допросѣ, сидитъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ.

Всѣ усилія блюстителей закона не причинили, однако, большого вреда организаціи, и, послѣ непродолжительнаго застоя, работа была возобновлена съ удвоенной энергіей. Расширена агитація въ массѣ, какъ въ самомъ Новозыбковѣ, такъ и въ окрестныхъ мѣстечкахъ и въ промышленно-кустарныхъ селахъ, значительное число которыхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ присоединено къ комитету. Въ августѣ былъ прочитанъ въ Новозыбк. рефератъ на тему: „Годовщина южныхъ событій и современная война“, очень понравившійся рабочимъ, забросавшимъ оратора массой разнообразныхъ вопросовъ. На другомъ большомъ собраніи, въ сентябрѣ, послѣ доклада о „казацкомъ курсѣ“ въ Германіи, о насиліяхъ надъ русскими студентами и кенигсбергскомъ процессѣ, была единогласно принята, при пѣніи марсельезы и дружномъ „ура“ въ честь нѣмецкихъ товарищей, соотвѣтствующая резолюція.

Новый актъ международной пролетарской солидарности привелъ рабочихъ въ восторженное настроеніе. Соорудивъ изъ красной рубахи импровизированное знамя, они шли пять верстъ отъ лѣса до города съ революціонными пѣснями, кликами и громкими проклятіями самодержавію и его прислужникамъ.

Подобныя собранія были устроены также въ окрестностяхъ.

Въ сентябрѣ же было прочитано два реферата передъ интеллигентной молодежью: о „современномъ политическомъ моментѣ“ и о „христіанствѣ и соціализмѣ“.

За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Полѣсскимъ Комитетомъ было издано большое количество прокламаціонной литературы, около 75 тыс. листковъ. Всѣ они были разбросаны также въ Новозыбковскомъ районѣ. Воспользовавшись уборкой хлѣба, организація распространила прокламаціи „Искры“ по деревнямъ: засунутыя въ снопы, онѣ разошлись по всѣмъ окрестностямъ и имѣли большой успѣхъ у крестьянъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что дѣятельность организаціи, да и всего комитета, не очень плодотворна, и достигнутые результаты ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было бы сдѣлать. Мы обязаны ими, главнымъ образомъ, благодарной почвѣ, на которой развертывается наша агитація, и воспріимчивости населенія къ идеямъ революціоннаго соціализма. Новозыбковъ находится въ центрѣ фабрично-заводскаго и промышленно-кустарнаго округа, насчитывающаго свыше 100 тыс. рабочихъ. Въ самомъ городѣ и окружающихъ его посадахъ: Клинцахъ, Ардонѣ, Злынкѣ, имѣются громадныя фабрики; въ уѣздѣ много промышленныхъ селъ, гдѣ, наряду съ зарождающимся крупнымъ производствомъ, доживаетъ свой вѣкъ кустарный промыселъ; одно сапожное и кожевенное производство въ Семеновкѣ занимаетъ свыше 10 тыс. рабочихъ рукъ. Положеніе кустарей самое жалкое, плата за трудъ минимальная; тѣ немногіе, которымъ удалось сохранить мнимую самостоятельность, опутаны долгами и безжалостно эксплуатируются скупщиками-кулаками. Не лучше живется рабочимъ и на заводахъ. Невѣжественные, забитые, разрозненные, безъ руководства, безъ живого слова, эти несчастные помирились со своей участью и давно уже (съ 1900 г.) не пытаются больше бороться съ хищнической эксплуатаціей. Будь у насъ дѣло иначе поставлено, движеніе волной разлилось бы по району. Между тѣмъ, это широкое поле дѣятельности нами очень мало использовано. Вмѣсто тысячъ организованныхъ рабочихъ, мы насчитываемъ лишь сотни; крупныя фабрики совсѣмъ или почти совсѣмъ незатронуты; въ крестьянствѣ, крайне возбужденно настроенномъ, озлобленномъ казацкой расправой въ Ушерпьѣ и представляющимъ прекрасный объектъ для агитаціи, работы не ведется никакой. Нельзя винить въ этомъ организацію и комитетъ: они дѣлаютъ все возможное. Слабая интенсивность работы объясняется посторонними неблагопріятными обстоятельствами, тормозящими революціонную дѣятельность и не дающими ей развернуться такъ широко, какъ было бы желательно и необходимо. Сюда относятся, прежде всего: совершенное отсутствіе нелегальной литературы и недостатокъ въ людяхъ. Недавно основанный и недурно функціонирующій кружокъ пропагандистовъ вынужденъ пользоваться исключительно легальными пособіями, а, вѣдь, на нихъ далеко не уѣдешь. Наиболѣе важные, спеціально революціонные вопросы, разрабатываются при помощи руководителя, но какъ быть, когда руководителя не оказывается? Совершенно безпомощны также агитаторы: сагитировавъ извѣстное количество людей, они должны, вѣдь, подготовить ихъ къ вступленію въ организацію, должны познакомить ихъ съ цѣлями и задачами партіи, въ которую они ихъ вербуютъ, — но что могутъ они сдѣлать безъ литературы, съ тѣмъ небольшимъ запасомъ знаній, которымъ обладаютъ? Только въ послѣднее время Ц. К. доставилъ комитету 35 фунтовъ своихъ изданій („Рабочаго дѣла въ Россіи“ и „Краснаго знамени“), но, вѣдь, это капля въ морѣ, если принять во вниманіе обширность сферы нашей дѣятельности, и въ конечномъ счетѣ каждому пункту досталось опять таки только два-три экземпляра. Однако, и это ничтожное количество оказало свое вліяніе на ходъ работы.

Кромѣ литературнаго воздѣйствія, расширеніе движенія предполагаетъ наличность достаточнаго количества опытныхъ и способныхъ агитаторовъ. И въ этомъ отношеніи положеніе у насъ не завидно. На весь обширный районъ мы располагаемъ всего тремя-четырьмя агитаторами, если и не опытными, то даровитыми. На крупныя фабрики мы только потому и не проникаемъ, что некого послать туда; товарищи едва могутъ справиться съ тѣми мѣстами, гдѣ начало уже сдѣлано. То же самое нужно сказать о руководителяхъ движенія, членахъ комитета. Сфера дѣятельности Полѣсскаго Комитета необычайно велика; она обнимаетъ площадь въ нѣсколько губерній, въ длину, приблизительно, отъ Пинска до Брянска, шириною отъ Могилева до Роменъ. Немыслимые при другихъ обстоятельствахъ, такого рода комитеты допустимы при теперешнемъ состояніи революціонной работы въ Россіи, съ тѣмъ только условіемъ, что составъ комитета долженъ быть пропорціоналенъ величинѣ обслуживаемой имъ территоріи. Такіе „районные“ комитеты только тогда могутъ быть работоспособными, когда отдѣльныя, большія и меньшія, группы, возникшія на разныхъ мѣстахъ, объединяются въ одно цѣлое, съ руководящимъ центромъ-комитетомъ во главѣ. Посреди борьбы организаціонныхъ направленій въ партіи, посреди всевозможныхъ плановъ строенія комитетовъ, нашъ комитетъ сложился по особенной, оригинальной схемѣ. Вся обширная территорія раздѣлена на нѣсколько районовъ. Каждый изъ нихъ подвѣдомственъ одному члену комитета, который старается изъ своего центра развить движеніе по периферіи и вызвать къ жизни новыя организаціи. Этотъ „районный завѣдующій“ мастеръ на всѣ руки: онъ и администраторъ, онъ и организаторъ, онъ завѣдуетъ техникой, руководитъ агитаціей и пропагандой, самъ же и пропагандистъ, и ораторъ на собраніяхъ, и вояжеръ, періодически объѣзжающій и слѣдящій за работой въ районѣ, — словомъ, полнѣйшее олицетвореніе всемогущаго, „вездѣсущаго духа“. Но одному человѣку не разорваться; обладай онъ даже организаторскимъ геніемъ, онъ неминуемо долженъ жертвовать одними функціями ради другихъ.

Ц. К. слѣдуетъ обратить больше вниманія на нашъ округъ. Игнорировать его не въ расчетѣ партіи, такъ какъ пунктъ этотъ очень важенъ, особенно, если припомнить, что на сотни верстъ кругомъ нѣтъ нашихъ комитетовъ. Необходимо снабдить насъ достаточнымъ количествомъ литературы, и, что самое важное, придти намъ на помощь агитаторами и, по меньшей мѣрѣ, двумя опытными руководителями. „Распредѣленіе силъ партіи“ входитъ, вѣдь, по уставу, въ число обязанностей Ц. К. Если этого не будетъ сдѣлано, мы вѣчно будемъ топтаться на одномъ мѣстѣ и ощутительныхъ результатовъ никогда не достигнемъ.

Черкассы, Кіевской губ. Злобой дня у насъ пріѣздъ жандармеріи. Какъ хищный волкъ рыщетъ она по городу, врывается въ квартиры, обыскиваетъ, арестуетъ. Это сильно затормазило работу нашей организаціи. Листки (Кіевск. Ком.), тѣмъ не менѣе, распространяются удачно. Наша организація охватываетъ заводы въ Черкассахъ, Смѣлѣ и станціи Бобринской. Во главѣ ея стоятъ почти исключительно рабочіе; большинство ея членовъ — русскіе рабочіе. Всего организованныхъ около 100 человѣкъ. До послѣдняго времени мы испытывали буквально голодъ въ литературѣ; все имѣвшееся разошлось и послѣдніе 2—3 мѣсяца пропаганда и агитація велись по... легальной провинціальной газеткѣ. На массовыхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ довольно часто, говорятъ на злобу дня: о кризисѣ, войнѣ, задачахъ соц.-дем. и т. д. Въ качествѣ агитаторовъ выступаютъ мѣстные же рабочіе. Сильно тормозитъ работу отсутствіе хорошаго руководительства. Хотя бы наѣздомъ набѣжалъ опытный человѣкъ изъ партіи! Работы вдоволь — въ Черкасахъ, Смѣлѣ и Бобринской крупные свеклосахарные заводы, паровыя мельницы и пр. Плотная рабочая масса. Въ однихъ Черкасахъ до 20 тыс. рабочихъ. Страшная нужда въ литературѣ, особенно въ листкахъ; не десятки и не сотни, а тысячи нужны намъ. Прибавьте еще деревни, гдѣ мы всегда можемъ распространить большое количество.

Жандармерія всѣ силы напрягаетъ, чтобы разбить нашу организацію, раскрывающую рабочей массѣ глаза... Жандармерія работаетъ... а городъ съ тревогой ждетъ — въ связи съ мобилизаціей — еврейскаго погрома. Въ присылкѣ казаковъ отказано. Буржуазія собираетъ деньги для полиціи. На требованіе Комитета самообороны удѣлить часть собранныхъ денегъ на покупку оружія, — такъ какъ много оружія пропало въ Смѣлѣ и теперь почти нѣтъ оружія — буржуазія отвѣтила категорическимъ отказомъ. Трусливое холопство еврейской буржуазіи и здѣсь отчетливо сказалось... Мобилизація ждутъ къ концу ноября. Черкассы назначены сборнымъ пунктомъ, и къ намъ, такимъ образомъ, соберутся запасные всего уѣзда, около 15 тыс. человѣкъ. Волнуются всѣ, и еврейское и русское населеніе. Особенно волнуется еврейское населеніе, благодаря циркулирующимъ слухамъ, что готовится погромъ. Говорятъ, напримѣръ, что на съѣздѣ исправниковъ Кіевской губ., состоявшемся на дняхъ, было рѣшено всякое народное недовольство, могущее имѣть мѣсто во время мобилизаціи, направить въ сторону еврейскихъ погромовъ. Что это нѣсколько правдоподобно, доказываютъ дѣйствія здѣшней полиціи: на сахарномъ заводѣ, напр., постовые городовые собираютъ по вечерамъ болѣе отсталыхъ рабочихъ (деревенскихъ) и, заговаривая о войнѣ и мобилизаціи, сваливаютъ всѣ бѣдствія православныхъ христіанъ на голову „жидовъ и поляковъ“, стараются доказать, что надо мстить „поганымъ“...

Балта. Подъ вліяніемъ всеобщаго оживленія, и въ нашемъ захолустьи пустило корни соціальдемократическое движеніе. Несмотря на много неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, какъ совсѣмъ патріархальный строй отношеній, общая сонливость жизни и просто ужасающая нищета мѣстныхъ ремесленниковъ, совсѣмъ скромными во всѣхъ отношеніяхъ силами удалось пробудить къ политической и классовой жизни мѣстное рабочее населеніе. Съ весны этого года начались массовыя собранія по 70, 80, а иногда и 100 человѣкъ, проходившія весьма оживленно. Всего такихъ собраній было до десяти. Говорилось на нихъ о войнѣ, о мобилизаціи, объ амстердамскомъ конгрессѣ, о „новомъ курсѣ“. Затѣмъ велись бесѣды о политической и экономической борьбѣ, объ отношеніи Р. С.-Д. Р. П. къ Бунду, о соц.-рев. и т. п. Распространялось сравнительно много литературы; такъ, были разбросаны прокламаціи Одесскаго Ком. о мобилизаціи, 400 шт.; въ связи съ этимъ, велась усиленная устная агитація среди присланныхъ сюда въ большомъ количествѣ запасныхъ. Прокламаціи о мобилизаціи распространялись во время пребыванія въ городѣ губернатора, который, разумѣется, сдѣлалъ все, чтобы усилить эффектъ отъ этого событія. Распространено также 500 шт. къ запаснымъ, объ убійствѣ Плеве — 100 шт., „Кто долженъ побѣдить?“ изд. „Искры“, 100 экз. Далѣе роздано 40 шт. „Двѣ Европы“. „Стачка въ Кримнчау — 30 шт. „Во что обходится русскому народу война“ — 25 штукъ. „Городское самоуправленіе“ — 20 штукъ „Стачки на югѣ“ и т. д.

Почти еженедѣльно, кромѣ массовокъ, происходятъ собранія въ 20-30 человѣкъ[1]). Большинство рабочихъ — евреи, процентъ русскихъ незначителенъ. Организовано также до 40 работницъ изъ табачныхъ и конфектныхъ фабрикъ. Полицейскія условія здѣсь совершенно первобытныя. Однако, рабочихъ уже звали въ полицію и, ничего не добившись, отпускали. Были и обыски здѣсь. Въ общемъ, вліяніе организаціи на обывательскую среду идетъ далеко. Растетъ число нейтрально-сочувствующихъ, и пробуждающаяся политическая мысль обывателя находитъ себѣ подчасъ самое оригинальное выраженіе (адресъ Зарудному). Лучшіе рабочіе обыкновенно очень скоро покидаютъ Балту и переѣзжаютъ въ крупные центры. Въ воспитаніи такихъ отдѣльныхъ дѣятельныхъ рабочихъ, которые могли бы проявить себя на болѣе широкой аренѣ, и заключается одна изъ задачъ мѣстной организаціи. Слѣдовало бы только встрѣтить побольше поддержки извнѣ.

Заявленіе. (Переводъ съ польскаго). Желая познакомить всѣхъ съ истиннымъ ходомъ стачки, въ виду умышленно лживыхъ извѣстій, распространяемыхъ въ нелегальной и заграничной прессѣ, мы, „Стачечный Комитетъ“, т. е. люди, руководившіе всей стачкою, заявляемъ:

18 августа состоялось первое офиціальное собраніе. На собраніе приглашены были только агитаторы и нѣсколько болѣе вліятельныхъ каменщиковъ, которые, назначивъ день начала стачки на субботу 20 августа, избрали Комитетъ и поручили ему дальнѣйшее руководительство стачкою. Въ Комитетъ вошло по 4 представителя отъ мѣстныхъ организацій „Пролетаріата“ и „С.-Д. П. и Л.“. Комитетъ рѣшилъ: 1) устраивать ежедневно биржу, т. е. назначать мѣста, гдѣ могли бы сходиться каменьщики для совѣщаній по дѣламъ стачки; 2) устраивать общія собранія; 3) организовать кассу для стачечниковъ и 4) поручить указаннымъ выше организаціямъ изданіе прокламацій.

20 августа были распространены прокламаціи партіи „Пролетаріатъ“, призывающія къ стачкѣ, послѣ чего работа прекратилась и стачка вспыхнула.

Въ общемъ, въ стачкѣ приняло участіе, по нашему счету, больше 10.000 каменщиковъ. 22 августа состоялось первое собраніе за Вольскою заставою. Собранные каменщики, въ числѣ 600 человѣкъ, выслушавъ 2-хъ ораторовъ изъ С.-Д., устроили манифестаціонное шествіе черезъ Волю; полиція не оказала никакого сопротивленія. Въ среду 24, каменщики, въ числѣ 400, собрались за Ерусалимскою заставою, гдѣ были произнесены одна за другою двѣ рѣчи, одна — товарищемъ изъ „Пролетаріата“, другая — товарищемъ изъ С.-Д.

На 27 было назначено собраніе на Сѣкеркахъ за Черняковскою заставою. Собраніе это было самымъ многочисленнымъ изъ всѣхъ, какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ: въ немъ приняло участіе болѣе 800 человѣкъ. Были произнесены 3 рѣчи; 2 товарищемъ изъ С.-Д., 1 тов. изъ „Пролетаріата“. По окончаніи собранія, появилась полиція, при чемъ арестовано было около 25 товарищей, отдѣлившихся отъ толпы.

28 августа, т. е. въ воскресенье, была распространена 2-ая прокламація, изданная „Пролетаріатомъ“, призывающая стачечниковъ къ солидарности и стойкости; 30-го состоялось 4-ое собраніе за Мокотовскою заставою; собравшіеся, въ числѣ 300, выслушавъ рѣчь товарища изъ „Пролетаріата“ и обсудивъ нѣкоторые техническіе вопросы стачки, начали расходиться, какъ вдругъ нагрянула полиція и арестовала 6 тов.

1 сентября, въ четвергъ, было новое собраніе на углу Ерусалимской Аллеи и Леопольдины, гдѣ собралось 300 человѣкъ и были произнесены 2 рѣчи тов. изъ „Пролетаріата“.

Въ послѣдній разъ собрались каменьщики на Сасской Кемпѣ 4 сентября въ воскресенье, гдѣ нѣсколько разъ въ присутствіи 200 каменьщиковъ держали рѣчь 2 тов. изъ „Пролетаріата“ и произнесъ довольно длинную рѣчь одинъ изъ стачечниковъ.

Въ четвергъ 8 сентября „Стачечный Комитетъ“ рѣшилъ устроить демонстрацію; демонстранты въ числѣ 400 человѣкъ, развернувъ красное знамя, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, съ безпрестанными возгласами „долой самодержавіе“, „долой эксплуатацію“, да „здравствуетъ рабочее дѣло“, „да здравствуетъ стачка“ и т. д., — прошли отъ угла Краковскаго Предм. и Ново-Медовой черезъ Ново-Медовую, Ново-Сенаторскую, Театральную Плош. до Вержбовой, гдѣ на нихъ набросилась полиція. Произошла стычка, при чемъ ранено двое городовыхъ и одинъ околодочный, но полиціи не удалось никого арестовать.

10 сентября каменьщики, добившись въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ (въ меньшинствѣ изъ нихъ) сокращенія рабочаго дня на 1 часъ, нѣкотораго повышенія платы и увѣренія со стороны предпринимателей, что имъ построятъ паккамеры, и не будучи въ силахъ вести дальше борьбу, рѣшили прекратить стачку и 12 сентября приступили къ работѣ.

Денегъ у насъ было мало, и этому обстоятельству слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать неудачу стачки.

Кромѣ „Пролетаріата“ и „С. Д. Ц. П. и Л.“, никакія другія партіи въ стачкѣ участія не принимали.

„Стачечный Комитетъ Каменьщиковъ“.

Варшава, октября 1904 г.

---

[1] Также устраиваются въ ограниченномъ кругу дискуссіи. Были пока дискуссіи объ с.-рахъ и о женскомъ вопросѣ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Ц. К. переизданъ листокъ: „Кто долженъ побѣдить“? **Кубанскимъ Ком.** — тотъ же листокъ. **Харьковскимъ Ком.** — тоже, **Кіевскимъ**: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“? (6000), Призывъ къ всеобщей забастовкѣ съ требованіемъ мира (6000), „Къ запаснымъ“ (2-е изданіе — 6000), „Мобилизація и еврейскій погромъ“ (10000), **Самарск. Ком.** „Требуйте мира“ (5000), **Петерб. Ком.** „Къ запаснымъ Обуховскаго завода“, **Двинск. орган.** „Пора“ и „Новая мобилизація“ (переп. съ листка Ц. К.), **Крымскимъ Союзомъ**: „Пора“ и „Къ солдатамъ“, (листокъ „Искры“), **Херсонск. орган.** „Портъ-Артуръ и Ляоянъ“ (листки Ц. К.), **Елисаветградск. орг.** „Къ солдатамъ“ (листокъ „Искры“).

Изданія комитетовъ: Петербургскаго: 1) Къ студенчеству о демонстраціи, 2) „По поводу земскаго съѣзда“. **Кіевскаго**: „Земскій съѣздъ“ (6000), „Къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ“ (1000), „Къ рабочимъ завода Греттера“ (1000). **Одесскаго**: Резолюція, предложенная собранію въ обществѣ народнаго здравія. **Казанскаго**: „Къ новобранцамъ“ (2000), „Къ столѣтію Казанскаго университета“ (2000). **Уральскаго**: „Къ новобранцамъ“ (2000). **Саратовскаго** „Къ новобранцамъ“ (2000). **Тамбовской и Борисоглѣбской** группами: „Къ новобранцамъ“ (1000). **Самарскимъ**: „Объ Амстердамскомъ конгрессѣ“, „Представителямъ земствъ“, „Къ рабочимъ завода Лебедева“ (500) и „Къ новобранцамъ“ (2000). **Екатеринославскимъ Ком.**: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (о судѣ надъ участниками всеобщей стачки — 8000). **Балаханскими** и Бибиайбатскими рабочими въ Баку — листокъ о всеобщей стачкѣ. **Томскимъ Ком.** — Листокъ № 61, „Царскій слуга или воръ“. **Иркутскимъ Ком.**: „Резолюція олекминскихъ ссыльныхъ“. **Камышинской группой**: „Къ новобранцамъ“ (300). **Кременч. Ком.**: „Къ новобранцамъ“. **Елисаветгр. Орг.**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“. **Херсонск. орг.** — „Къ рекрутамъ“. **Студ. Орг. Кіевск. Ком.** выпустила листки: 1) „Хроника“, 2) „О ходѣ либеральнаго движенія“, 3) „Отвѣтъ на призывъ къ единенію“, 4) „Игра въ революцію“, 5) „Резолюція петерб. банкета“. **С.-Д. организація Моск.** высш. учебн. зав. издала листки о голодовкѣ въ Таганкѣ и о программѣ — минимумъ партіи.

Въ изданіи „Искра“ вышла брошюра **Рабочаго**: „Рабочіе и интеллигенты“, съ предисл. П. Аксельрода.

Въ изданіи Ц. К—та вышелъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ **Маркса и Энгельса** (5000 экз.).

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ воспоминанія Л. Дейча „*16 л. въ Сибири*“, 330 стр., съ прилож. Цѣна 4 fr.

Бакинскій Ком. Р. С.-Д. Р. П. проситъ насъ сообщить, что въ его прокламаціи, изданной по поводу убійства Плеве и подвергшейся рѣзкимъ нападкамъ „Рев. Рос.“ (№ 52), слово „ублюдокъ-смѣльчакъ“ употребленное въ примѣненіи къ Сазонову и вызвавшее негодованіе „Рев. Рос.“ введено въ прокламацію, по недоразумѣнію, корректоровъ типографій и комитетъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за это выраженіе. (Комитетъ своевременно оповѣстилъ объ этомъ въ своемъ мѣсячномъ отчетѣ, изданномъ въ Баку).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ теченіе 24—27 ноября арестовано 165. **Бѣлая Церковь.** Здѣсь арестовано 28 рабочихъ. **Калуга.** Въ ночь на 10 ноября взяты: бывш. семинар. Виноградовъ и семин. С. Муравьевъ (найд. „Искра“).

Екатеринодаръ. Въ станицѣ Платнировской жандармы арестовали 3-хъ крестьянъ, ходившихъ по станицѣ и разсказывавшихъ содержаніе прокламацій и брошюръ, изданныхъ Р. У. П. Одинъ изъ нихъ малограмотный, а двое другихъ и совсѣмъ не читаютъ.

Побѣги: Бѣжавшій изъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., ветеринарный врачъ — Грюнеръ арестованъ на границѣ и теперь сидитъ въ Сувалкахъ. — М. Веріеръ, приговоренный на 4 г. въ Вост. Сиб. и сданный въ солдаты, бѣжалъ заграницу. — Верховскій, арестованный въ Харьковѣ на улицѣ, послѣ демонстр. 6 ноября, по дорогѣ въ тюрьму бѣжалъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Комитетъ женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

Въ засѣданіи Комитета Кассы 14-го октября 1904 года представитель Заграничной Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ заявилъ, что представляемая имъ заграничная организація, согласно резолюціи II съѣзда ея объ отношеніи заграничной организаціи П. С. Р. къ Соц.-Дем. Партіи направленія „Искры“, не считаетъ болѣе возможнымъ участвовать черезъ своего представителя въ женевской кассѣ помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, состоящей изъ представителей Р. С.-Д. Р. П., Бунда и П. С. Р. Комитетъ Кассы въ засѣданіи 14-го октября постановилъ ликвидировать дѣла этой кассы къ 1-му декабря 1904 г. По истеченіи этого срока ни одно учрежденіе въ Женевѣ, задающееся цѣлью помощи политическимъ ссыльнымъ и заключен., не можетъ носить имени женевской кассы помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ безъ согласія представлявшихъ ее организацій. Всѣ дѣла Кассы ликвидированы правильно. Комитетъ.

Женева, 24-го декабря 1904 г.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено 16 fr. 45 с. — изъ Л. перед.: ве Л—скую тюрьму 87 fr. 60 с.

Отчетъ кассы будетъ помѣщенъ въ слѣд. №.

Въ почтовый ящикъ предыдущаго номера „Искры“ вкрались слѣдующія опечатки: въ рубрикѣ „Насъ просятъ напечать“ вмѣсто „получено въ пользу якутянъ черезъ Tuman'a“, набрано — „черезъ Tumaner'a“; тамъ же вмѣсто *11 дол. и 50 цент.*, напечатано *11 кронъ и 50 цент.*; тамъ же пропущены слова: „*отъ Вестъ-Меккеръ Юніонъ 3 дол.*

Слѣдующій № выйдетъ черезъ недѣлю.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.